

ISSN 2542-2197

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2020 11 (840)

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

1930

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2020

11

выпуск 840

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

1930

HUMANITIES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2020

11
Issue 840

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор

доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)

Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф.
Василук И., канд. филол. наук
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф.
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф.
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф.
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Евдокимов А. Ю., академик РАН, д-р техн.
наук, канд. культурологии, доц.
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц.
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц.
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц.
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц.
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф.
Малыгина И. В., д-р филос. наук, проф.
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф.
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц.

Порохницкая Л. В., д-р филол. наук
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц.
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц.
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф.
Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф.
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц.
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф.
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц.
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц.
Харитончик З. А., д-р филол. наук, проф.
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц.
Цветаева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Барсукова Э. К.

Социолингвистический аспект двойной грамматической модальности
в английском языке 11

Ванько Т. Р.

Синтаксические параметры политической коммуникации в блогосфере 21

Власенко С. В.

Английская юридическая терминология с префиксальным отрицанием:
анализ морфемной семантики 36

Глазунова М. А.

Мелодика дублинского диалекта английского языка 49

Грибанова Т. И.

Компенсационные тактики в англоязычном медицинском дискурсе
(на примере общения между врачом и пациентом) 57

Ерохина О. В.

Семантический потенциал видовременных форм
в диалогическом дискурсе (на материале диалогов из британских
и американских ток-шоу) 67

Жибер Е. В.

Экспрессивная инверсия в английском языке..... 81

Керова А. В.

Концепт «любовь» в английском поэтическом дискурсе XVII–XVIII вв. 92

Климик В. А.

Лингвокреативная орфография и фактор адресата 104

Конькова А. С., Садовникова Е. В.

Проблема соотношения функции текста и стратегии реализации
авторского замысла в нем 119

Лебедева И. С.

Инструменты персуазивного воздействия 132

Маркова Ю. Б.

Особенности древнегерманских просодики и вокализма
по сравнению с индоевропейскими 141

<i>Миронова О. В.</i>	
Клитические формы неопределенного артикля в немецком языке	149
<i>Павлова Е. Б.</i>	
Развитие эпистемической модальности в истории английского языка: факторы языковых изменений	161
<i>Павлюк О. Н.</i>	
Кумуляция: междисциплинарность термина и его лингвистическая доминанта	175
<i>Панченко Е. Э.</i>	
Образ диснеевской принцессы: трансформация поведения и ее отражение в языке	185
<i>Попова Е. А.</i>	
Особенности использования предложных пассивных конструкций в английском языке	195
<i>Романова И. Д.</i>	
Когнитивные модели убеждения как основа механизма персуазивного воздействия в исследовании институционального дискурса (на материале английского языка)	207
<i>Салькова М. А., Мачина О. А., Коршунова Е. Н.</i>	
Вариативность герундиальных и полугерундиальных оборотов: в поисках прогностической методологии	217
<i>Северина Е. А.</i>	
Языковые способы гибридизации современного немецкоязычного фельетона	230
<i>Смурова О. В.</i>	
Способы усиления коммуникативной динамики эпистемических высказываний	240
<i>Сорокина Т. С.</i>	
Неканонические английские результативные конструкции: метафора и метонимия	251

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Макуни Е. А.</i>	
О специфике некоторых видов авторских комментариев в свете различных подходов к изучению лингвистического гипертекста	260
<i>Попова Е. А., Подольская Е. Е.</i>	
Гибридизация жанров и стилей в творчестве Х. Х. Мильяса: от экспериментального романа к «Расстатье»	271

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ананьева К. А., Бибикова И. В.

Отражение социальных проблем Испании в современной поэзии 285

Калугина Т. Н.

Британские университеты как компонент трансформации культурных ценностей международной системы высшего образования XXI века 297

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Barsukova E. K.</i>	
Grammatical Double Modality in English: Sociolinguistic Aspect	11
<i>Vanko T. R.</i>	
Syntax of Political Communication in Blogosphere	21
<i>Vlasenko S. V.</i>	
Legal English Terminology With Prefixal Negation: a Morphosemantic Analysis	36
<i>Glazunova M. A.</i>	
Melodic Aspect of Dublin English	49
<i>Gribanova T. I.</i>	
Mitigation in English Language Doctor–Patient Interaction	57
<i>Erokhina O. V.</i>	
Semantic Potential of Tense-Aspect Forms in Dialogical Discourse (Illustrated by British and American Talk Shows)	67
<i>Zhiber E. V.</i>	
Expressive Inversion in the English Language	81
<i>Kerova A. V.</i>	
The Concept of “Love” in English Poetry of XVII–XVIII Centuries	92
<i>Klimik V. A.</i>	
Linguocreative Orthography and the Recipient Factor	104
<i>Konkova A. S., Sadovnikova E. V.</i>	
The Problem of Relationship of the Text Function and the Strategy for Implementing the Author’s Intent in It	119
<i>Lebedeva I. S.</i>	
Strategies of Persuasion	132
<i>Markova Y. B.</i>	
Specific Features of Germanic Prosody and Vocalism Contrasted with Indoeuropean	141
<i>Mironova O. V.</i>	
Clitic Forms of the Indefinite Article in German	149

<i>Pavlova E. B.</i>	
The Development of Epistemic Modality in the History of English: Factors of Language Change	161
<i>Pavlyuk O. N.</i>	
Cumulation Terminology-Wise: Establishing Priorities for Linguistics	175
<i>Panchenko E. E.</i>	
Disney Princess Image: Behaviour Dynamics and Its Reflection in Language	185
<i>Popova E. A.</i>	
The Use of Prepositional Passive Constructions in English	195
<i>Romanova I. D.</i>	
Cognitive Models as the Basis of Persuasion in English Institutional Discourse	207
<i>Salkova M. A., Machina O. A., Korshunova E. N.</i>	
Variation of Gerundial and Half-Gerundial Complexes: Searching for a Prognostic Methodology	217
<i>Severina E. A.</i>	
Linguistic Strategies of Hybridization of Modern German-Language Feuilleton	230
<i>Smurova O. V.</i>	
Ways of Increasing the Communicative Dynamics of Epistemic Utterances	240
<i>Sorokina T. S.</i>	
Non-Canonical English Resultative Constructions: Metaphor and Metonymy	251

LITERARY STUDIES

<i>Makuni E. A.</i>	
The Specific Features of Fictional Commentaries in Terms of Different Approaches to the Study of the Linguistic Hypertext	260
<i>Popova E. A., Podolskaya E. E.</i>	
Genre and Style Hybrids in J.J. Millás's Works: from Experimental Novels to "Articuentos"	271

CULTUROLOGY

Ananyeva K. A., Bibikova I. V.

Reflection of Spanish Social Problems in Modern Poetry 285

Kalugina T. N.

British Universities as a Transformation Component of Cultural Values
of the 21st Century International Higher Education System 297

УДК 81'367

Э. К. Барсукова

аспирант кафедры грамматики и истории английского языка
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: elia2605@yandex.ru

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДВОЙНОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена функционированию в языке предложений, содержащих двойные модальные сочетания. В работе проводится анализ функционального потенциала таких сочетаний, а особое внимание уделяется установлению социолингвистических характеристик респондентов (возраст, гендер, образование, местоположение, тип дискурса) методом корпусного анализа. Автор приходит к следующим выводам: 1) географическая экспансия двойной модальности в настоящий момент продолжается; 2) конструкции признаются валидными всеми возрастными и гендерными группами и 3) двойные модальные сочетания регистрируются в разных типах дискурса (письменная / устная речь, художественная проза, Интернет и медиадискурсы).

Ключевые слова: модальность; двойная модальность; социолингвистика; вежливость; маркеры вежливости; хеджирование.

E. K. Barsukova

PhD Student, Department of Grammar and History of English, Faculty of English
Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: elia2605@yandex.ru

GRAMMATICAL DOUBLE MODALITY IN ENGLISH: SOCIOLINGUISTIC ASPECT

The present article looks into the grammatical phenomenon of double modality which at first sight may be considered incorrect since it does not meet the rules of traditional grammar. Nevertheless, double modal combinations seem to gain frequency in terms of acceptability and usage as well as of geographical expansion. In the article grammatical double modality is described in terms of its origin, frequency, functional potential and, predominantly, in terms of its sociolinguistic features. Special attention is given to speakers' age, level of education and mode of communication in the framework of which the examples were collected and subjected to a thorough

sociolinguistic analysis. The results obtained in the study suggest that double modality may no longer be regarded as a purely regional phenomenon and as a mistake made by poorly educated speakers.

Key words: modality; double modality; sociolinguistics; politeness; politeness markers; hedging.

Introduction

Double modal combinations are combinations of two or sometimes more modal verbs (*might could, will can, might should*) at a time which at first sight may appear strange and grammatically incorrect and causes surprise and bewilderment among learners of English. Such sentences as *We might could go to the meeting tomorrow or You might should consider this option* are not covered in traditional grammar books since they combine two modal verbs at a time in one sentence which is regarded as a case of grammatical distortion [Leech 2003]. Nevertheless, this construction is often employed and is widely accepted as valid by native speakers.

In linguistics the problem of double modality has been widely covered since the end of the 20th century when a tendency towards a growing frequency was registered; at that time grammatical double modality acquired a peripheral status. The first study of double modal combinations is believed to be the work of William Labov (1972), who suggested that the first component of such combinations is a modal verb that functions as an adverb [Labov 1972]. This point of view prompted discussions about the nature and pragmatics of this phenomenon [Battistella 1995; Hasty 2012; Novich i Moré 2016] as well as about its sociolinguistic aspect [Hasty 2011].

Modality is the most anthropocentric and multifaceted area of linguistics and double modality, although it is regarded as a low-frequency phenomenon in the English language, is still developing and is widely accepted by the English-speaking world. For instance, this grammatical phenomenon has been recently showing a tendency towards a growing frequency, revealing its usage not only in speech of Americans but also outside the territory of the US. Taking all of this into consideration we think it reasonable to conduct a case study into the sociolinguistic aspect of double modality with the primary aim of studying today's linguistic situation.

Methodology

The primary aim of the present article is to analyze the examples on the matter of sociolinguistic characteristics that govern the usage of

double modal combinations: we are particularly interested in such social constraints as age, gender and level of education of speakers. Double modal combinations are subjected to a thorough sociolinguistic analysis: examples are studied within a social context, all social constraints are considered and analyzed, also taking into account semantic and pragmatic meaning of the utterances.

For the analysis we have singled out five most frequent and interesting double modal combinations: *might could*, *might would*, *might should*, *might will* and *will can*. For the purpose of the present paper the totality of 500 examples of usage (starting from 2010) of five combinations from the following sources have been collected and then subjected to a thorough statistical, comparative and sociolinguistic analysis:

1. The Intelligent Web-based Corpus (iWeb) – Internet pages;
2. News on the Web (NOW) – magazines, journals, newspapers;
3. Global Web-Based English (GloWbE) – different varieties of English;
4. Corpus of Contemporary American English (COCA) – American English;
5. British National Corpus (BYU-BNC) – British English;
6. TV and Movie Corpus – informal and colloquial language;
7. Verilogue Corpus – doctor / patient discourse;
8. collections of examples of DiPaolo (1982–1989), Reed (2013), Hasty (2012), Mishoe&Montgomery (1994), Elsman (2009) and other linguists.

These collections of texts also allow us to look at the geographical distribution of the cases and consider their usage in different types of discourse (spoken and written speech).

Double modal combinations: a brief overlook

Double modals are combinations of two or more modal verbs (*might could*, *will can*, *might should*) – an epistemic modal as the first component followed by a modal either in the dynamic (a) or deontic (b) meanings. Cases of two epistemic (c) components are also possible (*might will*).

1. You know, so, I had to try to recruit the right girls to come in to be in it who **might could** win (<https://youglish.com/pronounce/might%20could%20win/english>).

2. The kids don't do any of the extras in the book. For a highschooler you **might could** increase the quantity of reading assignments (<https://simplycharlottemason.com/scmforum/topic/mystery-of-history-2/>).

3. We **might will** go for a higher rate than P25/ml to P45/ml (<https://businessmirror.com.ph/2019/11/22/house-senate-panels-pitch-higher-vaping-tax-not-ban/>).

The first instances of double modality were registered in the written records of the Northumbrian dialects (England), in the 17-18 centuries they manifested themselves on the territory of Scotland after which they were brought to the territory of the USA, primarily to the South (M. Montgomery, J. Stephen, S. Nagle). According to Harvard's Dialect Survey (2003) and to the research by Hasty (2011) the map of the usage of double modals in the US may look as follows:

Fig. 1. Double modals in the USA

There are more than 25 double modal combinations in active use today, and the total number of all possible combinations can reach 80 and more [Battistella 1995; Hasty 2012; Novich i Moré 2016]. The most frequent combinations include *might could*, *might can*, *might would* and *might should* (identified through the corpus-based method). The functional potential and semantics of each combination depend on many sociolinguistic characteristics of the speaker (age, gender, educational level), as well as on the type of discourse (written / oral) and territorial distribution.

Examining double modal combinations in the terms of the sociolinguistic characteristics of speakers (in the US), Hasty comes to the following conclusions [Hasty 2011]:

1. The phenomenon is mostly popular among young respondents (19–29 years old), regardless of gender and their level of education.
2. Young respondents state that such combinations allow them to show their belonging to the Southern American English, as well as to express some additional shades of meaning.
3. The older generation is more accepting of the double modality than the middle-aged group.
4. The most accepting group is men without higher education.

As is seen, although some research on the sociolinguistic aspect of the phenomenon has been conducted so far, it is necessary to provide further analysis since the instances of usage have been registered far outside the South of the United States.

Sociolinguistic Analysis: Findings and Discussion

A thorough sociolinguistic analysis conducted by the author allows us to make the following conclusions.

The combination *might could* is recognized by both men and women, with the male group slightly outweighing, making up 61 %. The combination is used by all age groups, mostly by middle-aged speakers with higher education, which does not coincide with the findings from 2011 [Hasty 2011]. It is no surprise that most of the examples are registered in the United States (mainly in the South), however, there are also frequent cases in the countries of outer circle – India, Singapore, Sri Lanka (1) – and in the countries of expanding circle – Brazil, China (2).

Examples:

1. This **might could** be seen as it will be frustrating (<http://tamilnn.com/?p=3746>).
2. This is a tool from nodebb if you do research there you **might could** do in the “water cooler” category a new request and maybe help that we get a better configuration to use it also with a mobile device (<https://community.onion.io/topic/1632/can-t-connect-to-wifi-driving-me-insane/13>).

The combination *might could* is found both in written and oral speech. In writing it is used in fiction to create the image of a typical southerner (mostly poorly educated, like in 1), in the media to convey additional shades of meaning, as well as in Internet discourse (various kinds of blogs, forums, social networks).

1. *Cletus*: [holding a pair of boots] Hey, Brandine. You **might could** wear these to your job interview.

Brandine: And scuff up the topless dancin ‘runway? Naw, you best bring ‘em back where from ya got’ em.

Cletus: Okay. [to the boots] Back you go, to wait for a woman o ‘less discriminatin’ taste (<http://tamilnn.com/?p=3746>).

In spoken speech it most often occurs in cases of unequal communication where *might* is employed as a hedging device with the aim of mitigating the imposition of the utterances that are intrinsically face threatening to the listener. The combination of *might could* in this meaning is likely to be used by people acquiring certain roles in the conversation, for example by clerks while making offers to customers, by secretaries and by doctors while making prescriptions. Cases in spoken speech between friends, colleagues, family members are also numerous.

1. If it was mentioned in connection with, say, your thyroid thing, then you **MIGHT could** probably connect your confusion with that illness (<https://www.medhelp.org/posts/Neurology/Sudden-flashes-of-confusion/show/1744218>).

2. Strength actually leaves gradually and if multiple cycles are close enough together then you **might could** avoid strength and muscle mass loss (<http://anabolicminds.com/forum/steroids/202342-normal-feel-weak.html>).

3. You know what **might could** help that is losing some weight [Hasty 2011].

Doctors use this combination in order to reduce the pressure on the patient, which is achieved with the help of the first component *might* employed as a hedging device. For example, in (3) the doctor gently advises the patient to lose some weight.

The next combination under analysis, *might would*, has a similar function of mitigating the utterance in the following unequal communicative situations:

1. I love your site! And many thanks for taking time out to put it together. I have a craft idea you **might would** want to add to your site. The one on your site about leaf prints reminded me of a craft I remember as a kid (https://www.dltk-holidays.com/fall/leaf_prints.htm).

2. If you are a guy you **might would** want to use some darker colors (<https://alittlecraftinyourday.com/galaxy-painted-converse/>).

As for the geography of the combination, it is registered throughout the United States, but is often employed by speakers from countries of the outer (India, Zambia) and expanding circle (Denmark).

This double modal combination is recognized by representatives of all genders and all age groups, most of them are people with higher education (71 %) or those who received their PhDs.

The combination *might should* is employed in both, spoken and written discourse, with equal proportions (51 % vs 49 %). Speakers are predominantly people with higher education. Remarkably, there are no instances of usage by the younger group (under 20), yet the combination is accepted by elderly speakers. It is so far the highest indicator of double modal acceptance (24 %) among the older group, which makes *might should* so far the most accepted and employed combination among people over 50 (in comparison *with might could* 22,9 % and *might would* 13 %).

Spoken instances are mostly extracts from conversations between friends, family members. Besides, these combinations appear in interactions between unequal partners: doctors and patients, secretaries and clients, clerks and customers and alike; *might* in this case serves as a hedging element, mitigating the rank of imposition and making the advice sound tentative (3). Written examples include news reports, fiction and, to a large degree, Internet posts (blogs, forums, commentaries) both from the countries of inner (2) and outer (1) circle.

1) When you have a listing of stocks to get, you **might should** diversify them in a method that provides the greatest reward/risk ratio (*Tanzania: <http://www.partnersforprosperity.org/wiki/index.php?title=User:Enos.Asberry759>*).

2) If you find that «one», you **might should** strongly consider it (*US: <https://www.wellspringcbd.com/which-cbd-should-i-buy>*).

3) Even in the '60's there was a book called AND THE POOR GET CHILDREN. You **might should** see if there's a copy available on Amazon. It's a thin book and written for the general public who do not like to read academic research (*<http://kingfish1935.blogspot.com/2016/01/over-half-of-all-mississippi-babies.html>*).

The next combination under analysis, *will can*, can also be attested in different countries of inner and outer circles, yet the majority of them are registered in the UK: out of all the instances attested in the inner circle, cases in the UK make up more than 50 %. Remarkably, a number of attested cases are found in the countries of expanding circle: it may testify

to the fact that although we regard this combination as ‘typically British’, we see that its usage is gradually expanding.

Predominantly we find the usage of *will can* in written speech (82 %): mostly in mass media discourse, especially news reports around the UK. Spoken examples are mostly extracts from all kinds of interviews, those of officials (1), MPs representatives (2) and alike.

1) A: I think Brexit *will can* be a massive boost to British fishing but it’s going to require a concerted strategy to get it right and it won’t all happen overnight (<https://www.grimsbytelegraph.co.uk/news/grimsby-news/brexit-food-parcels-grimsbys-future-3623764>).

2) Cllr Carl Marshall, Durham County Council’s Cabinet member for economic regeneration, said anyone driving through the city **will cannot** fail to notice the arrival of the tower crane (<https://www.chroniclive.co.uk/news/north-east-news/crane-taller-leaning-tower-pisa-17764979>).

All attested cases have the same meaning, where the first component *will* implies a future action and the second, the dynamic modal *can*, shows the possibility of this action. The whole combination denotes a future action that will probably be fulfilled.

Last but not least we analyzed the combination *might will*, the one which seems to be of a different kind, employing two epistemic verbs at a time: *might* showing the lowest degree of certainty and *will* implying the highest degree of certainty. We came to the conclusion that in most cases the combination has a meaning of a possible (*might*) future action (*will*) (1, 2):

1) «Eliminating stars unlikely to have planets and pre-selecting those that *might will* save a ton of time,» he said (<https://www.sciencedaily.com/releases/2019/06/190625093310.htm>);

2) If you’re not feeling sleepy, these specially designed audio tales **might will** help you nod off (<https://www.winnipegfreepress.com/arts-and-life/life/stories-that-tuck-you-in-506159202.html>).

Another meaning of *might will* is widely attested on the territory of the US (primarily) where it is employed in cases of unequal communication in the meaning of tentative advice or recommendation: the epistemic *might* implying the lowest degree of certainty and serving as a hedging element and the verb *will* in its lexical meaning *want*. The combination is used in order to avoid the pressure on the speaker and to minimize the threatening of the interlocutor’s negative face (3).

3) If you bother to show up at the polls, you **might will** simply mark your X on a name you recognize, or vote for “You know, buddy” (<https://www.cbc.ca/news/canada/newfoundland-labrador/election-not-top-of-mind-for-st-john-s-costco-shoppers-1.3252288>).

The majority of cases belong to written speech, Internet discourse; primarily news articles both in inner and outer circles.

Conclusion

The results obtained in the present study of the sociolinguistic aspect of double modality in English allowed us to make the following conclusions:

1. Double modal combinations show a tendency towards a growing frequency in different geographical areas (registered instances in inner, outer circles as well as occasional examples in some countries of expanding circle);
2. This grammatical phenomenon is accepted and employed by different age and gender groups;
3. Grammatical double modality is used in various types of discourse: written, spoken, fiction, mass media, Internet discourse.

We assume that to date it would be wrong to consider cases of double modality as a mistake of poorly educated people. Such combinations allow speakers to express additional shades of meaning, identify themselves as Southerners or serve as means of politeness or hedging devices.

We thus observe an expansion of the phenomenon which testifies to the fact that the English language is evolving, and the findings and the material of this article may be used in teaching practical and theoretical grammar while discussing modality.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Battistella, E. L.* The Syntax of the Double Modal Construction // *Linguistica Atlantica*. 1995. URL: <https://journals.lib.unb.ca/index.php/la/article/download/22489/26146> (дата обращения: 15.09.2020).
- Di Paolo, M.* Double modals as single lexical items // *American speech*. 1989. 3(64), 195-224.
- Hasty, D. J.* We might should oughta take a second look at this: A syntactic re-analysis of double modals in Southern United States English. 2012. URL: <https://msu.edu/~hastyjam/images/Double%20Modal%20Reanalysis.pdf> (дата обращения: 22.09.2020).

- Hasty, J. D.* I Might Not Would Say That: A Sociolinguistic Study of Double Modal Acceptance // University of Pennsylvania: Working Papers in Linguistics: Selected Papers from NWAV 39. 2011. 2(17), 91–98.
- Labov, W.* Language in the Inner City: studies in the Black English Vernacular. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972.
- Leech, G.* Modality on the move: The English modal auxiliaries 1961–1992. De Gruyter, 2003.
- Mishoe, M., Montgomery, M.* The pragmatics of multiple modal variation in North and South Carolina // American Speech. 1994. 1(69), 3–29.
- Montgomery, M., Stephen, J., Nagle, S.* Double modals in Scotland and the Southern United States: Trans-Atlantic inheritance or independent development? // Folia Linguistica Historica, 1993. 91–107.
- Palmer, F. R.* Mood and Modality. Cambridge: University Press, 1986.

УДК 81'271.16

Т. Р. Ванько

кандидат филологических наук;
доцент кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: bestgrammar@yandex.ru

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В БЛОГОСФЕРЕ

В статье рассматриваются результаты синтаксического анализа блог-сообщений из двух британских политических блогов, занимающих пятое и седьмое место в британском рейтинге. Информативная стратегия, являющаяся основной в политической коммуникации в блогосфере, предопределяет ее синтаксические параметры, имеющие нормативный характер. Синтаксис политического блоггинга тяготеет к формату политических аналитических статей СМИ, который, однако, претерпел адаптацию в условиях электронной среды коммуникации.

Ключевые слова: политический блоггинг; политическая коммуникация в блогосфере; персональные и групповые блоги.

T. R. Vanko

PhD (Philology), Associate Professor, Department of Grammar and History of English, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: bestgrammar@yandex.ru

SYNTAX OF POLITICAL COMMUNICATION IN BLOGOSPHERE

The article reviews the results of syntactical analysis of texts posted in two political British blogs, which rate 5th and 7th in the Top Ten Blogs rating. The main informative strategy of political communication in blogosphere determines standard language syntactical parameters of professional bloggers' posts. Their syntax resembles that of analytical articles, which, however, has been adapted to the new media of electronic communication.

Key words: political blogging; political communication in blogosphere; personal and group blogs.

Введение

Стремительное развитие новых интернет-технологий привело не только к появлению нового коммуникативного пространства, но и модифицировало сам процесс общения индивидуума с миром. Интернет-коммуникация является общепризнанной формой

глобального коммуникативного взаимодействия между людьми в современном мире и характеризуется большой социальной значимостью. Особую важность имеет коммуникация в политической блогосфере, служащей не только источником новостной информации, но и средством выражения общественного мнения.

Изучение блог-коммуникации в лингвистике

Термин «блогосфера» обозначает совокупность всех блогов как социальную сеть и динамичную информационную оболочку [Горошко, Полякова 2013; Зуйкина 2017, с. 22; Ибраева 2018]. Под политической блогосферой понимается совокупность политических блогов, которые представляют собой регулярно обновляемую, расположенную в хронологическом порядке ленту публикаций в форме текста, видео, фото или мультимедиа, освещающих политические вопросы внутренней и внешней политики на разных уровнях [Зуйкина 2017, с. 22]. Интерес к исследованию блогосферы растет, в этой связи актуальным является изучение ее лингвистических параметров.

Ввиду многокомпонентного, текстово-аудиовизуального способа передачи информации в Интернете, исследователи считают необходимым при описании интернет-коммуникации учитывать ее своеобразие: наличие гиперссылочного аппарата, своеобразие компьютерного письма (еще одной формы речи наряду с устной и письменной), постоянно меняющаяся виртуальная среда с варьирующимся объемом информации в текстовом, визуальном и в звуковом форматах, а также высокая степень анонимности самой среды [Hegging 2004, с. 17; Горошко 2008, с. 5].

Электронная среда, в которой существует интернет-коммуникация, определяет ее характеристики: полифоничность, гипертекстовость, интерактивность, креолизованность, дистантность, добровольность контактов и языковая креативность [Карнуп 2015, с. 5; Кобрин 2016, с. 15]. Интернет-коммуникация происходит в сети Интернет, новом коммуникативном пространстве, где коммуниканты не взаимодействуют непосредственно «лицом к лицу» в конкретном месте и в конкретное время. Это сиюминутное физическое отсутствие коммуникантов влияет на используемые для общения лингвистические средства. Такая асинхронность привела в результате к адаптации письменной по форме коммуникации к новым условиям взаимодействия субъектов, к модификации существующих и рождению новых

видов письменной коммуникации, одним из которых коммуникация в блогосфере [Горшкова 2013; Ванько 2018, с. 98].

Блог – это вид интернет-коммуникации в сетевом пространстве веб-сайта (или раздела веб-сайта), состоящий из датированных записей / постов мультимедийного и делового характера с возможностью их комментирования. В блоге не лимитируются объём сообщения, его тема, средства выражения и целевая аудитория. Это отличает блоги от других видов интернет-коммуникации (электронной почты, чатов, форумов, социальных сетей) и этим можно объяснить разнообразие блогов и способов их подачи. Создать и вести блог может любой пользователь Интернета по любой актуальной для него теме. Тематическое разнообразие блогов охватывает как бытовое, так и деловое общение.

Структурно англоязычный блог состоит из трех компонентов: средств самоидентификации автора; датированных, расположенных в обратном хронологическом порядке постов; диалогической (полилогической) части.

В зависимости от количества авторов блога различаются частные / персональные блоги (один автор) и групповые блоги (более одного автора), объединяющие профессионалов в определенной области с общей сферой интересов и тематикой постов. Частные блоги политематичны, так как их содержание определяется интересами автора в конкретный момент. Групповые блоги информируют читателей по определенной тематике (политика, здоровье, спорт, мода и т. п.). В групповых блогах посты содержат средства самоидентификации автора блога: вербальные (ник, название блога, список интересов, «статус» (подпись) и невербальные (аудиовизуальные); внутренние и внешние ссылки; индикаторы эмоционального состояния блогера (эмодиконы), дизайн блога (фон, расположение элементов блога, цвет, размер и вид шрифта), картинка пользователя (аватар, или юзерпик) и др.

Интерес к интернет-коммуникации в блогах велик: изучаются различные аспекты коммуникативного взаимодействия в блогах, проводятся психологические, психолингвистические, лингвокультурологические и социологические исследования блогов. Всё большее внимание уделяется их лингвистическому описанию.

В когнитивно-коммуникативном исследовании блога как вида интернет-коммуникации Е. И. Горшкова описывает коммуникативные стратегии и тактики блог-коммуникации, вербальные и невербальные средства используемые профессиональными и непрофессиональными

блогерами для их реализации [Горшкова 2013]. Определяя блог как личное сетевое пространство блогера, репрезентирующее его автора, Е. И. Горшкова указывает на его своеобразие, обусловленное спецификой интернет-коммуникации в целом и сущностными характеристиками блогов. Исследователь изучает прагматический аспект блог-коммуникации и выделяет четыре коммуникативные стратегии: информативную, модально-оценочную, регулятивную и метакоммуникативную, которые реализуются с помощью разнообразных тактик.

По мнению Е. И. Горшковой, цель информативной стратегии воздействовать на речевое / неречевое поведение читателя путем его информирования. Информативная стратегия в блогах использует разнообразные тактики: лаконичную и нейтральную подачу информации, аннотирование и комментирование информации из первоисточников, предоставление внешней или внутренней по отношению к блогеру информации [там же].

С точки зрения Е. И. Горшковой, модально-оценочная стратегия служит для выражения блогером его личного отношения к предмету общения, субъективной оценки сообщаемых фактов. Модально-оценочная стратегия использует целый ряд тактик: обозначение оценочного отношения блогера к предмету коммуникации, подкрепленное рациональной или эмоциональной аргументацией; интерпретация сообщения-побуждения.

Регулятивная стратегия контролирует и координирует речевую / неречевую деятельность адресата и реализуется ориентирующими, коммерческими и рекомендательно-инструктирующими тактиками.

Метакоммуникативная стратегия обеспечивает коммуникативный процесс путем установления (контактоустанавливающая тактика), продолжения (контактоподдерживающая тактика) или прерывания (контактопрерывающая тактика) коммуникации [там же].

Блогеры выбирают стратегии исходя из их социально-профессионального статуса. Профессионалы нацелены на деловое общение, любители ведут блоги для удовольствия. Блогеры-профессионалы выбирают в основном информативную стратегию, а блогеры-любители – модально-оценочную. При этом регулятивная и метакоммуникативная стратегии являются вспомогательными по отношению к информативной и модально-оценочной. Рассматривая лингвистический аспект блог-коммуникации, Е. И. Горшкова считает, что профессиональные блоги характеризуются нормативным использованием

языковых средств, а непрофессиональные блоги частое употребляют субъективно-оценочные, эмоциональные и ненормативные языковые и графические средства [Горшкова 2013, с.112]. Исследователь полагает, что интернет-коммуникация адаптирует письменную по форме коммуникацию к новым условиям общения и демонстрирует синкретизм признаков устной и письменной речи, что объясняется рядом факторов. Во-первых, обмен сообщениями осуществляется быстрее, чем в письменной, но медленнее, чем в устной коммуникации, ведь люди говорят быстрее, чем набирают текст на клавиатуре. Во-вторых, неограниченная интернет-аудитория, участники которой могут общаться одновременно, что недостижимо при письменной коммуникации. В-третьих, синкретизм устной и письменной речи наблюдается в используемых языковых средствах. На фонетическом уровне: просодия – интонация, смех и т. д. – воспроизводятся средствами орфографии. На лексическом уровне: активное использование неформальной лексики. На синтаксическом уровне: распространенность менее правильных и менее сложных конструкций, неполные и эллиптические предложения, компрессия, аббревиатуры и др. [Herring 2003; Горшкова 2013].

Интерес представляют результаты сравнительного анализа профессиональных и непрофессиональных блогов, выявивший влияние социально-профессионально статуса блогера на его стратегии и тактики. Непрофессиональные блогеры ведут меньше блогов, чем блогеры-профессионалы, но их посты больше по объёму и имеют аморфную структуру, содержащую больше наглядной информации (медиаконтента и эмодиконов). Непрофессиональные блоги посвящены бытовым аспектам жизни, таким как здоровье, фитнес, садоводство, кухня, мода, домашние животные, семья, дом, путешествия и развлечения (книгам, искусству, музыке, кино, знаменитостям, ТВ). Непрофессиональные блогеры используют в своих постах больше сленга, ненормативной лексики и средств выражения субъективной модальности. Профессиональные блоги посвящены политике, экономике, бизнесу, науке и др. Они имеют новостную ориентацию, поэтому используют упорядоченную и четкую структуру изложения материала при помощи заголовков, подзаголовков и выделения ключевых слов, а на лингвистическом уровне характеризуются частым употреблением специальной терминологии и нормативных языковых средств. Отмечая нормативный характер языка профессиональных блогов, Е. И. Горшкова указывает на наличие в них таких черт

публицистического стиля как клишированные фразы, эмоционально окрашенных вопросов и прямого цитирования [Горшкова 2013].

И. Г. Сидорова проводит сопоставительный анализ различных жанров русскоязычного и англоязычного персонального интернетдискурса (сайт, блог, социальная сеть и комментарии). Касательно синтаксических параметров блогов, исследователь отмечает обилие сложных предложений (сложносочиненных и сложноподчиненных), преимущественно с придаточными причины и следствия [Сидорова 2014, с. 13]. По мнению И. Г. Сидоровой, личный блог служит для демонстрации своей личной позиции. в оценке социальных проблем. Разговорный стиль в личных блогах проявляется в преобладании стилистически маркированных средств и приемов (сравнения, иронии, метафоры, гиперболы, синтаксического параллелизма, риторических обращений и восклицаний), используемых для эмоциональной выразительности [Сидорова 2014, с. 14].

Е. А. Смирнова, А. Ф. Ибраева делают попытку проанализировать языковые особенности текстов англоязычной блогосферы на материале американских новостных, специализированных (туристических), личных и имиджевых блогов [Смирнова, Ибраева 2017, с. 72]. По их мнению, язык блогов отличается от традиционного языка интернет-коммуникации, так как сочетает в себе черты языка средств массовой информации (далее – СМИ), разговорного языка и языка онлайн-общения. Исследователи отмечают небольшой объём текстов рассматриваемых блогов, их публицистический характер с элементами разговорного жанра, преобладание коротких предложений, прямой речи и небольших абзацев. Особо отмечен тот факт, что авторы специализированного блога избегают сложных синтаксических конструкций и односложных предложений, а в личных блогах часто встречаются риторические вопросы. Эмотивная окраска выражается за счет использования разных шрифтов, восклицательных знаков. Встречается также упрощение грамматических форм, что типично для устной речи [Смирнова, Ибраева 2017, с. 73]. Особо авторы отмечают тяготение англоязычного блога к тексту публицистического стиля и содержащиеся в нем призывы к действию, оценку событий [Смирнова, Ибраева 2017, с. 74; Ибраева 2018, с. 335].

Интерес представляют выводы Т. В. Бойченко, изучавшей гендерную составляющую блог-коммуникации, относительно различий синтаксических параметров в блогах мужчин и женщин [Бойченко

2013]. По ее данным, в блогах мужчин среднее количество предложений больше, чем в блогах женщин. Также блогеры-мужчины используют сложные синтаксические структуры, что нетипично для блогеров-женщин. Однако эти выводы сделаны на материале личных автономных блогов. Синтаксические параметры блог-коммуникации других жанров не анализировались.

Как видно из вышесказанного, коммуникация в блогосфере является объектом рассмотрения многих исследований, однако синтаксическое своеобразие политического блоггинга остается недостаточно изученным.

Синтаксические характеристики британских политических блогов

Материалом для рассмотрения синтаксических характеристик языка политической блогосферы послужили девять постов, размещенных в двух профессиональных британских политических блогах PoliticalBetting.com и Left Foot Forward, занимающих соответственно пятое и седьмое место в рейтинге десяти популярных британских политических блогов Political Blogs UK Top 10 от 25 марта 2020 года [Top Ten Blogs 2020].

Персональный политический блог PoliticalBetting.com основан профессиональным журналистом и политиком Майком Смитсоном в 2004 г. как платформа для публикации анализа, статистики и прогнозов политического характера [PoliticalBetting 2020].

Групповой политический блог Left Foot Forward под редакцией Джошиа Мортимера и Джо Ло позиционирует себя как независимая от партийной принадлежности левая платформа для объективного отражения текущих событий.

Для синтаксического анализа были отобраны четыре блог-сообщения Майка Смитсона из его блога PoliticalBetting.com и пять блог-сообщений различных блогеров из блога Left Foot Forward (Джошиа Мортимера, Кельвина Гулливера, Софии Дуру и Омара Салема). Все блог-сообщения опубликованы в период с 23 по 27 марта 2020 г. и посвящены актуальным проблемам, связанным с эпидемией коронавируса COVID-19. Изучение синтаксических структур, используемых в политической блогосфере, имело целью выявление синкретизма политической блог-коммуникации, совмещающей признаки письменного и устного общения.

Прежде всего, остановимся на объёме постов блогеров. В нашем материале их объём варьируется от 12 до 30 предложений. Однако следует отметить, что в самом длинном сообщении (30 предложений) одну четвертую часть составили цитаты из внешних источников, которые комментирует блогер. Необходимо отметить, что, по мнению исследователей, прямое цитирование, заимствованное из публицистического стиля, типично для профессиональных блогов и способствуют реализации их информативной стратегии, нацеленной на информирование аудитории [Горшкова 2013]. В нашей выборке цитаты могут содержать от одного до пяти предложений.

Jess Phillips MP said: “We must work together at this moment of crisis. The coming weeks or months of lock down and self-isolation leave those in abusive relationships in grave danger. Hotels have an opportunity to throw a lifeline to vulnerable women and children, to offer a place of safety, at a time when they need it the most” (<https://leftfootforward.org/2020/03/hotels-challenged-to-offer-sanctuary-to-domestic-abuse-victims-amid-coronavirus-crisis/>).

Еще одним заимствованным из публицистического стиля инструментом информирования читателя является аннотирование информации из первоисточников, которое предполагает краткое изложение содержания первоисточника со ссылкой на него без авторских оценочных суждений и представляет собой один из способов фильтрации информации. В нашем материале аннотирование оформлено в виде косвенной речи, представленной на синтаксическом уровне сложно-подчиненными предложениями с придаточными дополнительными.

The letter from campaigners highlights that over 17,000 NHS beds have gone since 2010, meaning the NHS was under-prepared to deal with the crisis, campaigners say. (<https://leftfootforward.org/2020/03/nhs-campaigners-demand-to-see-the-details-of-private-hospital-deal/>).

Что касается объёма обследованных профессиональных политических блогов, то наши данные созвучны выводам других исследователей о том, что блог-сообщения короче, чем журнальные аналитические статьи [Yuheng, с. 249; Смирнова, Ибраева 2017, с. 72]. Меньший по сравнению с аналитическими статьями объём блог-сообщений можно объяснить динамизмом и быстротой коммуникации в блогах, основная цель которых – сформулировать и поделиться с интернет-аудиторией своим видением актуальных событий, а также получить

комментарии от получателей. По нашему мнению, блогер может разместить несколько постов в день, давая мгновенную синоминутную оценку событий. Они компактны (в среднем 12 предложений) и доступны для восприятия. Интерактивность интернет-коммуникации позволяет читателям блога не только быть в курсе происходящего, но и делиться полученной информацией далее в социальных медиа, а также писать свои комментарии. Так, в рассматриваемом материале число читательских откликов на опубликованные блогерами сообщения может достигать нескольких сотен [PoliticalBetting 2020].

В нашей выборке прямое цитирование и аннотирование первоисточников используется преимущественно авторами группового политического блога Left Foot Forward, в то время как ведущий персонального политического блога PoliticalBetting.com М. Смитсон избегает прямых цитат и ведет блог от первого лица, реализуя одну из основных функций блоггинга на самопрезентацию и самовыражение [Черкасова 2012, с. 164]. Являясь популярной формой творческого самовыражения личности автора, блог служит средством саморекламы блогера.

The thing that I find most weird about the current lockdown situation is that there is no football or other our professional sport. [...] I don't know whether [...]. I've been a soccer fan all my life and [...]. I just long for normal football weekends to return turn but that seems highly unlikely (<https://www7.politicalbetting.com/index.php/page/2/>).

Как показало рассмотрение коммуникативных типов предложений в блог-сообщениях, повествовательные предложения составляют подавляющее большинство (97 %) по сравнению с вопросительными (3 %) и восклицательными (0 %). Используемые вопросы являются риторическими и служат для констатации мысли автора. Приводимый ниже вопрос выражает озабоченность блогера по поводу социальной политики британского правительства после окончания эпидемии.

Once the coronavirus crisis is over, will benefits be cut again and rough sleepers thrown back onto the street? (<https://www7.politicalbetting.com/index.php/page/2/>).

Анализ структурных типов предложений в блог-сообщениях выявил тенденцию к использованию сложноподчиненных предложений, составивших более половины рассматриваемых структур (55 % всего материала). Простые предложения используются в полтора раза реже (37 %). Сложносочиненные предложения наименее частотны

в блог-сообщениях (8 %), при этом в половине случаев они усложняются придаточными предложениями. Как, например, в следующем случае сложносочиненное предложение инкорпорирует два придаточных: предикативное и определительное.

Common threats like the coronavirus do bring out the best in people and the question is how is this going to be organised in a manner that the volunteers and the people being helped are comfortable with (<https://www7.politicalbetting.com/index.php/page/2/>).

Рассмотрим сложноподчиненные предложения, зарегистрированные в нашем материале, более подробно. Они составили более половины рассматриваемых структур и содержат придаточные предложения различных типов: дополнительные, определительные, обстоятельственные придаточные времени, уступки, условия, причины, цели, а также подлежащие и предикативные придаточные. Наиболее частотные из них – придаточные дополнительные (42 %), вводимые союзом *that*, *whether* или бессоюзные, а также союзными местоимениями и наречиями *what*, *how*, *why*. Их высокая частотность объясняется тем, что придаточные дополнительные оформляют косвенную речь, используемую для констатации факта, который затем комментируется блогером.

They say that there is a risk of an “epidemic of abuse” taking off in the coming weeks as women are forced to stay indoors with abusive husbands and partners because of self-isolation, home-working, and possible reduced job hours (<https://leftfootforward.org/2020/03/hotels-challenged-to-offer-sanctuary-to-domestic-abuse-victims-amid-coronavirus-crisis/>).

Придаточные определительные являются вторыми по частотности в обследованных сложноподчиненных предложениях (23 %). Они вводятся союзом *that*, а также союзными местоимениями *who*, *which* и бессоюзным способом.

Signed by 31 other NGOs including Amnesty and the Jo Cox Foundation, it points to evidence from China which shows that rates of domestic abuse have tripled since the lockdown there (<https://leftfootforward.org/2020/03/hotels-challenged-to-offer-sanctuary-to-domestic-abuse-victims-amid-coronavirus-crisis/>).

Придаточные времени, вводимые союзами *as*, *as soon as*, *before*, *once*, *when*, *while*, также часто встречаются в рассматриваемых блог-сообщениях (17 %).

Almost as soon as they were announced, the cracks in the government's policy for renters started to appear (<https://leftfootforward.org/2020/03/the-governments-plans-for-renters-are-a-total-betrayal/>).

Достаточно часто используются сложноподчиненные предложения с придаточными уступки (8 %) с союзами *although*, *even though*, *while*.

Even though he is totally concerned with his own state millions are turning to this each day rather than Trump's White House briefings for the latest analysis and detail (<https://www7.politicalbetting.com/index.php/page/2/>).

Придаточные подлежащные, предикативные, обстоятельственные условия, цели и причины в равной степени мало представлены в анализируемом материале (по 2 % каждые).

Блогеры часто используют усложненные структуры, содержащие несколько типов придаточных предложений одновременно, что делает высказывание емким по смыслу и сравнительно компактным по структуре. Например, следующее сложноподчиненное предложение имеет два определительных придаточных и два придаточных времени.

The hundreds of mutual aid groups that have sprung up in response to coronavirus could continue once this is over: transformed into lasting organisations that continue to support communities across the country when coronavirus has, hopefully, become a memory (<https://leftfootforward.org/2020/03/the-coronavirus-crisis-could-bring-us-closer-together/>).

Итак, политические блог-сообщения характеризуются обилием сложноподчиненных предложений с целой палитрой разнообразных типов придаточных, что указывает на принадлежность к формальному языковому регистру.

Простые предложения встречаются в полтора раза реже. Они зафиксированы в 37 % всего материала.

The Spanish government have taken control of all private hospitals indefinitely in the midst of the crisis (<https://leftfootforward.org/2020/03/nhs-campaigners-demand-to-see-the-details-of-private-hospital-deal/>).

Сложносочиненные предложения, представленные в анализируемых блог-сообщениях союзами *and* и *but*, употребляются реже всего (8 %).

Government support has been put in place to prevent layoffs and universal credit has been increased with the snap of the Chancellor's fingers (<https://leftfootforward.org/2020/03/the-coronavirus-crisis-could-bring-us-closer-together/>).

Выводы

Синтаксические параметры политической блог-коммуникации изучались на материале персонального и группового британских политических блогов, размещенных блогерами-мужчинами. Авторы указанных политических блогов являются профессиональными политиками и журналистами, этим объясняются присутствующие в их текстах особенности публицистического стиля: прямое цитирование, аннотирование первоисточника, использование риторических вопросов.

Сравнительно небольшой объём постов в политических блогах предопределен их главной функцией – информативной. Для наиболее точного и быстрого информирования читателей блога по вопросам актуальной политики используются лаконичные небольшие по объёму тексты, которые быстро как генерируются, так и воспринимаются.

При этом в подавляющем большинстве случаев используются сложные синтаксические структуры: сложноподчиненные и сложносочиненные предложения, часто содержащие несколько типов придаточных одновременно. Это делает сообщения емкими в содержательном отношении. Целая палитра разнообразных типов придаточных предложений позволяет всесторонне описать излагаемую ситуацию. Однако дополнительные придаточные предложения доминируют, так как служат для частого аннотирования информации из первоисточников.

Простые предложения встречаются в три раза реже сложных, что свидетельствует о тяготении блог-коммуникации к письменной речи. Вместе с тем важно отметить, что язык профессиональных политических блогов носит нормативный характер. Нами не наблюдалось каких-либо отклонений от языковой нормы. Нормативный характер языка политического блоггинга определяется его основной задачей – информировать читателя адекватными, легкими для восприятия средствами.

Можно сделать вывод, что по своим синтаксическим параметрам язык политической блогосферы тяготеет к публицистическому языку аналитических статей СМИ, но адаптирован к условиям блог-коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бабитова Л. В. Языковые средства репрезентации американского политического блог-дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2017. [Babitova, L. V. (2017). *Jazykovye sredstva reprezentacii amerikanskogo politicheskogo blog-diskursa (Language Means Representing American Political Blog-Discourse)*: thesis of PhD in Philology. Pjatigorsk. (In Russ.)]. URL: https://pgu.ru/upload/iblock/edb/Dissertatsiya_Babitolvoy_L.V._otform_.PDF (дата обращения: 11.03.2020).
- Бойченко Т. В. Гендерная составляющая блог-коммуникации: на материале личных автономных блогов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2013. [Bojchenko, T. V. (2013). *Gendernaja sostavljajushhaja blog-kommunikacii: na materiale lichnyh avtonomnyh blogov (Gender Aspect of Blog-Communication in Personal Blogs)*: abstract of PhD in Philology. Majkop. (In Russ.)]. URL: <https://www.dissercat.com/content/gendernaya-sostavlyayuushchaya-blog-kommunikatsii> (дата обращения: 24.04.2020).
- Ванько Т. Р. Синтаксические характеристики политического медиадискурса Твиттера // Вестник Московского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 15 (810). С. 88–101. [Van'ko, T. R. (2018). *The Twitter Political Media Discourse Syntax. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 15(810)*, 88–101. (In Russ.)]. URL: http://libranet.linguanet.ru/prk/Vest/15_810.pdf (дата обращения: 24.04.2020).
- Горошко Е. И. Психолингвистика Интернет-коммуникаций // Вопросы психолингвистики, 2008. С. 5–11. [Goroshko, E. I. (2008). *Psiholingvistika Internet-kommunikacij (Psycholinguistics of Internet-Communication) // Voprosy psiholingvistiki (Problems of Psycholinguistics)*. 5–11. URL: <file:///C:/Users/Apple/Downloads/psiholingvistika-internet-kommunikatsiy.pdf> (дата обращения: 20.04.2020).
- Горошко Е. И., Полякова Т. Л. Политический твиттинг как жанр интернет-коммуникации // Вопросы психолингвистики. № 19. 2013. [Goroshko, E. I., Poljakova, T. L. (2013). *Political Twitting as a New Digital Genre. Voprosy psiholingvistiki (Problems of Psycholinguistics). № 19*. 2013. (In Russ.)]. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=245> (дата обращения: 13.04.2020).
- Горшкова Е. И. Блог – как вид интернет-коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. [Gorshkova, E. I. (2013). *Blog – kak vid internet-kommunikacii (Blog as a type of Internet-Communication)*: thesis of PhD in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)]. URL: <http://cheloveknauka.com/blog-kak-vid-internet-kommunikatsii#ixzz6IoyFgpOl> (дата обращения: 11.04.2020).
- Зуйкина К. Л. Особенности политической коммуникации в блогосфере России и США: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. [Zujkina, K. L.

- (2017). *Osobennosti politicheskoy kommunikacii v blogosfere Rossii i SShA (Peculiarities of Political Communication in Blogosphere in Russia and in the USA): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)*. URL: <http://www.dslib.net/zhurnalistika/osobennosti-politicheskoy-kommunikacii-v-blogosfere-rossii-i-ssha.html> (дата обращения: 11.04.2020).
- Ибраева А. Ф. Языковые особенности текстов англоязычной и русскоязычной блогосферы // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. № 8 (86). Ч. 2. Тамбов: Грамота, 2018. С. 333–336. [Ibraeva, A. F. (2018). Linguistic Features of Texts of English and Russian Blogosphere. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktik (Philological Sciences. Theory and Practice)*. № 8 (86). Ch. 2. Tambov : Gramota. 333–336. (In Russ.)]. URL: <file:///C:/Users/Apple/Downloads/yaz-kov-e-osobennosti-tekstov-angloyazychnoy-i-russkojazychnoy-blogosfer.pdf> (дата обращения: 02.04.2020).
- Карнуп Е. В. Многоязычная коммуникация в сети интернет как сфера реализации механизмов компрессии сообщений: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2015. [Karnup, E. V. (2015). *Mnogojazychnaja kommunikacija v seti internet kak sfera realizacii mehanizmov kompressii soobshhenij (Multilanguage Communication on the Internet as Space for Compression Mechanisms)*: abstract of PhD in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)].
- Кобрин Н. В. Медiateксты Твиттера в когнитивном аспекте (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. [Kobrin, N. V. (2016). *Mediateksty Tvitтера v kognitivnom aspekte (na materiale anglijskogo jazyka) (Cognitive Aspect of English-Language Twitter Media Texts)*: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Сидорова И. Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. [Sidorova, I. G. (2014). *Kommunikativno-pragmaticheskie harakteristiki zhanrov personal'nogo internet-diskursa (sajt, blog, social'naja set', kommentarij) (Communicative-Pragmatic Features of Personal Internet-Discourse Genres (site, blog, social network, commentary))*: abstract of PhD in Philology. Volgograd. (In Russ.)]. URL: https://vspu.ru/sites/default/files/disfiles/avtoreferat_sidorovoy_i.g.pdf (дата обращения: 15.03.2020).
- Смирнова Е. А., Ибраева А. Ф. Языковые особенности текстов англоязычной блогосферы // *Международный научно-исследовательский журнал*. Вып. № 12 (66). Часть 1. Филологические науки. 2017. С. 70–73. [Smirnova, E. A., Ibraeva, A. F. (2017). Linguistic Features of Texts of English-Speaking Blogosphere. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. Filologicheskie nauki. International Research Journal. Philological Sciences*, 12 (66), part 1. 70–73. (In Russ.)]. URL: <https://research-journal.org/languages/yazykovye-osobennosti-tekstov-angloyazychnoj-blogosfery/> (дата обращения: 20.04.2020).

- Черкасова Н. В. Лингвокультурологические характеристики блога как жанра интернет-коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 5 (259). Филология. Искусствоведение. Вып. 63. С. 164–168. [Cherkasova, N. V. (2012). Lingvoculturological Characteristics of a Blog as a Genre of Internet Communication. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. Iskusstvovedenie. Vestnik of Cheljabinsk State University. Philology. Art. 5 (259). Вып. 63. 164–168. (In Russ.)]. URL: file:///C:/Users/Apple/Downloads/lingvokulturologicheskie-harakteristiki-bloga-kak-janra-internet-kommunikatsii%20(1).pdf (дата обращения: 20.04.2020).
- Herring, S. Computer-mediated discourse analysis // Handbook of Discourse Analysis, edited by Deborah Tannen, Deborah Schiffrin, and Heidi Hamilton. Oxford: Blackwell, 2004. URL: <http://nl.ijs.si/janes/wp-content/uploads/2014/09/herring01.pdf> (дата обращения: 02.04.2020).
- Mortimer, J. Hotels challenged to offer sanctuary to domestic abuse victims amid coronavirus crisis. March 26, 2020. URL: <https://leftfootforward.org/2020/03/hotels-challenged-to-offer-sanctuary-to-domestic-abuse-victims-amid-coronavirus-crisis/> (дата обращения: 26.04.2020).
- Yuheng, Hu, Kartik, Talamadupula, Subbarao, Kambhampati. Dude, srsly?: The Surprisingly Formal Nature of Twitter's Language // Proceedings of the Seventh International AAAI Conference on Weblogs and Social Media. URL: file:///C:/Users/Apple/Downloads/6139-30372-1-PB.pdf (дата обращения: 02.04.2020).
- Top ten blogs. URL: <https://www.vuelio.com/uk/social-media-index/top-10-uk-political-blogs/> (дата обращения: 25.03.2020)
- PoliticalBetting. URL: <https://www7.politicalbetting.com/index.php/page/2/> (дата обращения: 25.03.2020).

УДК 81'276.6:34+81'371:811.111

С. В. Власенко

кандидат филологических наук;
доцент кафедры английского языка как второго иностранного переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: svetlana.v.vlasenko@mail.ru

АНГЛИЙСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ С ПРЕФИКСАЛЬНЫМ ОТРИЦАНИЕМ: АНАЛИЗ МОРФЕМНОЙ СЕМАНТИКИ

В статье рассматривается семантический потенциал терминологических лексем английского юридического языка, отрицательные значения которых образуются посредством разных префиксальных морфем, традиционно используемых в общепотребительном английском языке для выражения отрицания. Наложение семантики отрицательного префикса на концептуальную структуру английских юридических понятий продуцирует не всегда однозначные смыслы. Это обусловило необходимость анализа морфемной семантики ряда отрицательных префиксов.

Ключевые слова: английская юридическая терминология; значение морфемы; морфосемантический анализ; отрицательные префиксы; русская юридическая терминология; семантика отрицания; терминологическое значение.

S. V. Vlasenko

PhD (Philology), Associate Professor, Department of English as the Second Foreign Language, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University;
e-mail: svetlana.v.vlasenko@mail.ru

LEGAL ENGLISH TERMINOLOGY WITH PREFIXAL NEGATION: A MORPHOSEMANTIC ANALYSIS

This article features the semantic potential of some terminological lexemes from legal English, whose negative forms are built with different prefixal morphemes conventionally used in general English to convey negation. When overlapping with the conceptual structure of legal English terms, negative morphemes' semantics seems to affect the conveyed sense by blurring it or making it somewhat ambiguous. That stipulated a morphosemantic analysis of a number of the negative prefixes studied.

Key words: legal English terminology; legal Russian terminology; morphemic meaning; morphosemantic analysis; negative prefixes; semantics of negation; terminological meaning.

Введение

В фокусе анализа данной статьи находятся префиксальные морфемы, выражающие отрицание в языке англо-американского права. По формальным признакам средства образования отрицательных значений в юридическом английском языке как языке для специальных целей и в общелитературном английском языке не отличаются. Однако следует учесть, что семантика отрицания в юридическом языке сложна для восприятия и понимания вследствие того, что на лексическое значение терминологической лексемы, которое может характеризоваться полисемией, накладывается значение отрицательного префикса со своей семантикой.

Некоторые единицы специальной юридической лексики и терминологии, семантика которых включает отрицание, но которые сами по себе не относятся к отрицательным словам, вызывают сложности понимания. Эти термины выражают отрицание благодаря префиксальным отрицательным морфемам, так как отрицание не является основным семантическим признаком значений самих терминологических лексем.

Семантика англоязычных отрицательных терминов анализируется в статье на основе их русскоязычных переводных эквивалентов, предложенных специальными двуязычными словарями [АРДС 1989; Королькевич и др. 2002; Пивовар 2003; АВВУУ 2014]. Приведенные примеры из разных отраслей юриспруденции позволяют детализировать характер отрицания, выраженного префиксальными отрицательными морфемами.

1. Актуальность изучения префиксального отрицания

Отрицание – грамматико-семантическая категория, которой посвящено много исследований философов языка, логиков, лингвистов-компаративистов и грамматистов. Более полувека назад отечественные англисты стали обращаться к префиксальному виду отрицания в целях исследования его семантики, исчисления и дискретного описания, анализа деривационных схем при словообразовании, а также для установления словообразовательного варьирования отрицательных префиксов в синхронии и диахронии [Стасюлевичюте 1958; Бритенкова 1976; Шиошвили 1978]. Однако отрицание как популярный объект лингвистики и когнитивистики уступает другим

грамматическим явлениям в терминоведении, являющемся основной базой изучения языков для специальных целей, в том числе юридического языка.

Согласно Д. Кристалу, под отрицанием понимается выражение частичного или полного несогласия или возражения в отношении смысла предложения [Crystal 1995, с. 455]. Как показывает проведенный далее анализ ряда юридических терминов, отрицание в юридическом английском, помимо названного «несогласия» или «возражения», может также выражать и принципиальный, категорический, отказ, запрет, неодобрение по поводу определенных действий либо указывать на чье-либо неповиновение, неподчинение. Может показаться, что «отказ» или «запрет», равно как и «неповиновение» и «неподчинение», характеризуют отношения одного семантического спектра и пусть отдаленно, но сопоставимы с «несогласием» и «возражением», находясь с этими понятиями в причинно-следственных отношениях по меньшей мере условно.

В этой связи уместно обратиться к одному из отечественных исследователей отрицания в естественных языках Е. В. Падучевой, которая констатирует, что отрицание – это «одна из свойственных всем языкам мира исходных, семантически неразложимых смысловых категорий, которые не поддаются определению через более простые семантические элементы» [Падучева 1990, с. 354–355]. Характеризуя отрицание как семантический элемент и описывая средства выражения отрицания, лингвист выделяет среди прочих отрицательные префиксы, называя образованное с их помощью отрицание присловным [там же, с. 354]. При этом Е. В. Падучева отмечает, что этот вид отрицания обычно выражает неполное отрицание, хотя может выражать и полное. Отметим, однако, что вопрос о полноте и (или) неполноте отрицания, выраженного префиксально, представляется нам важным, но не первичным. В этой связи основное внимание в данной статье будет полностью сконцентрировано на сложности семантических признаков, которые позволил выявить анализ морфемной семантики отрицательных префиксов в составе английской юридической терминологии.

2. Семантические особенности префиксального отрицания в юридических контекстах

Среди отрицательных префиксов английского языка, многие из которых употребляются в юридических контекстах, отметим

следующие: *dis-*, *in-* (*il-* / *ir-*), *mal-*, *non-*, *un-* и др. Особое внимание будет уделено таким префиксальным морфемам, как *dis-*, *non-* и *un-*, поскольку они, представляя среди прочих, наиболее частотные отрицательные префиксы английского словообразования, порождают сложности восприятия юридической лексики и терминологии, в состав которой они входят. На это направлен и анализ семантики префиксального отрицания в ее взаимодействии с семантикой терминологических лексем и единиц специальной юридической лексики.

Для юридической сферы характерны нерутинные способы объективации знаний, связанных с отрицанием действий, событий или состояний. Выражение отрицания в юридической лексике и терминологии англо-американского права сопряжено со спецификой, которая характеризуется некоторой пресуппозиционной обусловленностью и имплицитностью. Эти особенности понимания отрицательной семантики терминологических значений могут быть проиллюстрированы примерами, небольшого количества которых достаточно для понимания нелинейности переноса отрицательных смыслов из англоязычных юридических контекстов в русскоязычные, например: *impossible consideration* – «невыполнимое встречное удовлетворение» [Пивовар 2003, с. 395]; *displace the law* – «изменять закон» [там же, с. 260]; *mischievous intent* – «намерение причинить вред» [там же, с. 516]; *misdirection* – «ошибка судьи в инструктировании присяжных» [там же, с. 517] и др.

Анализ этих первых примеров показывает, что отрицательные префиксы, помимо своего собственно грамматического значения, имеют семантические признаки или даже пучки признаков (термин А. А. Холодовича), вступающие в сложное взаимодействие с семантикой термина, служащего основой деривации. Некоторые из этих признаков достаточно прозрачны для понимания, а некоторые выражают разные степени отрицания, которые в определенных контекстах могут восприниматься как семантически неопределенные либо как вовсе не отрицательные, например: *comprehensive dishonesty* – «расширенное страхование от мошеннических действий сотрудников (служащих)» [Королькевич и др. 2002, с. 125]. Уместен также пример *nonaligned summit* – «конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран» [АВВУУ 2014]. Эти примеры, формально содержащие префиксальное отрицание, фактически выражают в первом случае предположение о потенциальной возможности мошенничества,

которое способны совершить сотрудники ведомства или организации, а во втором – факт существования стран, не являющихся подписантами определенных международных соглашений. В этой связи вышеприведенное мнение Д. Кристала о характерной для отрицания семантике «несогласия» и «возражения» не демонстрирует достаточной убедительности и не может полагаться исчерпывающим в части теоретической обоснованности. Указанное свойство юридической лексики с префиксальным отрицанием выражать неотрицательные смыслы способно осложнять понимание отрицания, которое передает та или иная единица английской юридической лексики и терминологии, в состав которой входит отрицательная префиксальная морфема.

3. Семантика префиксального отрицания в юридическом английском: мнение британского юриста

Профессиональные сообщества в разных сферах деятельности при взаимодействии друг с другом стремятся самостоятельно определять характер языка своей профессии. Особенно скрупулезный подход к профессиональному языку характерен для правового сообщества, правоведов-теоретиков и практикующих юристов, а также лингвистов, специализирующихся на изучении закономерностей юридического языка (см., например, работу [Некрасова 2013], а также тематический сборник о симбиозе языка и права [Юрислингвистика-7 2006]). Аналогично обстоит дело и в зарубежной правовой среде [Власенко 2015], где наиболее широко цитируемыми являются те исследования по юридическому языку англо-американского права, которые выполнены юристами [Schane 2006; Solan 2010; Teirsma 2000].

Так, британский юрист Р. Хей, эксперт по образовательным проектам и преподаванию юридического английского юристам ЕС, посвятил книгу своему объекту исследования, выделив регулярные и нерегулярные закономерности в языке юриспруденции [Haigh 2012]. Эта книга стала одной из наиболее известных работ по юридическому английскому языку.

3.1. Семантические признаки отрицательного префикса *dis-*

Рассматривая преимущественно лексические дилеммы и комментируя стилистические фигуры юридического письма, Р. Хей уделяет внимание и грамматическим вопросам, в частности употреблению форм выражения отрицания [Haigh 2012, с. 30, 62]. Непосредственно

останавливаясь на отрицательных префиксах, юрист выделяет из множества средств отрицательной префиксации следующие: *un-*, *in-*, *il-*, *im-*, *ir-*, *non-* и *anti-* [Haigh 2012, с. 30]. Особое место Р. Хей уделяет значениям префикса *dis-*, описывая их как частично совпадающих со значениями других отрицательных префиксов. Автор указывает, что префикс *dis-* обозначает не только и не столько отрицание, сколько несогласие, синонимом которого является *dissent* («отказаться дать согласие; расходиться во мнениях; заявить особое мнение» [Пивовар 2003, с. 261], как, например, во фразе *we dissent* – «мы не согласны / мы расходимся во мнении» [Haigh 2012, с. 30].

Безусловно, такая точка зрения Р. Хей ценна, учитывая крайнюю скудность исследовательских материалов, устанавливающих границы действия отрицания, передаваемого префиксальной морфемой *dis-* именно в юридических контекстах. Отметим, однако, что предложенная британским юристом трактовка оставляет место для сомнений, порождая попытки проверить имеющиеся языковые факты для верификации фактического семантического поля лексем, образованных посредством данного префикса.

Рассмотрим несколько примеров устойчивых терминологических словосочетаний из разных юридических отраслей, в состав которых входит данная префиксальная морфема:

- (а) *dismiss a charge* – «отказать в обвинении; отказать(ся) от обвинения»;
- (б) *dismiss a complaint* – «отклонить жалобу, отказать в удовлетворении жалобы»;
- (в) *disimprison* – «освободить из заключения (тюрьмы)»;
- (г) *dismissed case* – «прекращенное дело» [Пивовар 2003, с. 258].

В примерах (а) и (б) доминирует полное отрицание, активное негативно окрашенное действие «отказать, отклонить», которое вряд ли можно отнести к простому «несогласию», в то время как в примерах (в) и (г) семантика терминов позитивна и констатирует завершенность действия, на что прямо указывают словарные эквиваленты «освобождение, прекращение». Этих языковых фактов достаточно, чтобы увидеть широкозначность и амбивалентность семантики отрицательного префикса *dis-*. Как видим, ни активное сопротивление совершить какое-либо действие, ни, наоборот, позитивное доведение действия до его логического конца, не могут служить подтверждением

семантических признаков префикса *dis-*, на которые указывал британский юрист.

Рассмотрим другие примеры терминологических словосочетаний, в состав которых входят термины с префиксальной морфемой *dis-*:

(д) *disparity in sentencing* – «несоразмерность при назначении наказаний; дискриминация при назначении наказаний»;

(е) *disparaging words, acts or gestures* – «уничжительные слова, действия или жесты» [Пивовар 2003, с.259],

(ж) *disproved matter* – «недоказанный, опровергнутый факт» [там же, с. 260].

В приведенных примерах (д) и (е) превалируют, соответственно, семантические признаки несоответствия реальных событий и фактов ожидаемым, что выражает умаление прав человека; в то время как в примере (ж) наблюдаем признаки другого семантического поля – «оскорбление» и «недоказуемость». Ни одно из этих признаков также прямо не взаимосвязано с «несогласием», предписанным Р. Хейем в качестве «опознавательного» смыслового признака префикса *dis-*.

Перейдем к другому ряду примеров юридической лексики с отрицательным префиксом *dis-*:

(з) *disheritance* – «лишение наследства»;

(и) *disherit* – «лишать наследства» [там же, с. 258];

(к) *dismortgage* – «выкупать заложенное имущество» [там же, с. 259].

В примерах (з) – (к) со всей очевидностью выступает признак возвратного действия, аннулирования ранее совершенного действия или решения. Несомненно, что «лишить» кого-либо можно только того, что ранее было даровано или полагалось по праву, аналогично «выкупить» можно только то, что ранее было кому-либо подарено, продано или иным образом передано. В этих примерах достаточно сложно увидеть признак «несогласия» как доминирующий семантический признака префикса *dis-*.

Рассмотрим еще несколько примеров юридической лексики, в морфологический состав которой входит префикс *dis-*:

(л) *dispossession* – «незаконное владение имуществом»; «лишение права собственности; лишение владения»; «выселение (арендатора и т. п.)» [там же, с. 260];

(м) *disclaim an action* – «отказаться от иска»;

(н) *disclaimer* – «отказ от права; отказ от формулы (или пункта) изобретения» [там же, с. 255].

В примерах (л) – (н) наблюдаем действия по отказу от прав, иска и т. п. или лишению прав, которые с очевидностью выходят за семантические рамки, описываемые лексемой «несогласия» в пояснениях Р. Хей, вследствие своей семантики, имплицитующей принципиальность позиции и категоричность решения. Здесь вновь следует признать недостаточную определенность признаков отрицательной семантики префиксальной морфемы, предложенную британским юристом в своей работе.

Суммируя вышеописанные комментарии, можно констатировать, что семантические признаки отрицательного префикса *dis-* выходят далеко за рамки тех, которые были предложены британским юристом, охватывая не только поле негации, но и поле аффирматива, что говорит о широкосзначности и амбивалентности рассмотренного префикса.

3.2. Спорные семантические признаки отрицательных префиксов *in-* и *non-*

Целесообразно еще раз обратиться к мнению британского юриста Р. Хей в отношении двух других частотных отрицательных префиксов *in-* и *non-*. Отметим, что юрист указывает на их широкое употребление в юридическом языке, а также на незначительную разницу смысла между ними. Свои комментарии автор сопровождает сравнением двух однокоренных прилагательных – *unnatural* и *nonnatural*. Поясняя значения этих слов, юрист отмечает, что *unnatural* означает «неестественный» с коннотациями неблагожелательности, осуждения, неприемлемости, в то время как *nonnatural* указывает на действие или состояние как неестественное, носящее искусственный характер или имеющее искусственное происхождение, но без коннотаций осуждения, неприемлемости или неблагожелательности. С учетом сказанного Р. Хей подытоживает, что префиксальная морфема *non-* носит более нейтральный характер, чем *in-* [Haigh 2012, с. 30].

Наряду с двумя описанными атрибутивными лексемами, юрист приводит пример с другими однокоренными терминами британского права: *unstatutory* и *nonstatutory*. Указав на разницу смысла двух префиксальных морфем *in-* и *non-*, которую Р. Хей считает весьма незначительной, далее он приводит следующий комментарий. По его мнению, *unstatutory* указывает на действие, которое действительно нарушает законодательство, а *nonstatutory* – на то действие, которое не относится к законодательству, т. е. не подпадает под действие

закона. Исходя из данного понимания семантики двух префиксов *in-* и *non-*, юрист рекомендует коллегам-юристам из зарубежных стран предпочтительно использовать префикс *non-* для целей юридического творчества как в письменной, так и в устной речи, подчеркивая его нейтральный характер [там же].

С одной стороны, автор прав в отношении атрибутивной лексемы *non-statutory*. Приведем всего два примера, подтверждающие мнение британского юриста: *non-statutory authority* – «источник права, не являющийся законом» [Пивовар 2003, с. 542]; *non-statutory claim* – «незаконное притязание; притязание, не основанное на законе» [там же]. С другой стороны, отдельно характеризуя префиксальную морфему *non-*, нельзя не возразить приведенной точке зрения Р. Хейя, полагаясь на языковой материал, содержащийся в специальном двуязычном словаре, где представлены хорошо известные реалии международного права [АРДС 1989]. В частности, укажем на терминологию международных договоров в области ядерного разоружения: *Nuclear Non-Proliferation Treaty* – «Договор о нераспространении ядерного оружия» [там же, с. 488]; где *non-proliferation* – «нераспространение (ядерного оружия)» [там же]. Еще несколько терминологических словосочетаний *nondissemination of nuclear weapons and knowledge* – «нераспространение ядерного оружия и технологии его изготовления» [АВВУУ 2014]; где *non-dissemination* – «отказ от ядерного оружия; обязательство не передавать или запрещение передачи ядерного оружия другим странам; нераспространение ядерного оружия» [АРДС 1989, с. 486]. Не являются исключением и другие примеры из отрасли международного права: *non-use of force in international relations* – «неприменение силы в международных отношениях»; *non-violence* – «отказ от применения насильственных методов» [там же, с. 489].

В приведенных примерах превалирующую семантику префиксальной морфемы *non-* в составе терминологии международного права никак нельзя причислить к нейтральной. Доминирующие семы словарных соответствий: «нераспространение»; «запрещение»; «отказ от распространения»; «неприменение» и «отказ от применения» – убедительно иллюстрируют принципиальную позицию, категоричность и неоспоримый характер решения стран как сторон международных договоров и не содержат «нейтральности», которую подчеркивает Р. Хейя.

Вместе с тем предложенная британским юристом трактовка семантики отрицательного префикса *non-* как нейтрального и, вследствие

этого, предпочтительного для европейских юристов, вполне согласуется с концепцией «мягкого права», которая получила большое распространение не только в европейском и международном праве, но также и в праве международных организаций. Данная концепция предполагает использование юристами рекомендательных стратегий, позволяющих снизить директивность норм права, часть из которых не является юридически обязательной (см. подробнее применительно к нормам ВТО [Фогельсон, Чеховская 2012]).

При этом уместно указать на фактическую «нейтральность» и характер простой констатации в целом ряде других примеров с префиксальной морфемой *non-*: *nongovernmental organizations* – неправительственные организации; *nonformatted data* – неформатированные данные; *noncash benefit* – неденежное вознаграждение; неденежное пособие; *nonfinancial aid* – нефинансовая помощь [АВВУУ 2014]. Заметим, что каждый из вышеприведенных примеров, по аналогии с поименованными ранее *non-proliferation*, *non-use*, *non-dissemination* и др., допускает использование дефиса, образующего орфографический вариант написания: *non-governmental*, *non-cash* и т. п. Однако, здесь следует отметить тот факт, что последние из названных примеров в строгом смысле не относятся к юридической лексике, хотя каждый из них может так или иначе фигурировать в юридических контекстах как объект юридического анализа. Наличие столь разных семантических характеристик отрицательного префикса *non-* обусловили необходимость более детального установления и описания границ выражаемого им отрицания.

Вновь обратимся к британскому юристу, комментарии которого в отношении префиксальных морфем, используемых в английском юридическом языке для выражения отрицания, породили много возражений и потребовали уточняющих примеров. В конечном итоге это позволило расширить представления о семантике префиксального отрицания как морфемного компонента английской юридической терминологии. В качестве общей рекомендации Р. Хей призывает юристов, занятых в отрасли корпоративного, торгового и экономического права, снижать количество отрицательных конструкций и высказываний в деловой и юридической документации в целях поощряемой в международных масштабах тенденции смягчения правовой риторики [Haigh 2012, с. 62].

Выводы

В статье были рассмотрены примеры английской юридической лексики и терминологии с отрицательной семантикой, образованные посредством разных префиксальных морфем. Особое внимание было уделено частотным отрицательным префиксам *dis-*, *in-* и *non-*. Морфосемантический анализ этих префиксов позволил детализировать многие дилеммы, связанные с пониманием префиксального отрицания в юридической терминологии, где наложение семантики отрицательного префикса на концептуальную структуру английских понятий из разных отраслей юриспруденции способно генерировать не всегда однозначные и прозрачные смыслы. Предложенный морфосемантический анализ показал, насколько недостаточно изученным явлением остается префиксальное отрицание в приложении к языкам для специальных целей и, в частности, к юридическому языку. Кроме того, приведенные примеры позволили наглядно проиллюстрировать семантическую непрозрачность префиксальных морфем, используемых в юридическом английском для объективации отрицания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- АРДС 1989: Англо-русский дипломатический словарь / под рук. В. С.Шах-Назаровой [и др.]. М.: Рус. яз., 1989. [ARDS (1989). *Anglo-Russkij Diplomatscheskij Slovar'* (English–Russian Diplomatic Dictionary). Pod ruk. Shakh-Nazarovoj, V. S. et al. Moscow: Russkij Jazyk. (In Russ.)].
- Бритенкова В. М. Производные слова, образованные посредством отрицательных префиксов: Опыт дистрибутивно-статистического анализа на материале современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1976. [Britenkova, V. M. (1976). *Proizvodnye slova, obrazovannye posredstvom otricatel'nych prefiksov: Opyt distributivno-statisticheskogo analiza na materiale sovremennogo anglijskogo jazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. (Derivatives Generated from Negative Prefixes: Empirical Distributive and Statistical Analysis Based on the Current English Language): abstract of PhD thesis in Philology*). Leningrad (In Russ.)].
- Власенко С. В. Правовая лингвистика в США: научное наследие Питера М. Тьерсмы // Политическая лингвистика. 2015. Вып. 3 (53). С. 250–256. [Vlasenko, S. V. (2015). *Pravovaja lingvistika v SShA: nauchnoe nasledie Pitera M. Tiersmy (The US Legal Linguistics: Peter M. Tiersma's Scholarly Legacy)*. *Politicheskaja Lingvistika*, 3(53). 250–256. (In Russ.)].
- Королькевич В. А., Королькевич Ю. В. Современный англо-русский страховой словарь. М.: ГИС, 2002. [Korol'kevich, V. A., Korol'kevich Yu. V. (2002).

- Sovremennyi Anglo-Russkij Strakhovoj Slovar' (Modern English–Russian Insurance Dictionary). Moscow: GIS. (In Russ.).
- Некрасова Т. П. Особенности перевода юридической терминологии с русского языка на английский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. [Nekrasova, T. P. (2013). Osobennosti Perevoda Juridicheskoy Terminologii s Russkogo Jazyka na Anglijskij Jazyk: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk (*Specificity of Translating Legal Terminology from the Russian Language to the English Language*): abstract of PhD thesis in Philology. Moscow (In Russ.).]
- Падучева Е. В. Отрицание // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 354–355. [Paducheva, E. V. (1990). Otricanie (Negation). In V. N. Jarceva (ed.), *Lingvisticheskij Enciklopedicheskij Slovar'* (pp. 354–355). Moscow: Sovetskaja Enciklopedija. (In Russ.).]
- Пивовар А. Г. Большой англо-русский юридический словарь. М.: Экзамен, 2003. [Pivovar, A. G. (2003). *Bol'shoj Anglo-Russkij Yuridicheskij Slovar'* (Great English–Russian Jurisprudence Dictionary). Moscow: Ekzamen. (In Russ.).]
- Стасюлевичюте Э. П. Отрицательные префиксы *un-* и *in-* в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1958. [Stasjulevichjute, E. P. (1958). Otricatel'nye prefiksy *un-* i *in-* v sovremennom anglijskom jazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk (*Negative Prefixes un- and in- in the Current English Language*): abstract of PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.).]
- Фогельсон Ю. Б., Чеховская С. А. «Мягкое право» в системе регуляторных механизмов ВТО // Хозяйство и право, 2012. № 12. С. 3–8. [Fogel'son, Ju. B., Chehovskaja, S. A. (2012). 'Mjagkoe Pravo' v Sisteme Regulyatornyh Mehanizmov VTO ('Soft Law' Within the WTO Regulatory Mechanisms Framework). *Hozyajstvo i pravo*, 12. 3–8. (In Russ.).]
- Шиошвили Т. Г. Опыт синхронного и диахронного исследования словообразовательного варьирования в английском языке: на материале слов с отрицательными префиксами: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. [Shioshvili, T. G. (1978). Opyt sinkhronnogo i diakhronnogo issledovaniya slovoobrazovatel'nogo var'irovaniya v anglijskom jazyke: na materiale slov s otritsatel'nymi prefiksami: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. (*Empirical Synchronic and Diachronic Studies of Word Formation Variability in English Based on Words with Negative Prefixes*): abstract of PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.).]
- Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2006. [Jurislingvistika-7 (2006). *Jazyk kak fenomen pravovoj kommunikacii: mezhvuz. sb. nauch. tr.* (Legal Linguistics-7: Language as a Phenomenon of Legal Communication):

- Interuniversity Collected Papers. Barnaul: Izdatel'stvo Altajskogo universiteta. (In Russ.)].
- ABBYY 2014: Electronic Multilingual Dictionary, Version 6. ABBYY Software Ltd., 2014. URL: www.Lingvo.ru (accessed 17/05/2020).
- Crystal, D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge : Cambridge University Press, 1995.
- Haigh, R.* Legal English. 3d edn. London and New York: Routledge, 2012.
- Schane, S.* Language and the Law. London and New York: Continuum, 2006.
- Solan, L. M.* The Language of Judges. Chicago and London: University of Chicago Press, 2010.
- Teirisma, P. M.* Legal Language. Chicago and London: University of Chicago Press, 2000.

УДК 81.432.1

М. А. Глазунова

аспирант кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: maryglazunova@yandex.ru

МЕЛОДИКА ДУБЛИНСКОГО ДИАЛЕКТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена мелодическому аспекту просодической системы дублинского диалекта английского языка. Цель работы – анализ мелодических особенностей дублинского английского и характеристик, отличающих его от британского стандартного произношения RP. Методом аудиторского, акустического и функционального анализа выявляются различия в форме нейтрального нисходящего тона с начальным повышением и восходящего тона в повествовательных предложениях; частотное употребление ровного тона среднего уровня как эквивалента британского восходящего тона.

Ключевые слова: дублинский вариант английского языка; мелодика; форма ядерного тона; плато; запаздывающее падение.

M. A. Glazunova

Postgraduate Student, Department of English Phonetics, Faculty of English,
Moscow State Linguistic University;
e-mail: maryglazunova@yandex.ru

MELODIC ASPECT OF DUBLIN ENGLISH

The article focuses on the melodic aspect of Dublin English. The goal of the study is to analyze melodic properties of Dublin English and to single out its peculiar features that distinguish the given variant from the standard pronunciation RP. The auditory, acoustic and functional analyses determined deviations in the contour of the neutral falling tone with an initial rise, and of the rising tone used in affirmative utterances; the mid-level tone whose functions coincide with those of a rising tone in RP is frequent. In the pre-nuclear element two peculiar patterns were traced: the level scandent head and the descending head combined with a higher level or rising tone.

Key words: Dublin English; melody; nuclear tone contour; plateau; delayed fall.

Введение

В исследованиях ряда авторов ирландского происхождения используется термин «Hiberno-English», который подчеркивает особую роль ирландского, т. е. кельтского языка в формировании норм

ирландского варианта английского языка. Исследования данного вопроса показывают, что хотя ирландский английский и базируется на британском варианте, субстрат кельтского языка проявляется как на сегментном, так и на супraseгментном уровнях. Звуковая система данного диалекта активно изучается, в том числе в связи с возможными остаточными влияниями гэльского элемента [Hickey 2007]. Исследования просодии ирландского английского не столь многочисленны, как и работы по изучению просодических характеристик ирландских диалектов ([Jarman & Cruttenden 1976; Шевченко 1990; Shevchenko et. al. 2017]), что и обуславливает актуальность нашей работы и задает определенные границы обоснованности выводов.

Актуальность изучения ирландского варианта английского как такового также объясняется областью распространения его влияния по всему миру: с XVII по XX вв. с волнами мигрантов *Hiberno-English* был перенесен на восточное побережье США, в восточную часть Карибского региона (XVII–XVIII вв.), в Ньюфаундленд, в Австралию и Новую Зеландию (XVIII–XIX вв.) [Kirkpatrick 2010].

Учитывая, что ирландский английский не кодифицирован, поскольку количество его отличительных черт не определено точно, исследователь Р. Хикей использует так называемую шкалу стандартности, где подсчитываются стандартные и регионально-диалектные черты, в основе выделения которых лежит два противостоящих процесса: появление наддиалектных и образование специфически диалектных черт. Первый процесс показывает стремление к усредненному, стандартизированному варианту за счет исчезновения региональных особенностей. Чаще всего этот процесс сопряжен с выбором стандарта извне: в случае с ирландским английским, таковым может являться британский вариант, хотя не стоит забывать и про престижные диалекты ирландского английского, в частности дублинский диалект.

По географическим, а главное – социально-историческим причинам именно этот диалект оказывает влияние на другие варианты ирландского английского. Заметим, что роль местного стандарта является спорной, поскольку ему противостоит такой канал влияния, как средства массовой информации и Интернет, где большинство материалов преподносят внешние стандарты произношения для ирландского потребителя.

Вследствие частых языковых контактов с британским вариантом, дублинский английский, произошедший от среднеанглийского

юго-западного диалекта, всегда представлял собой «поле боя» британского стандарта и ирландского диалекта, всё еще сохраняющего отголоски кельтского языка. Кроме того, так как Дублин находится в относительной близости от Северной Ирландии, заметно также и влияние Ольстера, а значит, и речи ольстерских шотландцев на данный диалект.

Методы и материалы

Объектом исследования является мелодический аспект просодической системы ирландского (дублинского) диалекта, а предметом – мелодические особенности, отличающие данный диалект от британского стандарта RP. Цель исследования – анализ супraseгментных особенностей ирландского и, в частности, дублинского диалекта. В качестве материала исследования был взят фильм, снятый в 2014 г. ирландскими режиссерами Робом и Робином Бурк, *Standby* («На паузе»). Время звучания диалогов – 31 минута; общее количество финальных синтагм – 451.

Большая часть данных получена при анализе речи главного героя, молодого человека 27 лет, Алана. По сюжету он работает помощником на стойке информации в аэропорту, следовательно, его речь должна быть понятна иностранцам, обнаруживая меньше черт типичного «Stage Irish man» [Hickey 2010, с. 122]. С целью проследить возрастное варьирование выделяются также две группы говорящих, отличающиеся по возрасту: группа А (друзья Алана – молодые люди) и группа В (отец Алана со своими друзьями – старший возраст).

Необходимо также упомянуть о том, что речь героев фильма все-таки нельзя считать вполне естественной, – хотя сами актеры из Дублина, они играют определенную роль в фильме, который призван пропагандировать ирландскую культуру. Здесь мы обнаруживаем феномен «Stage Irish man», который основывается на усилении наиболее узнаваемых стереотипных характеристик ирландского английского, которые не обязательно явно выражены в современной речи. Представленный речевой материал можно классифицировать согласно Д. Кристалу, как *written to be spoken* (букв. «написанный, чтобы быть произнесенным») [Crystal 2005]. В ходе исследования были использованы аудиторский, акустический, функциональный, сравнительный методы и элементы статистического анализа [Методы анализа звучащей речи: новые измерения и результаты 2017].

Материал исследования был разделен на синтагмы в соответствии с паузацией. Далее ядерные тоны в финальных и нефинальных синтагмах были описаны в соответствии с их начальной и конечной высотой, а также с их направлением. Также был проведен анализ мелодики предъядерных и послееядерных участков. Полученные данные были подвергнуты статистическому анализу. На финальном этапе была осуществлена верификация результатов через акустический анализ при помощи программы PRAAT – для данного исследования была использована версия 6.0.23.

Результаты и дискуссия

В ходе аудиторского анализа не было обнаружено значительных отличий просодической системы ирландского варианта от британского английского, однако функциональный и акустический анализ выявил некоторые особенности ирландского диалекта.

1. В финальных синтагмах в речи всех персонажей наиболее распространены *нисходящие тоны*, встречающиеся преимущественно в утверждениях, что вполне предсказуемо.

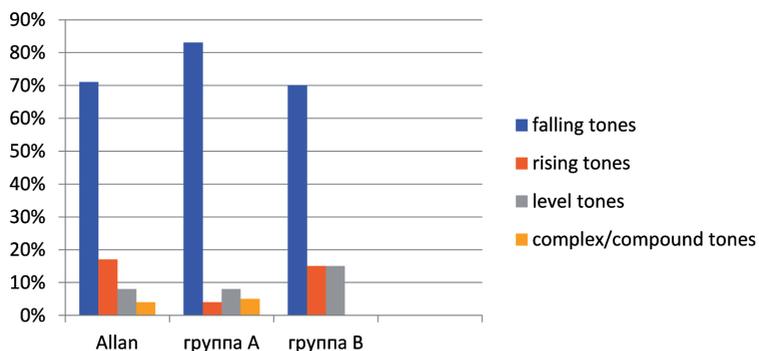

Рис.1. Частотность использования ядерных тонов в конечных синтагмах (%)

2. При рассмотрении более детальной картины употреблений главным героем ядерных тонов в финальных синтагмах было замечено, что вторым по частотности после самых распространенных конфигураций (среднее падение – 26 %, низкое падение – 20 % и высокое падение – 19 %) следует *высокое* или *среднее падение с начальным повышением*, которое превалирует над восходящими или ровными

тонами. Его распределение в речи персонажей следующее: Алан – 14 %, группа А – 20 %, группа В – 12 %.

Опираясь на функциональный и акустический анализ, в исследованном материале можно выделить два типа падения с начальным повышением. Первый тип вполне соотносится с соответствующим тоном в британском варианте английского, в котором начальное повышение в ядерном тоне добавляет эмоциональную окраску высказыванию, например: 'What are 'you 'doing 'here? 'Deidre's 'getting 'tired of the 'neighbours... (см. рис. 2).

Второй тип, напротив, встречается в эмоционально-нейтральных высказываниях. Анализ через программу PRAAT показал, что данные два типа отличаются также и контуром тона. Нейтральный тон характеризуется наличием запаздывающего падения (DelayedFall), например: 'What's 'wrong with the 'one we 'have? 'We are 'not 'doing →gigs like 'this for the 'money, 'man (см. рис. 3).

Данные различия в конфигурации и экспрессивной наполненности тона позволяют нам предположить, что нейтральный тон присущ именно ирландскому английскому.

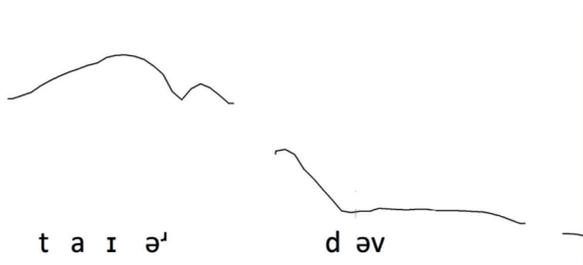

Рис. 2. Стандартное падение с начальным повышением

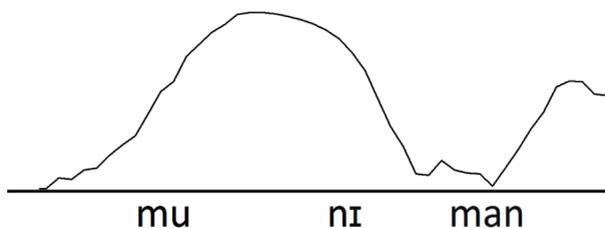

Рис. 3. Нестандартное падение с начальным повышением

3. В речи героев насчитывается 8 % (Алан), 15 % (группа А), 10 % (группа Б) *ровных тонов*. Функциональный анализ показал, что в ряде высказываний использование данного тона не предполагает продолжения беседы как в британском варианте. Функции данного типа тонов в утверждениях совпадают с восходящими тонами: например, они используются для выражения вежливости, иронии, самоиронии, наигранного безразличия и т. п., например: I 'like your →glasses, \How's the →head? – →Grand.

4. *Восходящие тоны* и их функциональная дистрибуция в сравнении с нисходящими тонами была освещена в ряде исследований [Cruttenden 1976]. В данной работе внимание обращается на средний и низкий подъем, которые широко используются в повествовательных предложениях (в речи Алана 71 % и 92 % – среди использований по коммуникативным типам высказываний). Акустический анализ показал, что некоторые из них имеют контур, отличный от британского восходящего тона (рис. 4): в коде тона наблюдается плато (рис. 5). Таким образом, использование данных тонов не объясняется тенденцией, характерной для некоторых вариантов британского английского, – так называемым *uptalk*, который обычно предполагает использование высокого подъема для продолжения беседы, например: It ↘was for the ↘Green Card. To ↘keep me ↘working there. We 'love ↘Dublin. ↘Hey.

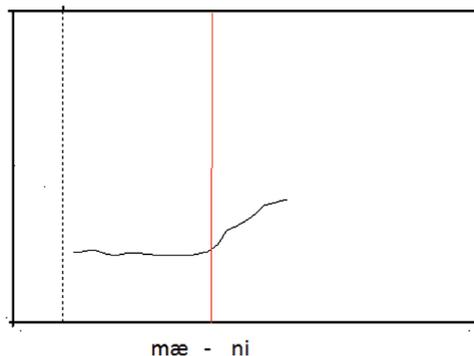

Рис. 4. Стандартный восходящий тон

Данный тон, встречающийся в речи всех ирландских персонажей фильма, может быть специфически ирландской чертой, тем более что недавние исследования в Тринити-колледже диалекта ирландского языка в Донегол показали, что и вопросительные, и утвердительные

высказывания преимущественно произносятся с восходящей интонацией [Dalton, NiChasaide 2006].

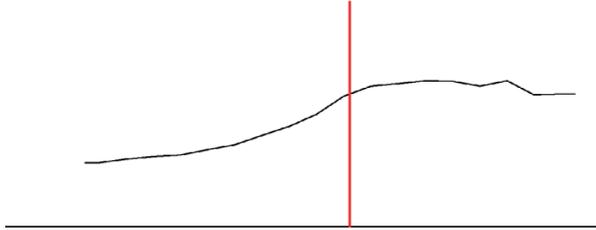

Рис. 5. Нестандартный восходящий тон

5. Анализ употребления шкал показал, что нисходящие шкалы (Алан: **76 %**, группа А: **52 %**, группа В: **51 %**) превалируют над восходящими (Алан: **3 %**, группа А: **10 %**, группа В: **14%**) или же равными (Алан: **8 %**, группа А: **14 %**, группа В: **14 %**), что типично для английской речи в целом. В эмоциональной речи встречается использование неоднородных шкал (Алан: **13 %**, группа А: **21 %**, группа В: **24 %**).

Мы особенно отмечаем две модели, необычные для британского варианта, однако неоднократно встречающиеся как в финальных, так и в нефинальных синтагмах в корпусе данного исследования: *ровная скандентная шкала* (например: The *ʃ*night *ʃ*is 'young, you know? ,Put a *ʃ*table 'cloth ^over ya?), и *нисходящая скользящая шкала в сочетании с ровным или восходящим тоном с началом тона выше, чем последний слог head* (рис. 6), например: It *ʌ*has to be *ʌ*based around *ʌ*more than *ʌ*one or 'two →singles. 'I'll *ʌ*sleep on the →couch. Предположительно данные модели характерны для ирландского варианта английского.

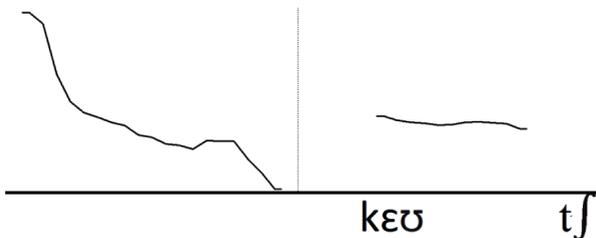

Рис. 6. Нисходящая скользящая шкала в сочетании с ровным тоном

Выводы

Итак, исследования мелодики дублинского диалекта ирландско-английского обнаруживают модели, не типичные для стандартного британского английского. Возможно, данные тенденции появляются в результате остаточного влияния ирландского языка. Проведенный в статье анализ позволяет сделать вывод о том, что мелодика дублинского диалекта является средством территориальной и национальной идентичности. Особенности мелодики ирландского варианта английского служат средством национальной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Шевченко Т. И.* Социальная дифференциация английского произношения. М.: Высшая школа, 1990. [Shevchenko, T. I. (1990). Social'naya differenciaciya anglijskogo proiznosheniya (*Social variation in English pronunciation*). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)].
- Шевченко Т. И.* [и др.] Методы анализа звучащей речи: новые измерения и результаты. Дубна: Феникс+, 2017. [Shevchenko, T. I. et al. (2017). Metody analiza zvuchashchej rechi: novye izmereniya i rezul'taty (*Methods of spoken speech analysis: new data and results*). Dubna: Feniks+. (In Russ.)].
- Crystal, D.* Speaking of writing and writing of speaking // Pearson Education. 2005. URL: <http://www.pearsonlongman.com/dictionaries/pdfs/speaking-writing-crystal.pdf> (дата обращения: 5.05.2020).
- Dalton, M., Ni Chasaide, A.* Tonal alignment in Irish dialects // *Language and speech*. 2006. Vol. 43. Pp. 441–464.
- Kirkpatrick, A.* The Routledge Handbook of World Englishes. Abingdon: Routledge, 2010.
- Shevchenko, T. I. et al.* Welsh English Intonation and Social Identity // *Sociolinguistic Studies*. 2017. Vol. 1, Num. 1. Pp. 153–174.
- Hickey, R.* Irish English. History and Present Day Forms. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Hickey, R.* Dublin English. Evolution and Change. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2005.
- Jarman, E., Cruttenden, A.* Belfast intonation and the myth of the fall // *Journal of the International Phonetic Association*. 1976. Vol. 6. Issue 1. Pp. 4–12.

УДК 811.81.371

Т. И. Грибанова

старший преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: tigribanova65@yandex.ru

КОМПЕНСАЦИОННЫЕ ТАКТИКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ (на примере общения между врачом и пациентом)

В данной статье рассматриваются особенности употребления компенсационных тактик в устной разновидности современного англоязычного медицинско-го дискурса. Анализируются компенсационные операторы (хеджи, буши и щиты) и средства их выражения в процессе общения между врачом и пациентом. Описываются наиболее типичные лексические и грамматические (морфологические и синтаксические) компенсационные средства и их сочетания, выявляется зависимость их выбора от прагматической цели говорящего в процессе коммуникации.

Ключевые слова: англоязычный медицинский дискурс; общение между врачом и пациентом; компенсационные тактики; компенсационный оператор; компенсационное средство.

T. I. Gribanova

Senior Lecturer, Department of Grammar and History of English, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: tigribanova65@yandex.ru

MITIGATION IN ENGLISH LANGUAGE DOCTOR – PATIENT INTERACTION

The present article considers the problem of mitigation in English oral communication belonging to medical discourse, namely interaction between doctors and patients. The three mitigating operators (hedges, bushes and shields) and their language representation are analyzed. Various lexical and grammatical mitigating devices and their combinations are traced, which enables the author to establish interrelation between a particular means used and the pragmatic task set in the course of interaction.

Key words: English medical discourse; doctor-patient interaction; mitigation; mitigating operator; mitigating device

Introduction

In the present article mitigation is analyzed from a functional perspective with a focus on the use of specific operators and their actual power in real communication.

The issue of mitigation can be considered in terms of linguistic and socio-linguistic rules. This approach makes it possible to trace a functional connection between two types of mitigation. One implies weakening the speaker's commitment to the truth of the proposition of the utterance, while the other implies a reduction of the interlocutor's obligation to perform the requested act. This connection is realized at a syntactic and morphological level.

Being a pragmatic-rhetoric category, mitigation connects the following types of aspects:

1. the pragmatic aspect and the praxeological aspect, when mitigation is analyzed either as a process or a result, thus reflecting a link between doing and effective doing, between grammar and rhetoric [Caffi 2007, p. 94]. Within the framework of speech act theory mitigation bridges illocution and perlocution [Leech 1983]. These bridging enables speakers to decide what is appropriate in a given situation: they anticipate certain consequence of the speech act and choose the most effective strategy [Ezeh 2016];
2. cataphora and anaphora: mitigation can be either a preparatory strategy, which provides for the main speech acts, or a following strategy, which is a form of "repair". The latter can be achieved by means of one or a number of moves syntactically independent though pragmatically interconnected [Caffi 2007; Riekkinen 2013];
3. the social aspect and the individual psychological aspect, which can be realized through the distinction between social and individual politeness [Brown and Levinson 1987; Geyer 2008].

This makes reference to the distinction drawn by Giles between practical means and relational means [Giles et al. 1979], which allows to speak about two functions of mitigation:

- a) the interactional function (when mitigation serves mainly instrumental needs to maintain the achievement of communicative aims);
- b) the identity building function (when mitigation serves mainly relational needs to monitor the emotive distances between the participants in the communication).

Thus, the first task of the present research to show through the discussion of authentic samples from English language interaction between doctors and patients that mitigation operates in a multi-level way. Since the speech act might be face-threatening, mitigation can serve both the speaker's protection and the interlocutor's protection including different conversational strategies which support the interlocutor and the co-production of conversation, to more complex textual technics. The negative consequence of the act for the interlocutor, since the act might be face-threatening, is one of the aspects involved.

The second task of the investigation is to explore the use of mitigating devices within the three main mitigation operators: 'bushes' (on the propositional content), 'hedges' (on the illocution) and 'shields' (on the deictic origin of the utterance).

The third task is to discuss mitigation in terms of its functions, namely, the interaction effectiveness and the identity building, i. e. in terms of the instrumental and the relational dimension.

The samples presented in the Results and Discussion section will show that the use of appropriate mitigating operators and devices enables the speaker to realize his / her pragmatic aim, providing the interactional effectiveness of communication.

1. Methodology

The research is carried out within the following trends of modern linguistics: functional grammar, discourse analysis, pragmatics and mitigation theory.

2. Results and discussion

This section deals with samples of doctor-patient interaction with a focus on different ways of expressing mitigation. The material for the analysis is comprised of fifty samples as part of authentic medical conversations. The analysis covers mitigating strategies affecting micro-linguistic phenomena within single utterances which often correspond to single speech acts. An attempt is made to specify the interdependence of interactional parameters involving both instrumental and relational aspects.

As it was stated above, mitigation is studied through the functioning of the three operators: bushes, hedges, shields.

2.1 Bushes

Bushes, as a mitigating device, focus on the propositional content to make a speech act less precise [Austin 1962; Takhtarova 2009]. The attenuating operation centers on the interactional parameter ‘precision’ [Bazzanella et al. 1991], the pragmatic counterpart of Lakoff’s logical-semantic concept of ‘fuzziness’ which is at the basis of his notion of ‘hedge’ [Lakoff 1972]. In the present research the term ‘hedge’ refers to attenuating devices focusing on illocution, while ‘bush’ is used for mitigators reducing precision of the propositional content. This approach makes it possible to shift from a semantic to a pragmatic perspective, to contrast between precision and imprecision used to reduce responsibility for the utterance.

Let us look at the example below. This is a conversation between a doctor (D) and a patient (P) discussing a medical remedy for the disease:

D. I’ll give you some cough syrup to take, two table spoons

P. Some syrup in digestion

D. Two table spoons per day

P. Whatever (*Archives of Internal Medicine, Researchgate.net*)

This example is a kind of preparatory strategy, pre-phase of the action. The doctor pronounces his words as he is about to write a prescription. He uses the verb ‘to give’ as a mitigated option of the verb ‘to prescribe’. He also uses the indefinite pronoun ‘some’ to make the preference act in the prescription fuzzy. The patient immediately grasps this idea and, after showing her agreement by repeating the doctor’s words she reinforces the referential vagueness by adding the word ‘whatever’: she insists on having something prescribed, anything that is effective. The pronoun ‘some’ has the function of reducing the unpleasantness of the prescription, downgrading obligation imposed on the patient, and indirectly mitigating her possible worries about her illness.

The next example containing bushes is an understatement in diagnosis, which is an act of assessment, a verdictive speech act in Austin’s terms [Austin 1962].

D. Yours isn’t a real fracture, only a strain.

P. Just a touch.

D. Just a touch. (*Archives of Internal Medicine, Researchgate.net*)

The doctor makes an attempt to mitigate the diagnosis by using an understatement and a minimizer in the predication (*'yours isn't a real fracture, only a strain'*). Then he accepts the definition suggested by the patient (*'just a touch'*). The doctor's mitigation is reformulated through the patient's mitigation on which agreement is finally reached. This proves to be a case of 'accommodation' [Giles and Coupland 1991]: the powerful participant adapts his code to the weaker participant's code. This convergence concerns styles as well: the patient mitigates the diagnosis using a bush *'just a touch'*, which makes this style more colloquial.

The results of such interaction are as follows. On a referential level, the health problem is defined as non-prototypical and therefore not particularly serious. On a relational level, not only the social but also the psychological distance between the interlocutors is diminished. The coproduction of the diagnosis through using the same informal minimizer contributes to building a cooperative climate between the doctor and the patient and making their relationship friendlier.

2.2 Hedges

In hedges mitigation centers on illocution:

D. I'd propose to you if you want a special remedy – to see if I can make you sleep. (*Archives of Internal Medicine, Researchgate.net*)

The mitigating devices found in this example are the following:

- *'I propose to you'*, a hedged performative, where the verb in the conditional form is a weaker option as compared to the indicative form *'I propose'*; this is a case of internal mitigation [Blum-Kulka et al. 1989];

- *'if you want'*, a routine formula, a "consultative device" [Blum-Kulka et al. 1989, p. 19];

- *'to see if I can make you sleep'*, a supportive postponed move, a case of external mitigation, which according to Blum-Kulka, applies the negative politeness principle by appealing to the interlocutor as a rational partner who cannot be forced to do something that she does not fully understand [Blum-Kulka 1992, p. 267]

From a relational point of view, the doctor presents the therapy choice as his personal merits (thereby indirectly affirming his strong role in the given situation). Moreover, he formally downgrades his directive to a proposal, which it is up to the patient to accept, thus shifting parts of his

responsibility on to the patient. This means a redefinition of the patient's role as slightly less passive.

Here we can see certain interdependence between the following parameters: knowledge, power and role in the same speech act. While the parameter of knowledge is lessened, the parameter of power is downgraded. The given example illustrates the interrelation of the three parameters – epistemic certainty, social power and psychological distance – within one speech act, thus proving its complex nature.

2.3 Shields

Shields as mitigating devices have deictic origin: the 'I-here-now' triad is at the core of every utterance [Bühler 1934]. In this case the speech act is mitigated not by explicit linguistic means but through backgrounding and de-focalizing strategies, or even by the deletion of the utterance source. This idea is to some extent based on Brown and Levinson's pragmatic-linguistic notion of 'impersonalization mechanisms' [Brown and Levinson 1987, p. 273], as well as on Jespersen's 'emotional element' (the speaker's willingness to either include her/himself in the utterance or being excluded from it). Jespersen identified different forms of personal deixis and connected their use with de-responsibilization [Jespersen 1924, p. 215], which in the present research is considered central to mitigation.

Shields realize attenuation by means of the three basic components of the deictic origin. Shields on the first component, the 'I' element, are represented by cases where the act is ascribed to someone else, or where the author is omitted, as in impersonal sentences or agentless passive constructions. Similarly, the 'you' element can be omitted, when no reference is made to the actual addressee of the message.

The other two components of the triad (here-now) can be labeled 'spatio-temporal' [Caffi 2007, p. 107]. In this case a narrative replaces a sequence focusing on another space or time, sometimes even within an imaginable context.

The example below illustrates a 'non-I' strategy of objectivization:

D. There's an valvular pneumothorax – it is written here. (*Archives of Internal Medicine. Researchgate.net*)

The given utterance is ascribed to some other impersonal source, due to which it is made more authoritative and unquestionable by the channel (written) and by the use of a medical term. Responsibility is shifted

to another source, which results in weakening the doctor's personal commitment to his diagnosis. Moreover, no reference is made to the two interlocutors: neither 'I' nor 'you' are mentioned. At the same time the disease is accurately identified, which means the importance of the parameter 'precision of propositional content'. Thus, while the cognitive informativeness and the argumentative power of the act are reinforced, the overall relational effect is downgraded.

The next example deals with negotiations about responsibility for what is said and done. Here the shields perform two different functions, those of downgrading based on impersonalization, and reinforcement based on objectivization:

P. There are no thoughts.

D. There aren't.

P. There is no capacity of thinking. There are no thoughts. There is no emotivity. There is no capacity of reaction to stimuli from the environment. There isn't – I don't know –

D. So you have destroyed your mind.

P. But I have (*polemical quotation of D's words*), it is: it has been. It has. Now I wouldn't want to take the whole responsibility. (*Archives of Internal Medicine, Researchgate.net*)

At the beginning the patient speaks of her feeling as a matter of fact. Her utterance is objectified through the use of the pattern '*there is / there are*'. *The patient is watching her thoughts from the outside, as an external observer*. The doctor (a psychoanalyst) reformulates the patient's words making them more personified and thus reinforced. The patient changes her mind and, after a false start, where she echoes the doctor's words in a polemical tone, she uses other shields (passive and impersonal structures) to create a 'generic person' [Caffi 2007, p. 110]. Since it proves not enough to express her refusal to take the full responsibility for the action mentioned, she makes her point explicit.

A typical shield in doctor-patient interaction is the personal pronoun 'we'. It is often labeled 'inclusive we' as a positive politeness strategy [Brown and Levinson 1987]. This means provides mutual understanding as well as solidarity between the interlocutors. The example below is a directive, where the pronoun 'we' is used, though it is 'pseudo-inclusive we' [Haverkate 1992]:

D. We must do an X-ray of your lungs. (*Archives of Internal Medicine. Researchgate.net*)

Here the shield (the pronoun ‘we’) focuses on both the ‘I’ and the ‘you’: a solidarity ‘we’ means both ‘*I suggest an X-ray*’ and ‘*you must do an X-ray*’. Thus the shield signals at personal involvement on the part of the doctor, though avoiding an explicit prescription. At the same time the shield is on the addressee, whose individual obligation is weakened.

The second mitigating device used in this example is the modal verb ‘must’. Modal devices can be both mitigating and reinforcing depending on the context and the criterion of analysis. From a logical point of view the agent-oriented ‘must’ is a downgrader compared to impersonal and more objective ‘it is necessary’. However from a psychological point of view, ‘*must*’ could be seen as an upgrader with respect to ‘*it is necessary*’, which sounds less immediate from the partner’s view point.

The examples above illustrate the use of deictic shields, those based on the negation of one of the aspects of the deictic triad ‘I-here-now’. They work by a substitution (one utterance is replaced by another bearing a ‘non-I’, ‘non-here’, ‘non-now’ features) and are in paradigmatic opposition to other unmarked elements in a given context.

Conclusions

The language data discussed in the given article confirmed that mitigation affects various linguistic levels and involves different interactional dimensions, both cognitive and emotive.

There is a connection between mitigation and its potential relational impact. The effects of mitigating devices include both instrumental and relational aspects, which can be either mutually reinforcing or conflicting. Mitigating devices expressed by a range of lexical-grammatical means (pronouns, modal, passive structures, mood forms, conditional clauses, etc.) can be used singly or in clusters, their choice can be guided by anticipating the consequences of the speech acts, being a preparatory or a repair strategy.

Mitigation can be realized in different ways. Bushes weaken the proposition, hedges downgrade the illocution, while shields help to avoid the self-ascription of the utterance (which is ascribed to another source or another situation).

While bushes and hedges show different degrees of epistemic commitment to the proposition and degrees of endorsement of one of illocution dimensions respectively, shields are sort of yes-no devices ('I' / 'non-I', 'now' / 'non-now', 'here' / 'non-here') centered on the core of the utterance act, its deictic origin. What is involved in shields is not a downgrading of the quality of some interactional dimension, but an emotive clash between expectations and the actual choice.

Thus mitigation may increase or reduce distance between the interlocutor, being an important interactional recourse for the monitoring and mutual adjustment of emotive communication.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Tahtarova S. S.* Пропозиционное смягчение и языковые средства его реализации // Вести Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2009. № 1 (9). С. 166–169. [Tahtarova, S. S. (2009). Propozicionnoe smyagchenie i yazykovye sredstva ego realizacii (Propositional mitigation and language means of its realisation). *Vesti Volgogradskogo Gos. Universiteta, seriya 2 Yazykoznanie, 1* (9). 166–169. (In Russ.)].
- Ezekh A. O.* Коммуникативное смягчение как результат дефокусирования в директивных речевых актах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 6 (745). С. 135–143. [Ezekh, A. O. (2016) Communicative mitigation as a result of defocusing in directive speech acts). *Vestnik of Moscow State Linguistic University, 6* (745), 135–143. (In Russ.)].
- Austin, J. L.* (1962). How to do things with words. London: Oxford University Press.
- Bazzanella, C., Caffi, C., Sbisà, M.* (1991). Scalar dimensions of illocutionary force. In I. Z. Zagar (ed), *Speech acts: fiction or reality?* (pp. 63–76). IprA, Lyblyana.
- Blum-Kalka, Sh. and House, J.* (1989). Cross-cultural and situational variation in requesting behaviour. In Blum-Kalka Sh. et al. (eds.), *Cross-cultural pragmatics: Requests and apologies* (pp. 123–154). Norwood, NJ: Ablex.
- Blum-Kalka, Sh.* (1992). The Metapragmatics of Politeness in Israeli Society. In S. I. Richard Watts (Ed.), *Politeness in language: Studies in its history, theory, and practice* (pp. 255–280). Berlin: Mouton de Gruyter.
- Bühler, K.* (1934). *Sprachtheorie*. Jenna: Fischer.
- Brown, P., & Levinson, S.* (1987). *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge (UK): Cambridge University Press.
- Caffi, C.* (2007). *Mitigation*. Amsterdam : Elsevier.
- Geyer, N.* (2008). *Discourse and politeness: Ambivalent face in Japanese*. London; NewYork: Continuum.

- Giles, H., Scherer, K. S., Taylor, D.* (1979). Speech markers in social interaction. In Scherer, K.R & Giles, H. *Social markers in speech* (pp. 343–381). Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Giles, H., Coupland, N.* (1991). *Language: contexts and consequences*. Milton Keynes: Open University Press.
- Haverkate, H.* (1992). Deictic categories as mitigating devices. *Pragmatics*, 2 (4), 505–522.
- Jespersen, O.* (1924). *The philosophy of grammar*. London: Allen & Unwin.
- Lakoff, G.* (1972). Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*, 2, 458–508.
- Leech, G.* (1983) *Principles of pragmatics*. Longman.
- Riekkinen, N.* (2013). *Softening Criticism: The Use of Lexical Hedges in Academic Spoken Interaction* (Pro Gradu Thesis). Retrieved August, 3rd, URL: http://www.helsinki.fi/englanti/elfa/ProGradu_Niina_Riekkinen.pdf (дата обращения: 5.10.2019).

УДК 8.81'362

О. В. Ерохина

преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации факультета заочного обучения Московского государственного лингвистического университета; аспирант кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета; e-mail: olgaverokhina@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВИДОВРЕМЕННЫХ ФОРМ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале диалогов из британских и американских ток-шоу)

Статья посвящена рассмотрению семантических особенностей видовременных форм глаголов в современном английском языке на примере устного диалогического дискурса. На материале современных ток-шоу проводится анализ семантики видовременных форм и частотности их употребления. Цель данного исследования – изучение семантического потенциала видовременных форм в отобранных образцах диалогических единств в сопоставлении с традиционными описаниями, представленными в современных теоретических и учебных материалах по грамматике английского языка.

Ключевые слова: видовременные формы; категории времени, вида и временной отнесенности; диалогическое единство; временной план.

O. V. Erokhina

Lecturer, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Faculty of Distance Learning, Moscow State Linguistic University; Postgraduate Student, Department of Grammar and History of English, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University; e-mail: olgaverokhina@gmail.com

SEMANTIC POTENTIAL OF TENSE-ASPECT FORMS IN DIALOGICAL DISCOURSE (illustrated by British and American talk shows)

The article considers semantic features of tense-aspect forms in the modern English language in dialogical discourse. Special attention is paid to the meaning of tense-aspect forms and their frequency of use as exemplified in a series of talk shows. The article covers the semantic sphere of tense-aspect forms in dialogical discourse compared to traditional descriptions in modern theoretical and educational materials on English grammar.

Ключевые слова: tense-aspect forms; categories of tense, aspect and time correlation; dialogical entity; temporal plane.

Введение

В настоящее время интерес лингвистов и языковедов привлекает изучение диалога как основной формы межличностного общения. Диалогическое единство представляет собой связанную «последовательность речевых действий, которая может включать в себя две, три, четыре и более реплик, связанных друг с другом не только на структурно-композиционном, но и на семантически-функциональном уровнях» [Бузаров 2002, с. 27]. Диалогический континуум формируется на основе отношений «стимул – реакция», при которых исходная реплика порождает ответную, и, в свою очередь, структура и семантика первой реплики в некоторой степени обуславливает форму и содержание второй реплики, так как между ними определяется имплицитированная связь [Блох, Поляков 1992]. Таким образом, к основным характеристикам диалогического единства относятся структурная и смысловая связанность, синтаксическая замкнутость и завершенность.

Диалогический дискурс, как и любой вид межличностной коммуникации, предполагает личностно ориентированное общение между субъектами, поэтому обладает своими пространственно-временными характеристиками.

Для исследования был выбран такой жанр теледискурса, как ток-шоу, который относится к интерактивному (диалогическому) типу дискурса, т. е. предполагает наличие диалога между участниками коммуникации [Агапова 2003]. Диалогическое взаимодействие предстает как «явление процессуальное, деятельностное, которое главным образом соотносится с реальным временем и ассоциируется со звучащей устной речью» [Ларина 2004, с. 20]. Специфика диалогических единств телевизионной речи характеризуется следующими особенностями:

1. Неподготовленная, спонтанная речь.
2. Наличие элементов «разговорности, которые обладают экспрессивным потенциалом» [там же, с. 31].
3. Избыточность синтаксического построения, компрессия.
4. Краткость, эллиптичность.
5. Широкое использование экстралингвистических средств (в зависимости от характера коммуникативной ситуации, цели коммуникативного акта, эмоционального состояния участников).
6. Быстрая смена коммуникативных ролей.

В рамках данной статьи автор ограничивает исследование видовременными формами глагола, их семантикой и функционированием в диалогическом дискурсе в современном английском языке. Современные учебные пособия по грамматике английского языка предлагают традиционное описание структурно-семантических особенностей видовременных форм английского глагола (см., например, [Кошева, Свиридова 2010; Крылова, Крылова 1998]).

Однако есть предположение, сделанное на основе ранее проведенного анализа диалогических единств, что участники письменного и устного дискурса могут по-разному интерпретировать семантический потенциал видовременных форм английского языка. Таким образом, требуется проведение более детального сопоставительного анализа для выявления особенностей употребления форм в устном диалогическом дискурсе.

Внимание автора статьи привлекают традиционные и специфические принципы реализации семантических функций видовременных форм, исследуемые на основании их относительной частотности в диалогическом взаимодействии.

Цели, задачи и методы исследования

Цель исследования заключается в том, чтобы изучить особенности использования видовременных форм для выражения темпорально-аспектуальных характеристик ситуаций в выбранном для изучения типе дискурса. Цель работы предполагает решение следующих задач: описать семантические функции видовременных форм, выявить тенденции в частотности их употребления в устной диалогической речи, а также определить возможные причины существования особенностей в их функционировании.

Корпус исследования включают в себя скрипты британских («BBC Hardtalk») и американских («Jimmy Kimmel Live!», «The Ellen DeGeneres Show», «The Late Late Show with James Corden» и «The Tonight Show Starring Jimmy Fallon») телевизионных ток-шоу. Объем исследуемого материала – 20 программ. Выбор для исследования указанных программ обусловлен тем, что каждый выпуск включает в себя несколько диалогических отрезков речи в естественном акте коммуникации, что позволяет провести анализ семантических особенностей речи носителей современного английского языка, в частности исследовать потенциал видовременных форм в процессе общения

коммуникантов. Общее количество примеров диалогических единств, отобранных для анализа, – 260.

С целью выполнения задач исследования проводится анализ справочной литературы по грамматике английского языка (см., например, [Кошечая, Свиридова 2010; Крылова, Крылова 1998; Резник и др. 2006; Swan 2005]) и передача видеоматериала в текстовый формат посредством транскрибирования. Для анализа данных, полученных в ходе исследования, применяются процедуры статистического, функционально-семантического и сопоставительного анализа.

Обсуждение. Результаты

Видовременные формы объединяют планы выражения трех морфологических категорий:

- времени;
- аспекта;
- временной отнесенности.

В результате проведенного анализа отобранных образцов диалогических единств нами сделаны следующие наблюдения.

1. При сопоставлении временных форм глаголов, отобранных в образцах диалогических единств, нами было обнаружено следующее соотношение:

Таблица 1

Соотношение временных форм в диалогических единствах

Временные формы	Количество примеров
Формы настоящего времени (<i>Common, Continuous, Perfect, Perfect Continuous</i>)	131
Формы прошедшего времени (<i>Common, Continuous, Perfect</i>)	120
Формы будущего времени (<i>Common, Continuous</i>)	9

Полученные данные подтверждают, что участники в процессе спонтанного диалогического взаимодействия стремятся выстраивать процесс общения преимущественно с помощью форм настоящего и прошедшего времени, обычно относящих обсуждаемые события соответственно к планам настоящего и прошлого. Автор предполагает, что это может быть обусловлено следующими факторами.

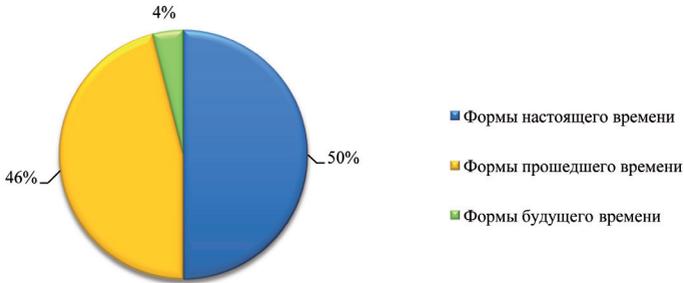

Диаграмма 1. Процентное соотношение форм времени

В первую очередь, стоит учитывать характер диалогических единств, которые вошли в исследуемый корпус. В основе изученных отрезков диалогических единств лежит личностное общение, в ходе которого коммуниканты обсуждают приобретенный опыт, обмениваются мнениями и раскрывают индивидуальные черты друг друга. Данные диалоги протекают в конкретном контексте, направлены на обсуждение определенной референтной ситуации в момент обмена репликами между коммуникантами, что предполагает приоритет в выборе форм настоящего и прошедшего времени. Формы будущего времени встречаются значительно реже, так как ввиду личностного характера диалога его участники говорят о будущем как о своих намерениях и планах, используя для этих целей специальные лексико-грамматические конструкции (*be going to*, *gonna*) или форму *Present Continuous*.

Jimmy: And now it's going to be a waste of huge amount of time looking at Instagram because you will get sucked into it (<https://www.youtube.com/watch?v=UGFz2B-7DBc>).

Jennifer: You just put a curse on me, you just said «you will be sucked into it». I'm going to try to be really good about it (<https://www.youtube.com/watch?v=UGFz2B-7DBc>).

Как правило, определенный временной план реализуется посредством набора соответствующих видовременных форм. Тем не менее иногда наблюдаются случаи транспонирования формы, т. е. стилистически маркированные употребления одной видовременной формы в другом временном плане. По нашим наблюдениям, формы *Present Common* и *Present Continuous* могут относить действие не только к плану настоящего, но и планам прошедшего и будущего времен.

Случаи транспонирования форм *Present Common* и *Present Continuous*

Временной план	Present Common	Present Continuous
План прошедшего времени (present historic)	5	2
План будущего времени	3	7

Иными словами, формы настоящего времени могут переносить ситуацию в другой временной план, в прошлое или будущее. Если формы настоящего времени используются для выражения действия в прошлом (в функции «present historic» [Swan 2005, с. 453]), то оно «придает высказыванию особую изобразительность и живость, так как заставляет слушателя перенестись в прошлое и стать наблюдателем описываемых событий» [Мощева 2012]. Этот прием широко применяется в художественной литературе [Крылова, Гордон 2006], но может встречаться и в устном диалогическом дискурсе.

Jimmy: But I wonder, the first time you saw a billboard of yourself like that, do you remember? Do you have any memories of that? Was it “Friends”?

Jennifer: I would want to say “Friends” but I’m not sure. I have one vivid memory of “Along Came Polly”. I **am driving** and **making** a left by the whole foods, and that is the first time I’ve seen a big horizontal picture of myself with my character’s name in the title (<https://www.youtube.com/watch?v=ADua9AenPIY&t=157s>).

Средствами, помогающими поддерживать корректную временную референцию в случаях транспонирования видовременной формы, могут быть как лингвистические (контекстные) показатели времени, например обстоятельства времени, именные выражения («Friends», «Along Came Polly»), так и прагматические, как то контекст ситуации, фоновые знания коммуникантов, интуиция, с помощью которой соотносится время ситуации и действие, разворачивающееся на ее фоне [Swan 2005]. Таким образом, данные средства позволяют нивелировать различия между семантикой временной формы и ее конкретным функциональным содержанием. То же самое наблюдается при использовании форм настоящего времени для отнесения действия к плану будущего.

В данной функции наблюдается использование форм *Present Common* и *Present Continuous*. Форма *Present Common* обозначает

действие, которое должно обязательно произойти в соответствии с каким-то планом, расписанием [Крылова, Крылова 1998], и не очень зависит от личных намерений говорящего, например:

James: How you are feeling?

David: Quite emotional, you know, he's obviously 18 years old but he has found something that he is passionate about and he **goes** to university in September (<https://www.youtube.com/watch?v=ruGhRg4yT3M>).

В свою очередь, форма *Present Continuous* описывает действие субъективно. Такие действия произойдут в недалеком будущем согласно лично принятому решению или договоренности.

Ellen: I'm **hosting** the Oscar this year and I pray I'm looking out there and seeing you in the audience for this, because you deserve to be there. Just come anyway (<https://www.youtube.com/watch?v=fNJI2A0v8yI&t=1s>).

К контекстуальным средствам, которые позволяют отнести данную ситуацию к плану будущего, относятся как обстоятельства времени (*in September, this year*), так и именные выражения (*Oscar*), которые обозначают будущие события, известные обоим коммуникантам (привлекаются фоновые знания).

2. Изучив категорию вида, представленную бинарной оппозицией форм общего (*Common*) и длительного (*Continuous*) видов, были получены следующие данные.

Таблица 3

Соотношение форм вида в диалогических единствах

Функции	Common	Continuous
1. Повторяющиеся, постоянные действия (в зависимости от аспектуального класса глагола)	31	–
2. Однократные завершённые действия	19	–
3. Длительные действия временного характера, происходящие в течение некоторого периода времени	59	53
4. Действия длительного характера, происходящие в определенный момент времени	26	34
5. Будущие действия	9	11
6. Повторяющиеся действия нерегулярного характера (+эмоциональный оттенок)	–	18

Как мы видим из проводимой статистики, только формами *Common* могут выражаться повторяющиеся, постоянные действия, завершенные однократные действия. Повторяющиеся действия нерегулярного характера могут выражаться только формами *Continuous*, и это довольно значимая функция в общей семантике данных форм в устном диалогическом дискурсе, учитывая эмоциональный характер коммуникации.

David: I loved playing the game. But to be honest, I never really wanted to go into being a manager or really a coach. So obviously, to have the opportunity to be an owner, especially in a city like Miami, it's so much fun.

Jimmy: Yeah, they're **always having** fun in Miami (<https://www.youtube.com/watch?v=BBpOBvaZQNE>).

Очень часто и практически с одинаковой частотностью формы *Continuous* и *Common* используются для выражения длящихся действий временного характера, занимающих определенный период времени.

Jimmy: He's retired now, isn't he?

Victoria: No, he's **not playing** football anymore, he has many ventures, obviously, the Miami football club (<https://www.youtube.com/watch?v=Mgl4mD6tq1U&t=4s>).

Steven: Let's get on to the subject of dyslexia which is again colored a lot of your life you had real trouble, didn't you?

Henry: I **have** a lot of trouble learning even today (https://www.youtube.com/watch?v=xT_N9cjB8s4&t=1229s).

Важной особенностью форм *Continuous* является их способность ярко и наглядно описывать сообщаемые события. Эти формы вместе с формами *Common* реализуют синонимичные значения, при этом формы *Continuous* могут служить эффективным стилистическим приемом: отвечая за реализацию значения актуальности и динамичности описываемого события, они также делают собеседника, выступающего в роли слушателя, участником происходящих действий.

Для выражения действий длительного характера, протекающих в определенный момент времени, коммуниканты чаще используют формы *Continuous*, что придает диалогу эмоциональный характер, так как его участник выражает свое личное отношение к ситуации и указывает на особенности протекания действия.

Victoria: So it was really exciting for us to go and take all the kids. It's such a huge honor. We loved living in LA. We had such a great time. Every time we come back to LA, the kids always say they feel like they're **coming** home (<https://www.youtube.com/watch?v=Mgl4mD6tq1U&t=4s>).

Помимо аспектуального класса глагола, контекстуальными маркерами выступают союзы времени. Высказывания, выраженные формами *Common*, представляют собой особые синтаксические конструкции, включающие в себя придаточные предложения времени и условия, в которых описываемые действия служат неким фоном для других более коротких действий.

Тем не менее такие действия могут выражаться и формами *Common*.

Leonardo: It was on Hollywood boulevard, right? I remember that.

Ellen: Yes, we were at an after-party at, like, the Chinese theatre or something. I just **listened** to your talk and I thought, "You are so special and charming." (<https://www.youtube.com/watch?v=fNJI2A0v8yI&t=1s>).

В данном случае форма *Common* используется для обозначения процессности, потому что данное значение уже заложено во внутренней семантике глагола, а использование формы *Common* диктуется синтаксической структурой (наличием однородного сказуемого в форме *Common*).

Было также замечено, что глаголы класса состояния наряду с динамическими глаголами могут использоваться в грамматической форме *Continuous*, несмотря на изложенное во многих справочных изданиях мнение о том, что употребление таких глаголов ограничено формами *Common*. Принимая во внимание полисемантическую глагольных лексем [Мачина 2008], в устном диалогическом дискурсе в формах *Continuous* могут использоваться глаголы класса состояния в случаях, когда:

а) ситуации, в которых глагол класса состояния «использует другой лексико-семантический вариант» [Мачина 2008, с. 41] и превращается в динамический:

Ellen: So does he have the room he wants – the closet he wants?

Michelle: No, no. He still talks about this. He doesn't have enough closet space. And Sasha actually killed in this house. She has, like, this two room suite. She's got, like, a living room area and a bedroom so he's **really hating** on her¹ (<https://www.youtube.com/watch?v=IDxC1DBWqkc&t=2s>).

¹ У нее гостиная и спальня, поэтому он завидует ей. Зд. перевод автора, где to hate = to envy).

б) коммуникант стремится придать описываемому событию высокую степень интенсивности, а также подчеркнуть процессную сторону события.

Jimmy: Why is everyone upset?

Dakota: Well, so I **was having** a permanent retainer since I was like 13. And I **was having** a lot of neck problems recently, so my orthodontist, she decided that it would be a good idea to take it off and see if my jaw expanded (<https://www.youtube.com/watch?v=nuQvi2ObGGg&t=1s>).

Вопрос использования форм *Common* и *Continuous* для выражения будущих действий был рассмотрен ранее. Стоит добавить, что иногда в целях придания событию субъективной оценки участники диалога могут использовать форму *Future Continuous*, тем самым подчеркивая либо запланированность действия, либо выражая ожидания, намерения, которые осуществляться при естественном ходе событий [Гордон, Крылова 2006; Крылова, Крылова 1998].

David: Will's a great guy. And, hopefully, I'll **be bumping** into him this weekend because there will be a bit of banter, I'm sure.

Jimmy: Oh, my gosh. That would be fantastic (<https://www.youtube.com/watch?v=BBpOBvaZQNE>).

3. Морфологическая категория временной отнесенности представлена оппозицией форм *Perfect* и *Non-Perfect*. Семантическими признаками данной категории являются: а) завершенность / незавершенность события (результативность); б) предшествование / неПредшествование события другим ситуациям, присутствующим в высказывании или во внешнем контексте.

Таблица 4

Соотношение семантических признаков категории временной отнесенности

Семантические признаки	Perfect	Non-Perfect
Результативность	23	–
Предшествование	15	21
Непредшествование (одновременность и последовательность действий)	–	201

По нашим наблюдениям, формы *Perfect* характеризуют события в ситуациях, когда возникает необходимость маркировать: а) смену

временного плана; б) взаимосвязь событий, которые относятся к разным временным планам. Такие формы могут обозначать фоновые или удаленные по времени события, но быть информационно значимыми.

Leonardo: I've always been a big fan of yours ever since I first met you.

Ellen: So thank you very much. But really, I mean, and this performance in this movie is, I really want to say it's your best performance I've ever seen. And you've done some great movies but in this movie your performance is outstanding (<https://www.youtube.com/watch?v=fNJI2A0v8yI&t=1s>).

Решающую роль в определении временной отнесенности к моменту речи играют не только имплицитированные временные выражения (*ever, always*), но и внутривидовый контекст (*it's your best performance*), а также речевая (внешняя) ситуация.

Важно понимать, каким образом коммуниканты декодируют значение предшествования события, выраженного формой *Non-Perfect*. Исходя из изученного материала, помимо эксплицитных средств, таких как временные союзы и выражения, именные компоненты структуры высказывания, участники диалога дешифруют имплицитно выраженные отношения с помощью окружающего контекста и фоновых знаний.

Jimmy: Was it fun to write the book?

Michelle: It was more fun than I thought because here's the thing. Rarely does anybody get time, and they get paid to reflect. And reflecting is very important, because for the last decade there was no time to even really think about what just happened to us. I mean, our days were full. We were just inundated (https://www.youtube.com/watch?v=_MSYzyQQiEU&t=16s).

Данный пример иллюстрирует, что коммуниканты могут маркировать значение предшествования при помощи лингвистического окружения, например характерные синтаксические структуры (*It was more fun than...*), временные выражения (*for the last decade*), а также прагматического компонента (внешний контекст и фоновые знания).

Выводы

Проведенный анализ языкового материала позволил прийти к следующим выводам:

1. Видовременные формы, используемые коммуникантами в диалогическом единстве, отражают не только темпорально-аспектуальную характеристику ситуации, но применяются как способ выражения

субъективного отношения к обсуждаемому событию, тем самым функционируя «как средства реализации свойства эмотивности» [Соколова 2003].

2. Коммуниканты чаще всего выражают обсуждаемые события с помощью форм настоящего и прошедшего времени, при этом формы *Present Common* и *Present Continuous* могут относить действия не только к плану настоящего, но и планам прошедшего и будущего времен.

3. Семантический потенциал видовременных форм в диалогическом дискурсе может отличаться от традиционно описываемого. Предпочтение в использовании форм *Continuous* формам *Common* для реализации определенных функций можно объяснить стремлением коммуникантов использовать их как выразительное языковое средство. Формы *Continuous*, передавая действие в его течении, стремятся привлечь к нему особое внимание, что характеризует процесс как особо значимый или как протекающий интенсивно.

4. Ситуации, выраженные формами *Continuous*, могут обозначать многократность описываемых действий, а не процессный характер действия, тем самым придавая эмоциональную окраску высказыванию.

5. На уровне диалогической речи снимаются многие ограничения, накладываемые на использование видовременных форм лексическим значением глагола. На примере форм *Continuous* установлено, что такая традиционная функция, как действие в процессе, может перейти на второй план, а такие особенности, как передача интенсивности восприятия события и эмотивности реакции на него, являются более существенной семантической характеристикой данной формы.

6. Значение предшествование, реализуемое как формами *Perfect*, так и *Non-Perfect* (чаще формами *Non-Perfect*) может быть выражено как с помощью эксплицитных средств, так и имплицитно, а именно – с помощью средств контекста или фоновых знаний. Использование форм *Perfect* всегда связано со сменой временного плана.

7. Каждая ситуация диалогического общения индивидуальна и характеризуется определенной темой разговора, коммуникативными намерениями собеседников, а также совокупностью прагматически значимых внеязыковых факторов. Для понимания семантики видовременных форм, безусловно, следует учитывать роль контекста и наличие определенных текстуальных средств. Целостность и уникальность диалогического единства формируется

благодаря семантическим особенностям используемых коммуникантами грамматических средств с учетом прагматического и эмоционального компонентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Агапова С. Г. Диалог как основная форма межличностного языкового общения // Научная мысль Кавказа. 2003. Вып. 15. С. 125–131. [Agapova, S. G. (2003). Dialog kak osnovnaja forma mezhlíčnostnogo jazykovogo obshhenija (Dialogue as the key form of interpersonal communication). *Nauchnaja mysl' Kavkaza*, 15, 125–131. (In Russ.)]
- Блох М. Я., Поляков С. М. Строй диалогической речи. М.: Прометей, 1992. [Bloh, M. Ja., Poljakov, S. M. (1992). *Stroj dialogičeskoj reči (The structure of the dialogical speech)*. Moscow: Prometej. (In Russ.)]
- Бузаров В. В. Изучение диалогической коммуникации – основная задача коммуникативной грамматики // Вестник московского университета. Филология. 2002. Вып. 9. С. 27. [Buzarov, V. V. (2002). Exploring dialogical communication is the primary purpose of communicative grammar. *Moscow University Bulletin. Filology*, 9, 27. (In Russ.)]
- Гордон Е. М., Крылова И. П. Грамматика современного английского языка (на английском языке): учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М.: КДУ, 2006. [Gordon, E. M., Krylova, I. P. (2006). *A grammar of present-day English (in English): Textbook for institutes and faculties of foreign languages*. Moscow: KDU.
- Кошевая И. Г., Свиридова Л. К. Грамматические структуры и категории английского языка: теоретический курс. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. [Koshevaja, I. G., Sviridova, L. K. (2010). *Grammaticheskie struktury i kategorii anglijskogo jazyka: teoreticheskij kurs (English grammar structures and categories: theoretical course)*. Moscow: LIBROKOM. (In Russ.)]
- Крылова И. П., Крылова Е. В. Практическая грамматика английского языка. Учебное пособие. М.: ЧеРо, 1998. [Krylova, I. P., Krylova, E. V. (1998). *Praktičeskaja grammatika anglijskogo jazyka (Practical grammar of the English language)*. Moscow: CheRo. (In Russ.)]
- Ларина Е. Г. Лингвопрагматические особенности ток-шоу как жанра телевизионного дискурса (на материале американских телевизионных программ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. В., 2004. [Larina, E. G. (2004). *Lingvopragmaticheskie osobennosti tok-shou kak zhanra televizionnogo diskursa (na materiale amerikanskih televizionnyh programm) (Language and pragmatic features of talk shows as a type of televisional discourse (based upon American TV shows))*: thesis of PhD in Philology. Volgograd. (In Russ.)]

- Мачина О. А. Некоторые аспекты взаимодействия семантики глагола и грамматической формы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2008. Вып. 545. С. 38–47. [Machina, O. A. (2008). Some aspects of the verb and grammar form semantics. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 545, 38–47. (In Russ.)]
- Мачина О. А. [и др.] Синонимия видовых форм в английском языке (синхронный и диахронный аспекты). Функционально-когнитивные аспекты актуализации грамматических форм и структур в синхронии и диахронии (на материале английского языка). М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. [Machina, O. A. et al. (2009). *Sinonimija vidovyh form v anglijskom jazyke (sinhronnyj i diahronnyj aspekty). Funkcional'no-kognitivnye aspekty aktualizacii grammaticheskikh form i struktur v sinhronii i diahronii (na materiale anglijskogo jazyka)* (Synonymy of aspect forms in English (synchronic and diachronic aspects). Functional and cognitive aspects of expressing grammar forms and structures in synchrony and diachrony (based upon English)). Moscow: FGBOU VO MGLU. (In Russ.)]
- Мошчева С. В. Выразительный потенциал текстов массовой коммуникации: фонетический аспект // Вестник КГУ им Н. А. Некрасова. 2012. Вып. 2. С. 93–94. [Moshcheva, S. V. (2012). Expressive potential of the mass media texts: phonetic approach). *Vestnik of Kostroma State University*, 12, 93–94. (In Russ.)]
- Резник Р. В., Сорокина Т. С., Казарицкая Т. А. A Grammar of Modern English Usage. Практическая грамматика английского языка. М.: Флинта, Наука, 1996. [Reznik, R. V., Sorokina, T. S., Kazarickaja, T. A. (1996). *A Grammar of Modern English Usage. Practical Grammar of the English Language*. Moscow : Flinta, Nauka].
- Соколова Е. В. Средства выражения аспектуальности в английском дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. [Sokolova, E. V. (2003). *Sredstva vyrazhenija aspektual'nosti v anglijskom diskurse (Means of expressing aspectuality in the English discourse)*: thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)]
- Swan M. *Practical English Usage*. Third Edition. Oxford University Press, 2005.

УДК 81.2

Е. В. Жибер

аспирант кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: e.jiber@linguanet.ru

ЭКСПРЕССИВНАЯ ИНВЕРСИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматривается инверсия как одна из синтаксических структур английского языка, её типы и функции. Принято считать, что отступление от традиционного порядка слов английского предложения используется как средство выражения экспрессивности, при этом высказывание приобретает некий эмоциональный оттенок, способный усилить воздействие на собеседника. Рассматриваются два типа инверсии: грамматическая и стилистическая, которая отличается экспрессивностью и отражает эмоциональное состояние говорящего. Особое внимание уделяется экспрессивной инверсии, её типам и особенностям использования в разговорном английском языке.

Ключевые слова: экспрессивный синтаксис; инверсия; экспрессивность; полная инверсия; частичная инверсия; экспрессивная инверсия.

E. V. Zhiber

Post-Graduate student, Department of Grammar and History of English Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University, Moscow;
e-mail: e.jiber@linguanet.ru

EXPRESSIVE INVERSION IN THE ENGLISH LANGUAGE

The article looks into inversion, a feature of English syntax, its types and functions. It is generally believed that any change of the English word order can be viewed as an expressive means which intensifies the emotional appeal contained in the sentence, thus enhancing its persuasive effect. Two types of inversion are discussed: grammatical and stylistic, the latter being a reflection of the speaker's emotional state. The article focuses on the expressive inversion, its types and use in colloquial English.

Key words: expressive syntax; expressiveness; inversion; full inversion; partial inversion; expressive inversion.

Introduction

Means of expressive syntax have been of interest to linguists for the last few decades. Canonically, such transformations of word order are studied by stylistics which considers them to be an expressive means.

The importance of expressiveness for syntax was first mentioned by Ch. Bally in the previous century. He stated that syntactic means were capable of giving the utterance a special affective connotation. Expressiveness in syntax can be perceived as capability of syntactic forms to increase the pragmatic potential of an utterance beyond the degree achieved by the lexical values of the elements that fill these syntactic forms.

In English inversion is a complicated phenomenon presenting an interesting problem for discussion. Traditionally inversion refers to a reversal of the syntactically correct order of the subject, the predicate-verb, and the object in a sentence. This process is also known as *anastrophe*, from the Greek “to reverse”. Word order is an essential feature of syntax in many languages, and for English it is crucial as there is a fairly fixed pattern according to which sentences are constructed, normally the Subject-Verb-Object order, although many other languages permit looser arrangements of sentence members.

O. Jespersen claims that English “has developed a tolerably fixed word order which in the great majority of cases shows without fail what is the Subject of the sentence” [Jespersen 2006, p. 66], that is Subject, Predicate and Object (S-P-O). In his research O. Jespersen also states that “according to statistics delivered from a series of representative 19th century writers the S-P-O order was used in 82 to 97 per cent of all sentences containing all the 3 members” [Jespersen 2006, p. 66], whereas 16 per cent were for Beowulf and 40 per cent for King Alfred’s prose [Coseriu 2007]. This shows that the syntactic inversion was used in the English language as early as at the end of the 7th century.

In the English language the term *inversion* can be applied “to a significant number of sentence structures and within its own structural bounds also can cover a great variety of subcategories as *an umbrella term*” [Kreyer 2006, p. 5] whose “clear-cut distinctions are not found to be standardised, at least in relevant literature on inversion” [cf. Birner 2012; Dorgeloh 1997; Chen 2003; Kreyer 2006; inter alia]. G. Green states that “there exist on the order of 20 to 40 types of inverted sentences in English” [Green 1985, p. 117]. Some definitions of inversion are quite broad, including “subject-auxiliary inversion and even existential *there*-constructions” [Green 1982, p. 120]. B. Birner gives a more restrictive definition of inversion. She defines it as “a sentence in which the logical subject appears in the post-verbal position while some other, canonically post-verbal, constituent appears in the clause-initial position” [Birner

2012, p. 12]. Moreover, “being the reversal of the subject and the verb <...> inversion represents a deviation from the norm and, therefore, is a «norm-breaking» word order alternation» [Dorgeloh 1997, p. 1].

Discussion Types of inversion in English

In the English language any change of traditional word order plays a role of great importance and has significant stylistic value. I. V. Arnold, I. I. Pribytok and V. A. Kucharenko distinguish two types of inversion: *grammatical* and *stylistic*.

I. V. Arnold perceives the stylistic inversion as “a violation of the order of sentence constituents during which one of them is emphasized and receives a special connotation of emotionality or expressiveness” [Arnold 2010, p. 219]. The stylistic inversion gives the utterance emotional colouring because in this case emphasis is laid on one of the sentence constituents. Inversion serves as an expressive means in literary discourse. According to B. B. Karashaeva “any violation of canonical word order results in additional connotations, emphasizes or weakens the semantics of a sentence constituent” [Karashaeva 2011, p. 58]. I. R. Galperin points out that “the stylistic inversion aims at attaching logical stress or additional emotional colouring to the surface meaning of the utterance” [Galperin 2018, p. 204]. He also adds that inversion is not to be considered a breach of the norm of standard English.

The grammatical inversion refers to a syntactic structure where two sentence members switch their canonical positions, that is they are inverted. Structurally two types of grammatical inversion are generally distinguished: full inversion (FI), for example: “*All along one wall climbed a beautiful rambling rose*” [Foley, Hall 2012, p. 327] and “subject-auxiliary inversion (SAI), which is also known as *subject-operator inversion*” [cf. Quirk et al. 1992, p. 1381], for example: “*...deep blue sky arched high over the moorland. Never, never had Mary dreamed of a sky so blue. In India skies were hot and blazing <...>*” (Burnett F. H. *The Secret Garden*)

V. A. Kochetova also singles out two major types of inversion: “*full inversion* where the predicate-verb is shifted before the subject and *partial inversion* where the auxiliary is found in the position preceding the subject” [Kochetova 2013, p. 18]. Compare the two examples below:

Just as important is the question of tolerance.

Never have I seen such a handsome man [Kochetova 2013, p. 18].

H. Dorgeloh argues that “full inversion is found in all those structures where the subject follows the whole of its verbal phrase, i. e. a full (lexical) verb or copular *be*” [Dorgeloh 1997, p 23].

Nevertheless, speaking of inverted sentences some linguists use the terms *inversion* and *fronting* [Kochetova 2013, p. 18]. For instance, S. Chalker and M. Foley mention the syntactic transformation which they call “fronting” [Chalker 1997; Foley 2012]. They perceive fronting as “a way of changing the normal word order of a structure” [Foley 2012, p. 326], in which part of a sentence (a single sentence constituent or an expression) is placed in the position preceding the subject for the purpose of emphasis, for example, “*Wine I can’t drink it gives me a headache*”. This could be an adverbial or adjectival expression, a noun phrase or a clause, or even a verb. It should be mentioned that when an adjective or an adverbial modifier is shifted to the initial position, the word order becomes inverted. S. Chalker and M. Foley do not refer these shifts of sentence constituents to cases of inversion, they refer them to fronting [Kochetova 2013, p. 18]. Compare the examples:

“*The actors were a mixed bunch. Pacino was the least inspiring of the lot.*” (fronting, no inversion) and

“*The actors were a mixed bunch. Least inspiring of the lot was Pacino.*” (fronting + inversion) [Foley, Hall 2012].

Thus, in the structure of the grammatical inversion the predicate-verb precedes the subject. In the English language two major types of the grammatical inversion can be distinguished: *subject-auxiliary inversion* (partial) and *subject-verb inversion* (full). The distinction between the two lies in the nature of the verb involved whether it is a full or an auxiliary verb.

The subject-auxiliary (partial) inversion (SAI) is a frequently occurring type of inversion, where a finite auxiliary verb, including the finite forms of the link-verb *be*, changes positions with the subject. Therefore, the word order is *auxiliary-subject*, which is opposed to the canonical *subject-verb* order of declarative sentences in English. This type of inversion in English is commonly found in the process of question formation:

e.g. Mary will stay with us.
Will Mary stay with us? (SAI in a yes / no question)

e.g. Isaac has written it.
What has he done? (SAI in a special question)

However, there are other cases as well, including the formation of conditional clauses, for example:

- e.g. If we were to help her ...
Were we to help her ... (SAI in a conditional clause)

and in the structure of sentences with negative expressions in the initial position (i. e. negative inversion), for example:

- e. g. Michelle has helped at no point.
At no point has Michelle helped. (SAI with a fronted negative expression).

In the English language the normal word order is subject-verb, any change of the order of the constituents leads to change of meaning, as a result, auxiliary-subject order is formed.

- e. g. Bessie stayed.
Stayed Bessie? (no inversion is possible here as the verb is NOT an auxiliary verb).

The subject-verb (full) inversion (SVI) in English is the type of inversion where the subject and the verb switch their traditional order, so that the subject comes after the verb(s), e. g. “*A lamp stood beside the bed.*” > “*Beside the bed stood a lamp.*” The SVI is distinct from the SAI because the verb involved is not an auxiliary verb. The following sentences illustrate the use of the subject-verb inversion, e.g. “*A boy will come into the room. Into the room will come a boy.*”

This type of inversion focuses on the subject which is usually expressed by a full noun or a noun phrase rather than a pronoun. Third-person pronouns cannot be the subject of this structural pattern. For instance, e.g. “*Down the stairs came the cat.*” In this sentence the subject is expressed by a noun. The sentence “*Down the stairs came it.*” where the subject is a third-person personal pronoun is unlikely unless the subject *it* has importance and is stressed.

In English there occurs other types of inversion that are rather common and are part of its grammatical structure:

- shifting an adjective after the noun it modifies: *the soldier strong*;
- shifting a verb before its subject: *shouts the policeman*;
- shifting a noun before its preposition: *worlds between*.

Inversion always occurs in interrogative sentences where verbs or auxiliaries are put before their subjects. In a similar way, inversion can

occur in an exclamatory sentence where the object precedes the predicate and subject and is preceded by a *wh*- word, for example:

e. g. What a beautiful room is it!

Inversion performs several functions in the language: logical, grammatical, expressive, communicative, pragmatic, and structural-semantic [Davydova 2011, p. 89].

Expressive inversion

The objective of the paper is to study the expressive function of inversion. The aim of the expressive inversion is to focus the listener's attention on the sentence part which is viewed by the speaker as prominent or most informative.

I. R. Galperin observes that “the most noticeable positions in the sentence are initial and final: the initial – because the full force of the stress can be felt at the beginning of the utterance and the last position because there is a pause after it” [Galperin 2018, p. 204]. The canonical word order is associated with a definite intonation pattern. According to I. R. Galperin this “intonational pattern remains despite changes introduced in the sequence of the constituent parts of the sentence” [Galperin 2018, p. 204].

Thus, the expressive inversion is used to stress the communicative center of the utterance and to make it more expressive and emotional by changing its stylistic colouring since the stylistic inversion expresses a diversity of attitudes.

The expressive inversion is basically found in literary discourse – prose and poetry. Due to some psychological factors the extent of text comprehension depends on the sentence structure. So, for the writer it is not enough to convey the meaning, the plot of the book. The writer has to build their utterance so as to shake up and excite the reader's imagination and feelings. Using emphatic constructions helps to facilitate and enhance comprehension.

Inversion performing the expressive function can often be observed in spoken discourse. V. A. Kochetova argues that “colloquial speech is vitally emotional and using inverted word order can help to express different shades of emotional states” [Kochetova 2013].

e. g. You wore my present <...> can it be so gorgeous [Kochetova 2012].

The exclamatory inversion highlights the degree of the speaker's astonishment and surprise. Even though the exclamatory mark is absent / omitted the inversion shows the emotional reaction of the speaker.

The inversion in the sentences “*Oh boy, was she mad!*” or “*How dare you hurt him!*” also illustrates the emotional state of the speaker implying irritation or even rage.

Exclamatory inverted sentences starting with *how* and *what* also perform the expressive function.

e. g. What a piece of work is a man! (*W. Shakespeare, Hamlet 2:2*)

How green was my valley!

However, this usage of inversion can be regarded as old-fashioned and rather literary.

Results

The materials for the analysis of the expressive inversion in the English language were obtained from literary and spoken discourse. Most examples come from books written by N. Sparks *Two by Two* (2016), J. Krakauer *Into Thin Air* (2015) and from the latest BBC TV show *Miss Scarlet and the Duke* (2020).

Thorough analysis of instances of inversion used in colloquial speech showed that it performed primarily the expressive function. Besides, inverted sentences usually contained an element with a negative or restrictive meaning, which was expressed by an adverb (or an adverbial phrase). Those were mostly cases of partial inversion. There is an opinion that such utterances sound quite official. G. G. Pocheptsov believes that if speaker does not want to produce such impression, they place the negative expression later in the utterance in its normal position [Pocheptsov 2005].

e.g. Never before have I seen blind anger like this on the streets of Paris (*Lichfield, J. Never before have I seen blind anger like this on the streets of Paris*).

There are some negative adverbs and adverbial phrases that often cause inversion, they are: *no longer, hardly (ever), never, seldom / rarely, only then, not only <...> but, no sooner <...> then, barely <...> when, scarcely, only + time expression, nowhere, little, only in this way, in no way, on no account, not until / not since + expression of time, not even if + clause; not for + noun phrase, not for nothing + clause, etc.* Canonically,

inversion is possible if the negative elements are fronted thus, emphasizing the first part of the sentence.

The most frequent negative element used is the adverb *never*, e.g.:

- “Joseph’s life had been colored by tragedy. He was on the Princess Alice.”
- “**Never** did the Thames see such a crash.”
- “He watched his first wife drown amongst those poor 600 souls.”

The inversion in the given example performs the expressive function. It highlights the extent of the tragedy which happened on the River Thames and claimed hundreds of lives (*Miss Scarlet and the Duke*, ep. 1).

e. g. Never had we been more motivated than during the first month of work.

Never have I seen such a beautiful child.

The negative adverbial *never* is sometimes coupled with *once* or *again* that reinforces the idea emphasized, e.g.:

And through it all, I loved Vivian, and **never once** did I waver from the conviction that I wanted to spend my life with her (*Sparks N. Two by Two*).

...the animals of North America that we’d seen earlier didn’t strike me as terribly exotic. **Never once**, however, had I spotted a zebra or giraffe, or a chimpanzee; I’d never come face-to-face with baboons, or elephants either (*Sparks N. Two by Two*).

The expressive inversion can be observed in sentences where other negative or restrictive adverbial elements such as *no longer*, *only*, *seldom* are fronted, e.g.:

It was after three o’clock when I made it down to the South Summit. By now tendrils of mist were streaming over the 27,923-foot top of Lhotse and lapping at Everest’s summit pyramid. **No longer** did the weather look so benign (*Krakauer J. Into Thin Air*).

In assembling this book I received invaluable assistance from many people, but Linda Mariam Moore and David S. Roberts deserve special mention. **Not only** was their expert advice crucial to this volume, **but** without their support and encouragement I would never have attempted the dubious business of writing for a living, or stuck with it over the years (*Krakauer J. Into Thin Air*).

Not only did I fail to set up any meetings for the following week, I’d gone O-for-five” (*Sparks N. Two by Two*).

I'd written more than sixty pieces for *Outside* over the previous fifteen years, and **seldom** had the travel budget for any of these assignments exceeded two or three thousand dollars (*Krakauer J. Into Thin Air*).

...however, Hall was careful to keep us to a more indolent pace that gave our bodies time to adapt to the increasingly thin air. **Seldom** did we walk more than three or four hours on any given day (*Krakauer J. Into Thin Air*).

“Okay,” Marge whispered, and **only then**, did Marge begin to cry (*Sparks N. Two by Two*).

The expressive function is clearly present in all inverted sentences where negative or restrictive adverbials are fronted. Nevertheless, this type of structure is not the only one. In spoken discourse other structures with inversion which perform the expressive functions can be found, for example inversion after *so* and *such* shifted to the beginning of the utterance to emphasise the speaker's emotional state.

e. g. **So** unhappy was the boy that we decided to help him.

So happy was I that I bought presents for everybody in my family.

So interesting was the game that we did not notice how the time passed.

Such was her fear that she started to cry.

Conclusion

The expressive inversion is an emphatic syntactic structure giving logical stress to the sentence constituents found in unusual syntactic positions without changing the meaning of the utterance. It can be regarded as a stylistic device which is used for the purpose of emphasis and should not be confused with the grammatical inversion which is a sentence structure where two sentence constituents switch their canonical order of appearance, i.e. they invert. Two major types of the grammatical inversion are usually distinguished: full inversion (subject-predicate) and partial inversion (subject-auxiliary).

The expressive inversion focuses the listener's attention on the prominent sentence constituent. This is achieved by placing a word in an odd or most noticeable position in the sentence – initial or final. Thus, the expressive inversion makes the utterance sound more emotional and allows the speaker to express a variety of attitudes. The expressive inversion can also be regarded as an efficient tool in persuading.

The expressive inversion can be found in literary discourse – prose and poetry. The present analysis shows that this type of inversion is more typical of colloquial speech. In the majority of the analyzed cases the inversion was partial and contained expressions of negative or restrictive meaning (usually an adverb or adverbial phrase). The most common of them were never (used alone or coupled with *once* or *again*), *no longer*, *seldom* and *not only*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта, Наука, 2010. [Arnold, I. V. (2010). *Stilistika. Sovremennyj anglijskijazyk (Stylistics. Modern English Language)*. Moscow: Flinta, Nauka. (In Russ)].
- Давыдова Н. А. Инверсия в английском дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета, 2011. № 633. С. 88–94. [Davydova, N. A. (2011) *Inversion in the English Discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 633, 88–94.* (In Russ.)]
- Карашаева Б. Б. Стилистическая инверсия как средство выражения эмоциональности и экспрессивности в английской литературе XIX–XX вв. // Актуальные проблемы языкознания, 2015. № 1. С. 46–48. [Karashaeva, B. B. (2015) *Stilisticheskaya inversiya kak sredstvo vyrazheniya emotsional'nosti i ekspressivnosti v anglijskoi literature XIX–XX vv. (Stylistic inversion as a means of expression of emotion and expressiveness in the English literature of the 19–20th centuries). Aktual'nye problemy yazykoznaniya, 1, 46–48* (In Russ)].
- Кочетова В. А. Прагматические особенности инверсии в современном английском языке // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=7757> (дата обращения 27.08.2020) [Kochetova, V. A. (2012) *Pragmatic features of inversion in Modern English. Modern Problems of Science and Education, 6.* URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=7757> (дата обращения 27.08.2020) (In Russ)].
- Кочетова В. А. . Прагмалингвистические и жанровые особенности инверсии в современном английском языке // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки: Филологические науки. 2013. № 5. URL: <https://www.online-science.ru/m/products/filologicheskie-nauki/gid655/pg0/> (дата обращения 27.08.2020) [Kochetova, V. A. (2013) *Pragmalinguistic and genre inversion peculiarities in modern English. Humanities, social-economic and social sciences: Philological sciences, 5* URL: <https://www.online-science.ru/m/products/filologicheskie-nauki/gid655/pg0/> (In Russ.)].

- Birner, B. J.* The Discourse Function of Inversion in English. Routledge Routledge Taylor & Francis Group. 2012.
- Chalker, S.* Current English Grammar. Prentice Hall, 1997.
- Chen, R.* English Inversion: A Ground-before-Figure Construction. New York: Mouton de Gruyter. 2003.
- Coseriu, E.* Collection of scientific works. Issue 333. Formal and semantic organization of the text. 2007.
- Dorgeloh, H.* Inversion in Modern English: Form and function. John Benjamins Publishing. 1997.
- Foley M., Hall, D.* My GrammarLab Advanced C1 / C2. Pearson. 2012.
- Galperin, I. R.* English Stylistics / Ed. by L. R. Todd. M.: LIBROCOM. 2018.
- Green, G.* Colloquial and literary uses of inversions // Deborah Tannen (ed.), Spoken and Written Language: Exploring Orality and Literacy, Norwood NJ: Ablex. 1982. P. 119–154.
- Green, G.* The description of inversions in Generalized Phrase Structure Grammar // Mary Niepokuj et al. (eds.), Proceedings of the 11th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. 1985. P. 117–146.
- Jespersen, O.* Essentials of English Grammar. Routledge. 2006.
- Kreyer, R.* Inversion in Modern Written English: Syntactic Complexity, Information Status and the Creative Writer. Tü: Gunter Narr. 2006.
- Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., Svartvik, J.* A Comprehensive Grammar of the English Language. London and New York: Longman. 1985.

УДК 81-112

А. В. Керова

преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: aliker@mail.ru

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В АНГЛИЙСКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XVII–XVIII вв.

В статье представлен диахронный анализ средств репрезентации эмоционального концепта «любовь» в английском поэтическом дискурсе XVII–XVIII вв. Рассматриваются термины, связанные с понятиями «эмоции» и «концепт», далее – синтаксические и лексические изменения в эмотивных предложениях, а также проведен анализ изменений самого концепта «любовь» в рамках изучаемого периода. Исследование показало, как изменился набор синтаксических структур и лексических средств эмотивных предложений в поэзии данного периода.

Ключевые слова: эмотивность; эмоции; любовь; английская поэзия; поэтический дискурс; концепт; синтаксис.

A. V. Kerova

Lecturer, Department of Grammar and History of English, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: aliker@mail.ru

THE CONCEPT OF “LOVE” IN ENGLISH POETRY OF XVII–XVIII CENTURIES

The article presents a diachronic analysis of linguistic means which serve to express the emotional concept of «love» in the English poetry of the XVII–XVIII centuries. In this connection, the terms related to «emotions» and «concept», syntactical and lexical changes within emotive sentences and the evolution of «love» in poetry are studied. The analysis showed how syntactic structures and lexical means of emotive sentences changed within the period we study.

Key words: emotivity; emotiveness; emotions; love; English poetry; concept; syntax.

Введение

Статья посвящена изучению репрезентации эмоционального концепта «любовь». В последние годы интерес лингвистов все чаще направлен на «человека чувствующего». В рамках данного исследования нас тоже интересует взаимодействие эмоций и языка, прежде всего –

это полистатусная категория эмотивности. В этой связи **предметом** исследования являются средства, служащие для формирования такого фрагмента картины мира англоязычного социума, как «любовь».

Объектом изучения выступают особенности репрезентации концепта «любовь». Материалом исследования послужил английский поэтический дискурс XVII–XVIII вв., в частности около 2 тыс. стихотворений британских авторов (например, Баулса, Бретона, Брома, Броуна, Герберта, Каули, Констебля, Крошо, Эддисона и многих других). Для проведения анализа были изучены различные средства репрезентации категории эмотивности, а именно, лексические и грамматические. Наибольший интерес вызвал выбор синтаксических средств для выражения эмотивности.

Цель статьи – проанализировать средства репрезентации концепта «любовь» в английской поэзии. В рамках исследования было сделано следующее:

1. Отобран материал для исследования, а именно, эмотивные предложения из английского поэтического дискурса XVII–XVIII вв..
2. Определены методы исследования и терминологический аппарат.
3. Отобраны предложения, реализующие концепт «любовь».
4. Определены основные «типы любви», характерные для английской поэзии данного периода.
5. Определены типы предложений и синтаксические конструкции, характерные для английской поэзии данного периода.
6. Сделаны некоторые выводы об эволюции концепта «любовь» в рамках данного периода.

1. Терминологический аппарат

Прежде всего необходимо уточнить некоторые термины, используемые в рамках исследования.

Эмоции представляют собой субъективные психологические состояния говорящего, его *реакции* на события, участников коммуникации, их поведение, объекты, возникающие в результате лингвистических и экстралингвистических факторов» [Орлова 2009]. Отношение адресанта к ним выражается посредством, во-первых, *положительных*, во-вторых, *отрицательных* и, в-третьих, *смешанных* эмоций.

Под **эмоциональностью** понимают бессознательное проявление эмоций, обязательное свойство человека, регулирующее основные процессы порождения высказываний.

Однако нас больше интересует именно осознанное выражение эмоций, т. е. **эмотивность** как репрезентация эмоционального состояния человека. «Эмотивность представляет собой сознательный и запланированный процесс демонстрации эмоций, лингвистическое выражение эмоциональности» [Орлова 2009].

Эмотивность рассматривается нами также через призму концептов. Успешная интерпретация дискурса возможна благодаря тому, что знания о мире имеют прототипический характер, т. е. они зафиксированы в человеческом сознании в виде совокупности концептов. Концепты отражаются не только в лексике, но и в грамматических формах, грамматических категориях и синтаксических структурах.

К эмотивным предложениям / высказываниям в поэтическом дискурсе можно отнести предложения, с помощью которых автор может выразить свои эмоции. Помимо пунктуационного оформления в предложении выражение эмоций поддерживается лексическими «знаками», называющими ту или иную эмоцию, и синтаксическими структурами, делающими предложение эмотивным.

Исследование показало, что по цели высказывания эмотивные предложения в поэзии могут быть любыми, например:

1. *Повествовательными*:
 - повествовательно-вопросительными,
 - повествовательно-побудительными,
2. *Вопросительными*:
 - собственно вопросительными
 - вопросительно-повествовательными,
3. *Побудительными*:
 - побудительно-повествовательными,
 - побудительно-вопросительными
4. *Восклицательными, которые также могут быть*:
 - собственно восклицательными,
 - повествовательными,
 - повелительными и
 - вопросительными [Пешкова 2014].

И еще один термин, который следует пояснить, это **концепт**. В научной литературе под концептом чаще всего понимают «некое

понятие, содержательную единицу человеческого опыта, структуру знания, значение (слова, словосочетания), смысл» [Кравченко 2005]. «Концепт – это то, из чего состоят мысли» как отдельного человека, так и общества в целом [Fodor 1998, с. 25]. Концепт имеет определенное языковое воплощение, чаще в виде лексических единиц. Таким образом он создает представление о картине мира определенного социума. Существует также термин *эмоциональный концепт*, который напрямую связан со способностью человека выражать эмоции.

По способу репрезентации концепты могут быть *лексическими* (непосредственное значение слова), *фразеологическими* (значение передается словосочетанием) и *грамматическими* (значение передается грамматическими категориями и синтаксическими структурами)» [Малинович 2011]. После изучения лексических средств, связанных с понятием «любовь», стало очевидно, что прямое упоминание эмоции является слишком прямолинейным и «примитивным» для поэтического дискурса, и существуют другие средства для ее проявления, в частности синтаксические. «Эмоциональное отношение, как и любое отношение говорящего к чему-либо, всегда предикативно, следовательно, синтаксично» [там же].

Синтаксические концепты играют важную роль в реализации эмоциональной выразительности текста. Другими словами, отражение эмоций не может ограничиваться лишь их номинацией, существуют и другие способы их объективации, в частности синтаксическая организация высказывания. В этой связи мы провели исследование эмотивных предложений по таким критериям: графическая организация, тип предложения по структуре и по цели высказывания, а также выделили типы конструкций, характерных для конкретного периода английской поэзии.

2. Репрезентация концепта «любовь»

Репрезентацию концепта мы рассматриваем по нескольким параметрам. Во-первых, интерес представляют возможные изменения в синтаксисе эмотивных предложений. Во-вторых, с точки зрения наличия «ключевых единиц-репрезентантов» концепта «любовь», лексических единиц, связанных со словом *love* по смыслу или имеющих компонент *love* в составе слова [Гусева, Шевелева 2019]. В-третьих, нас интересуют *типы* выражаемой эмоции и возможная эволюция типов в рамках изучаемого периода.

Изменения в синтаксисе

Прежде всего необходимо сказать, что исследование поэтического дискурса XVII–XVIII вв. проведено на материале 2 тыс. примеров эмотивных предложений, по 1 тыс. на каждом срезе.

Анализ синтаксиса и пунктуации, в частности, показывает, что для поэтического дискурса XVII в. характерен достаточно свободный порядок слов и выбор пунктуационных знаков, а грамматические окончания на письме обозначались разными способами (например, *lovest / lov'st, loved / lov'd, beloved / belov'd*).

Следует заметить, что эмотивные предложения оформлены восклицательным знаком не так часто, как уже, например, в XVIII в. (см. табл. 1). Почти в 90 % примеров восклицательные предложения начинаются с междометия, добавляющего возвышенности, и уже заранее подготавливающего к эмоциям.

Далее мы рассматриваем восклицательные, побудительные и вопросительные предложения с точки зрения их структурной организации. К наиболее частотным в XVII и XVIII вв. относятся практически одни и те же типы конструкций, поэтому представлен общий список (в порядке убывающей частотности) и примеры:

1. *Восклицательные предложения*

- Простые и сложные распространенные предложения (обычно с большим количеством эпитетов, а также перечислений):

(1) In vain are all Contentment's charms,
Her placid mien, her cheerful eye;
For look, Cordelia, how they fly! (*Mark Akenside "To Cordelia"*;
<https://www.theotherpages.org/poems/akens01.html>).

- конструкции с междометиями:

(2) **MY God**, I heard this day,
That none doth build a stately habitation,
But he that means to dwell therein (*George Herbert "Man"*;
<http://eng-poetry.ru/english/Poem.php?PoemId=4852>).

- Предложения-обращения. Например:

(3) **WELL meaning readers!** you that come as friends
And catch the precious name this piece pretends... (*Richard Crashaw "The Flaming Heart Upon the Book and Picture of Saint Teresa"*;
<https://www.theotherpages.org/poems/crashaw1.html>).

В большей части предложений-обращений само обращение выделяется не запятой, а восклицательным знаком, и далее следует продолжение со строчной буквы.

- *How* + простое двусоставное предложение или *How* + прилагательное + простое двусоставное предложение.

(4) **How** light the wave upon the half-wet sand!

How beautiful the sun, as still we gaze,

Streams all diffusive through the opening haze! (*William Lisle Bowles* “Morning – Turner”; <https://www.theotherpages.org/poems/part2/bowles02.html>).

- *What* + прилагательное + существительное + простое двусоставное предложение

(5) **What** orient hues proclaim the master’s hand!

(*William Lisle Bowles* “Morning – Turner”; <https://www.theotherpages.org/poems/part2/bowles02.html>).

- односоставные назывные предложения с главным членом существительным:

(6) **Summer** in winter! **Day** in night!

Heaven in Earth! and **God** in Man!

(*Richard Crashaw* “A Hymn of the Nativity, Sung By the Shepherds”; <https://www.theotherpages.org/poems/crashaw1.html>).

- конструкции с повтором:

(7) Heigh ho, how **I do love thee**!

I do love thee as my lambs <...>!

<...> Fair sweet, how **I do love thee**!

I do love thee as each flower <...>!

(*Henry Constable* “Damelus’ Song to Diaphenia”;

<https://www.theotherpages.org/poems/constab1.html>).

Необходимо отметить также еще одну конструкцию, которая не является самой частотной, однако отражает общую тенденцию в рамках изучаемого периода, когда одно стихотворение состоит из одного восклицательного предложения (или нескольких), с большим количеством эпитетов для выражения непрерывного эмоционального состояния:

- (8) I may look back on many a **sorrow** past,
And meet life's **peaceful** evening with a smile –
As some **poor** bird, at day's departing hour,
Sings in the sunbeam, of the transient shower
Forgetful, tho' its wings are wet the while: –
Yet ah! how much must that **poor** heart endure,
Which hopes from thee, and thee alone, a cure!
(William Lisle Bowles "Fourteen Sonnets";
<https://www.theotherpages.org/poems/bowles01.html>).

2. Побудительные предложения

• Конструкции без обращения к человеку, которому адресуется действие:

- (9) **BEHOLD** in awful march and dread array
The long extended squadrons shape their way!
(Joseph Addison "Marlborough at Blenheim";
<https://www.theotherpages.org/poems/addison1.html>).

• Конструкции с глаголом *let*:

- (10) **RING**, bells! and **let** bonfires outblaze the sun!
Let echoes contribute their voices!
(Alexander Brome "For General Monk, his entertainment at
Clothworkers' Hall"; <https://www.theotherpages.org/poems/brome01.html>).

• Побудительно-вопросительные

- (11) **SAY** that I should say I love ye,
Would you say 'tis but a saying?
(Nicholas Breton "An Assurance"; <https://www.theotherpages.org/poems/breton01.html>).

3. Вопросительные предложения

• Восклицательно-вопросительные предложения / риторические вопросы, начинающиеся с междометия:

- (12) **O** fountains, when in you shall I
Myself, eased of unpeaceful thoughts, espy?
(Abraham Cowley "The wish"; <https://www.theotherpages.org/poems/cowley01.html>).

Проведенный нами анализ показал, что в изучаемый период в наборе наиболее частотных конструкций существенных изменений не произошло, однако следует заметить, что в XVIII в. в два раза больше восклицательных предложений в целом, а также значительно больше тех, в которых несколько восклицательных знаков в одном и том же предложении. Возможно, этот факт и объясняет увеличение общего числа восклицательных знаков во втором временном срезе.

В XVIII в. подобные конструкции с междометиями и восклицательными частицами можно считать общепринятой синтаксической моделью (по сравнению с предыдущим веком). Практически все примеры, начинающиеся с междометия с восклицательным знаком, заканчиваются еще одним восклицательным знаком.

Анализ также показал, что эмотивные предложения со словоформами «love» в большинстве случаев идут без восклицательного знака, именно поэтому мы рассматривали и другие эмотивные предложения без восклицательного знака и анализировали типы эмоций в них, а именно: эмотивные без восклицательного знака и эмотивные предложения с вопросительным знаком.

Таблица 1

Предложения со знаком препинания в конце	XVII в.	XVIII в.
С восклицательным знаком	447	879
С вопросительным знаком	468	268

В связи с тем, что 95 % отобранных нами методом сплошной выборки примеров относились к концептосфере «любовь», соответственно были другие средства ее выражения. К ним относятся лексические средства, близкие по семантике к концепту любовь («passion», «affection» и так далее), что позволило также сделать выводы о широком диапазоне выражаемых эмоций внутри самого концепта «любовь», другими словами, какие «типы» любви были наиболее характерны для английской поэзии.

Репрезентанты концепта «любовь»

Исследование показало, что в английской поэзии XVII–XVIII вв. основной эмоцией является *любовь*, в этой связи был проведен количественный анализ словоформ «love». В XVII в. в три раза больше

однокоренных с *love* слов, что, с одной стороны, делает поэтический дискурс более экспрессивным, а с другой – позволяет сделать выводы о том, что авторы XVII в. более настойчиво выражали свои эмоции, возможно иногда даже более примитивно, используя, например, многократный повтор слова *love* в одном стихотворении. В то время, как произведения XVIII в. становятся уже немного более утонченными и изысканными, набор «любовных» эпитетов расширяется, а синтаксические конструкции дают возможность сделать стихотворение эмотивным без бесконечных повторов одного и того же слова, что, конечно, можно объяснить распространением грамотности и тем, что все больше людей начинают читать и писать стихи.

Таблица 2

Словоформы «love»	XVII в.	XVIII в.
loves	48	12/
loved	37	13
lov'd	20	26
beloved	11	5
lovely/lovelier/loveliest	32	40
loving	23	1
love's	76	8
lover(s)	58	7
lov'st/lovest	1/6	1/1
luve	–	7
love (всего однокоренных)	963	312

Типы любви

Ввиду того, что концепт «любовь» не может быть выражен лишь одной словоформой «love», были изучены возможные связи с другими лексемами. Семантика лексемы *love* имеет связь с *affection*, *passion* и другими. Необходимо отметить, что в поэтическом дискурсе было обнаружено больше позитивных эмоций, чем негативных. В поэзии XVII в. любовь, в тех редких случаях, когда имеет негативную окраску, граничит с отчаянием («*disdain* / *despair*»), а в XVIII в. концепт «любовь» в принципе больше связан с удовольствием и радостью.

Таблица 3

Позитивные эмоции	XVII в.	XVIII в.
love	916	312
passion	46	46
affection	22	6
to please	35	35
pleasure	7	78
pleasant	15	12
innocence	13	10
innocent	7	3
joy	151	113
friend(s)	75	42
friendship	6	9
Негативные эмоции		
disdain	49	15
despair	42	26
pain	112	79
sorrow	53	40
grief	70	25
to grieve	23	10

Кроме того, анализ позволил сделать выводы о типах любви в поэзии XVII–XVIII вв. К основным из них относятся:

Таблица 4

«Типы» любви	XVII в.	XVIII в.
любовь к природе	+	+
любовь к свободе	+	+
страсть	+	+
привязанность	+	+
удовольствие	+	+
любовь к Богу	+	+
расположение	+	+
дружба	+	+

Заключение

Проведенное исследование позволило нам сделать ряд выводов.

Концепт «любовь» является универсальным понятием, однако его признаки и средства выражения «своеобразны и базируются на ментальных образах, свойственных только данному культурному социуму» [Антология концептов 2005]. Концепт может быть представлен на лексическом, фразеологическом или грамматическом уровне. Для выразительности текста большое значение имеют именно синтаксические концепты, другими словами, важна синтаксическая организация предложения (а именно – графическая организация, тип предложения по структуре и по цели высказывания, тип конструкции), которая наряду с лексическими средствами позволяет создать неповторимые по силе и эмоциональности тексты. Рассмотрение проявления эмоционального значения лишь на лексическом уровне представляется неполным, так как эмоциональное отношение актуализируется предложением как единицей коммуникации. Сопоставительный анализ синтаксиса двух веков является интересной областью для исследования, так как в синтаксисе изучаются все единицы языка.

Диахронный анализ не показал значительных изменений между двумя срезами в выборе доминирующего типа предложения как по цели высказывания, так и по структуре, что можно объяснить скудной номенклатурой доступных синтаксических конструкций, которые только начинали формироваться в XVIII в. Нами установлено, что к числу наиболее распространенных типов предложений относились восклицательные предложения, по структуре простые полные или сложные, без *how* и *what*. Однако в XVIII в. в два раза больше восклицательных предложений в целом, а также значительно больше тех, в которых несколько восклицательных знаков внутри одного предложения.

В целом, в поэтическом дискурсе обнаружено больше относительно позитивных эмоций, связанных с концептом «любовь», чем негативных. Наряду с этим в поэзии XVII в. немногочисленные предложения, имеющие резко негативную окраску, в основном связаны с отчаянием, о чем свидетельствует частое употребление слов «*disdain / despair*», а в XVIII в. – их число сокращается более, чем в два раза.

К основным «типам» любви в поэзии XVII–XVIII вв. относятся:

- привязанность, основанная на половом влечении, страсть;
- любовь к природе;
- дружба;
- любовь к свободе.

Проведенное исследование может способствовать дальнейшему диахронному изучению концепта «любовь», эмотивного синтаксиса и английского поэтического дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. [*The Anthology of Concepts*. Pod red. Karasik, V. I., Sternin, I. A. (2005). T. 1. Volgograd: Paradigma. (In Russ.)].
- Гусева О. А., Шевелева Е. О. Концептуальные основания семантики английских глаголов, обозначающих смех (опыт фреймового анализа) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 6 (822). С. 45–55. [Guseva, O. A., Sheveleva, E. O. (2019). Conceptual Grounding of Semantics of English Verbs Denoting “Laughter”. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6 (822). 45–55. (In Russ.)].
- Концепты. Категории: языковая реальность: коллективная монография к юбилею профессора М. В. Малинович / Ю. М. Малинович, Д. А. Архипова, В. В. Батицкая [и др.]. Иркутск: ИГЛУ, 2011. [Koncepty. (2011). In Malinovich, Yu. M., Arhipova, D. A., Baticckaya, V. V. et al. Kategorii: yazykovaya real'nost'. (*Concepts. Categories: language reality*). A collective monograph for the jubilee of Professor M. V. Malinovich. Irkutsk: ISLU. (In Russ.)].
- Кравченко А. В. Место концепта в соотношении языка, сознания и мышления. В кн.: Дементьев В. В. (ред.). Жанры речи. (Вып. 4. Жанр и концепт). Саратов: Колледж, 2005. С. 84–102. [Kravchenko, A. V. (2005). The position of concept in the relation of language, mind and thinking. In Dementev V. V. (ed.). *Speech genres (Genre and concept)*, 4. (pp. 84–102). Saratov: College, (In Russ.)].
- Орлова Н. Н. Языковые средства выражения эмоций: синтаксический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. [Orlova, N. N. (2009). *Yazykovye sredstva vyrazheniya emocij: sintaksicheskij aspekt (Language means of expressing emotions: syntactic aspect)*: thesis of PhD in Philology. Rostov-on-Don. (In Russ.)].
- Пешкова А. Б. Восклицательные предложения в русском и английском языках: структурно-прагматическая классификация // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2014. No 2. С. 55–57. [Peshkova, A. B. (2014). Exclamatory sentences in the Russian and English languages: structural-pragmatical classification). *Vestnik of Voronezh State University. Philology. Journalism*, 2, 55–57. (In Russ.)].
- Jerry, A. Fodor Oxford cognitive science series. Concepts. Where cognitive science went wrong. Oxford: Clarendon Press, 1998.

УДК 811.111'35'003.2

В. А. Климик

кандидат филологических наук;
старший преподаватель кафедры второго иностранного языка Института
иностраннных языков им. М. Тореза Московского государственного
лингвистического университета;
e-mail: v.klimik@bk.ru

ЛИНГВОКРЕАТИВНАЯ ОРФОГРАФИЯ И ФАКТОР АДРЕСАТА

В статье рассматривается обусловленная фактором адресата вариативность функционирования графологем редупликация буквы и парцелляция в художественном тексте на английском языке. Применяется комплексная методика для анализа функциональности поликодовых единиц. Показывается, что вариативность употребления зависит от адресата: автор стремится адаптировать текст к целевой аудитории, ориентируясь на характерные возрасту познавательные-психологические особенности и уровень читательской компетенции.

Ключевые слова: лингвокреативная орфография; графологема; редупликация буквы; парцелляция; фактор адресата.

V. A. Klimik

PhD (Philology), Senior Lecturer at the Department of a Second Foreign Language,
The Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University;
e-mail: v.klimik@bk.ru

LINGUOCREATIVE ORTHOGRAPHY AND THE RECIPIENT FACTOR

The article deals with variability of the graphologemes letter reduplication and parceling that function in English fiction text. In order to analyze the functionality of polycode units a complex method is applied. It is shown that the variability of usage depends on the recipient: the author aims at adapting the text to the target audience, focusing on age-specific cognitive and psychological features as well as the level of reading competence.

Key words: linguocreative orthography; graphologeme; letter reduplication; parcelling; the recipient factor.

Введение

Данная работа описывает вариативность функционирования поликодовых единиц в тексте художественного нарратива. Вопросы, связанные с творческим употреблением письменного кода в художественном тексте, приобретают особую актуальность в современную

эпоху визуального, когда «текстовая реальность все активнее заменяется ... визуальным рядом» [Симбирцева 2012, с. 31].

В творческом процессе создания художественного текста профессиональные писатели «играют» с орфографической нормой, балансируя на ее грани или вовсе нарушая норму. Речь идет о востребованных у англоязычных (в том числе и у современных) авторов приемах лингвокреативной орфографии, которая играет существенную роль в структуре англоязычного нарратива. Функционирующие в художественном тексте (и являющиеся его неотъемлемой частью) единицы, создаваемые с помощью приемов лингвокреативной орфографии, в работах автора данной статьи терминологически обозначаются как *графологемы* [Климик 2019, с. 31–33, 63–121].

Творческое употребление письменного кода мастерами слова можно наблюдать в текстах художественных произведений, адресованных различным читательским аудиториям. Значительный интерес для лингвистики представляет вариативность функционирования лингвокреативной орфографии в зависимости от возрастного статуса и читательской компетентности аудитории.

Весьма любопытным представляется то, что востребованность лингвокреативной орфографии англоязычными писателями отмечается наряду с существующей тенденцией к сокращению количества пунктуационных знаков внутри предложения [Салькова, Мачина 2012, с. 53]. При этом не вызывает сомнения, что пунктуация играет важную роль в письменной речи, хотя ее значение в письменной английской речи современного периода часто недооценивается, на что указывает, например, Д. Кристал [Crystal 1994, с. 278]. К этой мысли мы вернемся в заключительной части статьи.

Итак, в статье описываются вариативные признаки, выявленные в результате исследования текстов, адресованных двум различным возрастным группам – детской аудитории младшего школьного возраста и взрослой аудитории. Очевидно, что выраженный контраст по возрасту и уровню развития компетенций чтения влечет за собой вариативность употребления, причины которой во многом носят прагматический характер.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили аутентичные художественные печатные тексты художественных произведений XX– XXI вв.,

популярных у англоязычного читателя. Проанализированная выборка включает тексты повестей и романов – крупных литературных форм, объединенных англоязычным термином *novel*.

Для исследования, проведенного в рамках данной статьи, случайным образом были отобраны 40 произведений следующих авторов: Alexie Sherman, Bennett Jack, Bond Michael, Burgess Antony, Cabot Meg, Carey Peter, Colfer Eoin, Cowell Cressida, Crossley-Holland Kevin, Dahl Roald, DeWitt Helen, DiCamillo Kate, Evanovich Janet, Fitzhugh Louise, Fowles John, Fry Stephen, Gilbert Elizabeth, Green George Dawes, Halliday Lisa, Harris Joanne, Horowitz Anthony, Joseph Michael, Kinney Jeff, Lewis Clive, Matthews L.S., McGahern John, McKay Hilary, Morrison Toni, Riggs Ransom, Sachar Louis, Small Charlie, Smith Betty, Spinelli, Jerry, Updike, John, Vanderpool Clare, Vawter Vince, White Elwyn Brooks, White Ruth, Wilson Jacqueline.

Исследование имеет комплексный характер, что потребовало совокупности методов. В частности, при изучении функционирования графологем в тексте / дискурсе использовался метод дискурсивного анализа, функционально-семантический метод, метод количественных подсчетов, метод моделирования и когнитивный метод.

Проведенное исследование не только позволило выявить и описать наиболее типичные модели функционирования графологем в художественном дискурсе, но и сопоставить данные модели по критерию «фактор адресата».

Модели учитывают ряд параметров: константные (постоянные) и один вариативный. Константными параметрами разработанных моделей являются следующие: дискурсивная функция графологемы (семантическое содержание графологемы и осуществляемый ею способ упаковки информации), метафорическая база графологемы (когнитивная метафора), номенклатурный (структурный) тип графологемы (визуальная форма графологемы), синтаксический статус графологемы в структуре текста. Вариативным параметром модели является фактор адресата.

Результаты и их обсуждение

Вариативность функционирования лингвокреативной орфографии описывается в данной работе на примере двух востребованных англоязычными авторами приемов: *редупликация буквы* и *парцелляция*.

Общее число графологем, проанализированных в ходе работы над статьей, составляет 323. Соотношение графологем в текстах,

адресованных младшим школьникам и для взрослой аудитории показано в таблице 1.

Таблица 1

Количественное соотношение графологем по адресному признаку

Тип графологемы / возраст читательской аудитории	Редупликация буквы	Парцелляция
Младшие школьники	169	53
Взрослые	20	81
Всего	189	134

Вариативные параметры качественного характера представлены в виде бинарных оппозиций, характеризующих различную степень выраженности функциональных свойств графологемы. К таким оппозициям автор относит следующие: броскость – неброскость, удобочитаемость – неудобочитаемость, эксплицитность вербальной поддержки – имплицитность вербальной поддержки.

По вариативному параметру *броскость – неброскость* получены количественные данные, отраженные в таблице 2.

Таблица 2

Соотношение броских и неброских графологем по адресному признаку

Тип графологемы / возраст читательской аудитории	Редупликация буквы		Парцелляция	
	броск.	неброс.	броск.	неброск.
Младшие школьники	168	1	51	2
Взрослые	3	17	20	61

По вариативному параметру *удобочитаемость – неудобочитаемость*, характеризующему графологему *редупликация буквы*, получены количественные данные, отраженные в таблице 3.

Таблица 3

Соотношение удобочитаемых и неудобочитаемых графологем

Тип графологемы / возраст читательской аудитории	Редупликация буквы	
	удобочит.	неудобочит.
Младшие школьники	169	0
Взрослые	7	13

По вариативному параметру *эксплицитность* вербальной поддержки – *имплицитность* вербальной поддержки получены количественные данные, отраженные в таблице 4.

Таблица 4

Соотношение графологем по параметру эксплицитность – имплицитность вербальной поддержки

Тип графологемы / возраст читательской аудитории	Редупликация буквы		Парцелляция	
	эксплиц.	имплиц.	эксплиц.	имплиц.
Младшие школьники	167	2	50	3
Взрослые	1	19	8	73

Графологема *редупликация буквы* технически создается путем многократного повторения букв (как правило, одной или двух) в отдельном слове. Проанализируем и сравним два случая реализации графологемы в художественном тексте. Первый пример – из текста произведения, адресованного младшему школьнику.

Suddenly the front door tinkled, then slammed, and there was utter silence as they all turned to see Fabio standing there. He had a minuscule patch of plaster on his forehead.

“My SONNNNNN! screamed Mama Dei Santi and rushed toward him. “You’re HUURRRRRT! He’s hurt, Papa, look, he’s hurt.” And she flung herself at him with such force that Fabio was hurled back against the door (L. Fitzhugh. *Harriet the Spy*).

Графологемы SONNNNNN / HUURRRRRT употребляются автором при кодировании микротемы, где описывается переживание итальянской мамы, сын которой вернулся домой с небольшой ссадиной на лбу: *He had a minuscule patch of plaster on his forehead*.

Мама выражает сочувствие и озабоченность в соответствии со стереотипным пониманием речевого поведения итальянцев: эмоционально и громко. Отметим, что редупликация букв *n*, *u*, *r* сочетается с капитализацией. Редупликация «отвечает» за образ протяжного произнесения, обусловленного эмоциональным состоянием мамы, тогда как капитализация – за «громкость».

На уровне формы осуществляется манипулирование размером слов – их растягивание по горизонтали. На уровне смысла происходит манипулирование признаком действия *screamed*

(т. е. лингвокреативная орфография в данном случае выступает как невербальное средство, выполняющее функцию, близкую семантически к синтаксической роли обстоятельства образа действия), создавая яркий синестетический образ реакции итальянской мамы на травму сына – искренней, сочувствующей, но громкой и, очевидно, преувеличенной.

Второй пример – из текста произведения, адресованного взрослому читателю.

I was in bumpy darkness, with beds and cupboards and bolshy heavy stoolies and piles of boxes and books about. But I strode manful towards the door of the room I was in, seeing a like crack of light under it. The door went squeeeeeeeeeeeak and then I was on a nasty corridor with other doors (A. Burgess. *A Clockwork Orange*).

Графологема *squeeeeeeeeeeeak* используется автором при кодировании микротемы, описывающей попытки персонажа, оказавшегося ночью в незнакомом помещении, выбраться «на свободу». Графологема функционирует на базе лексемы *squeak*, означающей неприятный человеческому уху звук. Негативная коннотация лексемы усиливается за счет необычной формы слова: растягивание по горизонтали иконически выражает тягучий скрип двери. Наряду с отрицательно-коннотированными *bumpy darkness / heavy stoolies / a nasty corridor* графологема *squeeeeeeeeeeeak* участвует в формировании образа темного и мрачного помещения, где персонаж не чувствует себя в безопасности. Таким образом, манипулируя формой слова *squeak*, автор осуществляет также манипулирование признаком действия *the door went*, что позволяет усилить негативность образа.

Прежде чем будут описаны вариативные признаки, перечислим универсальные свойства графологемы *редупликация буквы*, функционирующей в художественном тексте. Как показано на примерах из текстов, адресованных двум различным аудиториям, графологема данного типа характеризуется тем, что:

- имеет выраженную звукоподражательность и принимает участие в создании синестетического образа;
- при кодировании художественного смысла происходит манипулирование смысловым компонентом высказывания, семантически близким к синтаксической роли обстоятельства образа действия (как правило, этот смысловый компонент эмотивен);

- кодирует словоформу как выходящее на передний план информационное звено в составе предложения / сверхфразового единства;
- опирается на концептуальную метафору ориентационного типа УВЕЛИЧЕНИЕ ПО ГОРИЗОНТАЛИ – УВЕЛИЧЕНИЕ ПРИЗНАКА.

Данная ориентационная метафора способствует представлению звеньев информации в легко визуализируемых пространственных параметрах печатного текста [Климик 2019, с. 97–112]. В случае графологемы *редупликация буквы* – это эмотивный смысловой компонент, часто относящийся к звуковому сопровождению действия. За счет ориентационной метафоры семантика графологемы легко «считывается» и интерпретируется, независимо от возраста, читателем, владеющим языком на уровне носителя (или близком к таковому).

Проведенное исследование позволило выделить следующие варианты функционирования графологемы *редупликация буквы* в художественном тексте / дискурсе.

Оппозиция *броскость – неброскость*: графологемы SONNNNNN / HUURRRRRT выглядят более броскими по сравнению с графологемой *squeeeeeeeeeeak*, поскольку автор их сочетает с приемом *капитализация* (все буквы в слове – заглавные).

Оппозиция *удобочитаемость – неудобочитаемость*: графологема *squeeeeeeeeeeak* имеет более выраженную неудобочитаемость, поскольку она сливается с окружающим текстом и имеет сильно растянутую форму, значительно искажающую изначальную форму слова «squeak».

Оппозиция *эксплицитность – имплицитность* вербальной поддержки: графологемы SONNNNNN и HUURRRRRT принимают участие в выражении художественного смысла «громкий и эмоциональный крик, экспансивность». Этот смысл вербализуется глагольной лексемой *screamed*. Эмоциональный накал также подчеркивается лексемами *rushed / flung herself*. Осуществляется троекратный повтор ключевой лексики *hurt*: “You’re HUURRRRRT! He’s hurt, Papa, look, he’s hurt”, что также передает повышенный эмоциональный «градус» реакции не на шутку взволнованной матери, увидевшей ссадину на лбу у сына. Таким образом, семантика графологемы получает серьезную вербальную поддержку. Совокупность этих средств создания экспрессии обеспечивает выраженную эксплицитность при передаче художественного смысла.

Графологема *squeeeeeeeeeeaak* принимает участие в выражении художественного смысла «неприятный звук». Этот смысл не поддерживается синонимичными средствами и не дублируется в топикальном единстве (ср. с примером в тексте для младшего школьника). То есть взрослому читателю будет достаточно однократного «предъявления» смысла, усиленная поддержка вербального контекста (синонимия, повторы) при интерпретации смысла не требуется.

Оппозиция высокая *востребованность* – низкая *востребованность*: количественный анализ изучаемого корпуса текстов показал, что в текстах, адресованных младшему школьнику, графологема *редупликация буквы* востребована авторами более чем в 8 раз по сравнению с текстами, адресованными взрослому читателю. Полагаем, что причина повышенной востребованности графологеми этого типа в текстах для детей заключается в выраженной звукоподражательности приема. Это имеет особое значение в чтении младшего школьника, которому «важно понимать, с какой интонацией произносится то или иное слово, важно развивать внутренний слух и важно проговаривать текст про себя или шепотом» [Климик 2019, с. 151]. Не случайно в приведенном выше примере, представляющем собой типичный образец употребления, графологема появляется в прямой речи. Читая, ребенок получает возможность не только прочесть, увидеть, но и «услышать» реплику персонажа, что усиливает эффект присутствия.

Итак, в художественном дискурсе графологема *редупликация буквы* реализуется в формате словоформы и позволяет автору манипулировать информацией о звуковом сопровождении действия, и, более широко, об эмоциональном восприятии мира персонажем. Иными словами, графологема подчеркивает, что высказывание имеет связь с эмоциональным напряжением, возникающим в результате воздействия физических свойств окружающей действительности на сферу чувств персонажей.

Автор совершает *манипулирование формой слова* в пространстве печатной строки (растягивание слова по горизонтали). В свою очередь, манипулирование формой слова позволяет осуществить манипулирование семантическим содержанием предложения, в которое «встроена» редулицированная словоформа. В конечном итоге, манипулирование формой слова и манипулирование семантическим содержанием

предложения позволяет автору художественного произведения выразить художественные смыслы более глубоко и более точно.

Таким образом, графологема *редупликация буквы* демонстрирует вариативность в зависимости от фактора адресата. В тексте художественного произведения, предназначенного школьнику, по сравнению с текстом произведения, адресованного взрослому читателю, графологема имеет более выраженные свойства броскости и удобочитаемости. Выражаемый графологемой художественный смысл более эксплицитен, так как он дублируется в ее контекстуальном окружении. Кроме того, данный тип графологемы более характерен для текстов, адресованных детям.

Далее покажем вариативность функционирования графологемы *парцелляция*, которая создается путем визуального дробления формы слова на части, когда отдельные буквы в составе слова отделяются друг от друга дефисами. Проанализируем примеры. Первый пример – из текста произведения, адресованного младшему школьнику.

Jenny did not know what to do. She sat down at her desk. She watched the second hand go around on the clock. "I might as well catch up on my spelling," she thought. She opened her desk and took out her speller.

M-U-D spells mud.

"Where is everybody?"

B-L-O-O-D spells blood.

"I hope nothing happened to them."

B-L-A-C-K spells black.

Jenny heard footsteps coming down the hall. She began to work very fast (L. Sachar. *Sideway Stories of Wayside School*).

Описывается типичная для школы ситуация – девочка тренирует навыки правописания. Графологемы M-U-D / B-L-O-O-D / B-L-A-C-K мгновенно привлекают внимание необычной формой. Направленность внимания читателя на M-U-D / B-L-O-O-D / B-L-A-C-K фокусирует информацию о действиях девочки, проговаривающей медленно, по буквам, «трудные» (с точки зрения орфографии) слова и последовательно выписывающей их в тетрадку.

Второй пример – из текста произведения, адресованного взрослому читателю.

“I just wanted to say that it must have been strange, hearing that from me; you must have been reeling—that’s R-E-E-L-I-N-G, not R-E-A-L-I-N-G, which isn’t a bad word, either. What I am saying is that it was meant in the moment, but it doesn’t mean anything should change between us. I don’t want anything to change. You do what you want and I do what I want.”

“Of course”. (*L. Halliday. Asymmetry*).

Пожилой поклонник объясняет молодой девушке, с которой у него роман, что не готов к дальнейшему развитию отношений и не желает менять свой устоявшийся жизненный уклад. Мужчина медленно и тщательно проговаривает ключевые слова высказывания: *you must have been reeling—that’s R-E-E-L-I-N-G*. Имеется в виду, что девушка, возможно, не понимает реального статуса отношений. Глагольная лексема *reel* может означать «to feel very confused and unable to act» [Cambridge Dictionary ... URL]. Далее возникает контраст R-E-E-L-I-N-G, not R-E-A-L-I-N-G, где графологема R-E-A-L-I-N-G создается на базе несуществующей лексемы **realing*. Речь идет об игре слов: прилагательное *real*, означающее «existing in fact and not imaginary» [Cambridge Dictionary ... URL], в контексте микротемы «мимикрирует» под только что упомянутое *reeling*, приобретая суффикс *-ing*, имеющий грамматическое значение «the action of the verb or its result». Словоформа R-E-A-L-I-N-G – окказионализм, сложная семантика которого включает составляющие: existing in fact and not imaginary + the action of the verb or its result + pronouncing slowly and distinctly. Графологема R-E-E-L-I-N-G / not R-E-A-L-I-N-G в данной микротеме становится сложным семантическим образованием – это семантический «сплав», в котором объединяются словарные значения лексем *reel*, (*not*) *real* и смысл «замедленное произнесение», кодируемый при помощи приема парцелляции. Таким образом, в рассмотренном примере графологема *парцелляция* принимает участие в «упаковывании» сложного семантического содержания, а именно – визуально-аудиальный комплекс R-E-E-L-I-N-G / not R-E-A-L-I-N-G фокусирует ключевые смыслы в предложении.

Отметим универсальные параметры функционирования графологемы в художественном дискурсе. Как в первом, так и во втором примере графологема *парцелляция* характеризуется тем, что:

– создает аудиовизуальный образ произнесения слова по частям (по слогам, по морфемам, по звукам – т.е. имеет свойство

звукотрагическости и принимает участие в создании синестетического образа);

- при вербализации / кодировании художественного смысла ключевая информация «упаковывается» способом фокусировки;
- в синтаксической структуре текста имеет статус словоформы;
- восходит к когнитивной метафоре ДРОБЛЕНИЕ ФОРМЫ – ЗАМЕДЛЕНИЕ ПРОЦЕССА [Климик 2019, с. 97–112].

Вариативность функционирования графологемы *парцелляция* определяется степенью выраженности противопоставленных друг другу свойств графологемы и параметров ее функционирования в тексте / дискурсе.

Оппозиция *броскость – неброскость*: графологемы M-U-D / B-L-O-O-D / B-L-A-C-K комбинируются с броской графологемой *капитализация*. Броскость отвечает за создание визуального контраста между M-U-D и mud, B-L-O-O-D и blood, B-L-A-C-K и black. Визуальный контраст, в свою очередь, облегчает интерпретацию микротемы читателем – младшим школьником.

Графологемы концентрируют внимание на действиях девочки: сначала она медленно произносит слова (M-U-D / B-L-O-O-D / B-L-A-C-K), а затем их записывает (*mud, blood, black*).

R-E-E-L-I-N-G, not R-E-A-L-I-N-G также комбинируется с броским приемом, что «усиливает резкость» фокусировки на ключевых словах микротемы. В приведенном примере необходимость усиления броскости продиктована необходимостью сконцентрировать внимание на сложном и многозначном семантическом содержании – однако более типичным в текстах для взрослого читателя является употребление неброской графологемы *парцелляция* (без комбинирования с капитализацией) [Климик 2019, с. 312–313].

Оппозиция *эксплицитность – имплицитность* вербальной поддержки: в окружающем графологему контексте присутствуют три корневых повтора *spelling, speller, spells*, т. е. выражаемый графологемами смысл «медленное произнесение слова с целью уточнить способ написания» многократно дублируется в контексте микротемы. Такая особенность «встраивания» графологемы в окружающей контекст обеспечивает адресату (младшему школьнику) однозначность интерпретации описываемой ситуации и легкость «считывания» лингвокреативного кода.

Графологемы R-E-E-L-I-N-G, not R-E-A-L-I-N-G, как изложено выше, представляют собой сложные семантические образования. Смысл этих образований не получает эксплицитной поддержки в контексте, не дублируется в микротеме посредством прямой номинации (ср. с тремя корневыми повторами *spelling, speller, spells*). Иными словами, графологема способствует фокусировке имплицитруемого смысла.

Оппозиция *высокая востребованность – низкая востребованность*: по сравнению с другими типами графологем [Климик 2019, с. 122–153, 313–314] востребованность графологемы *парцелляция* не очень высокая. Однако в текстах для взрослых *парцелляция* востребована почти в 1,5 раза чаще, чем в текстах для детей. В перспективе было бы интересно выявить причины этой тенденции, а пока можно лишь предположить, что в текстах для взрослого читателя графологема *парцелляция* часто употребляется для выражения многозначных смыслов и создания более сложных образов (нежели просто произнесение слова по слогам), что повышает ее востребованность.

Основные выводы

В результате проведенного исследования показано, что приемы лингвокреативной орфографии употребляются писателями для того, чтобы ёмко и выразительно передать художественные смыслы. В частности, графологема *редупликация буквы* позволяет осуществить манипулирование признаком действия, звуковое сопровождение которого имеет существенное значение для раскрытия художественного смысла. Графологема *парцелляция* лингвокреативной орфографии позволяет автору текста осуществлять фокусировку ключевых звеньев информации, содержащейся в микротеме.

Важной особенностью описанных моделей является учет ими фактора адресата, т. е. особенностей целевой читательской аудитории. Как показано в разделе *Результаты и их обсуждение*, к наиболее частотным дифференцирующим признакам функционирования графологем в художественном дискурсе относятся: броскость / неброскость графологемы, удобочитаемость / неудобочитаемость, эксплицитность / имплицитность вербальной поддержки, степень востребованности графологемы (от высокой до низкой).

На примере функционирования графологем *редупликация буквы* и *парцелляция* в статье показано, что в художественных текстах для

детей более выраженными являются следующие вариативные признаки: броскость, удобочитаемость, усиленная вербальная поддержка смысла, кодируемого графологемой (эксплицитность). Для художественных текстов, адресованным взрослому читателю, напротив, более характерными являются неброские графологемы, более частотными являются неудобочитаемые графологемы, более типична имплицитность вербального контекста, в который «встроена» графологема.

Перечисленные тенденции определяются фактором адресата, в частности, психолого-познавательными возрастными особенностями и степенью развитости компетенций чтения.

Так, преобладание броских графологем в текстах, адресованных младшему школьнику, объясняется высокой потребностью детей в средствах наглядности в процессе познавательной деятельности чтения. Визуальная поддержка, которую приносят в чтение текста графологемы, позволяет читателю быстрее и легче воспринимать и интерпретировать художественные смыслы, особенно если речь идет об абстрактных понятиях и о понятиях, связанных с эмоциональной сферой жизни персонажей. Напротив, взрослому читателю броскость отдельных единиц текста не требуется в такой мере, как детям, поскольку во взрослом возрасте уровень читательской компетенции высок, что позволяет читающему легко ориентироваться в тексте произведения, расшифровывать имплицитные смыслы и даже прогнозировать ход сюжета.

Детское чтение делает обязательным условием удобочитаемости графологем, поскольку текст должен быть доступным для самостоятельного прочтения младшим школьником. Присутствие неудобочитаемых графологем (в умеренных количествах) в тексте для взрослого читателя делает чтение более непредсказуемым и интригующим, что напрямую связано с поддержанием интереса к произведению. Есть основания полагать, что неудобочитаемые графологемы особенно востребованы авторами, ориентирующимися на искушенного читателя, предъявляющему высокие требования к качеству художественной литературы.

Как уже отмечалось выше, для детских текстов характерно эксплицитное выражение смыслов графологемой, поэтому графологему окружает контекст, в котором семантическое содержание графологемы передается, полностью или частично, вербальными средствами. Это очень существенно, поскольку текст художественного произведения для младшего школьника должен достаточно ясно и однозначно передавать идейное содержание книги. В то же время опытный

взрослый читатель (принадлежащий к аудитории, предпочитающей крупную литературную форму) ценит художественную новизну в чтении, обилие скрытых смыслов и многослойность семантического содержания. Этот фактор обуславливает характерность имплицитной подачи смыслового содержания с участием графологемы.

Итак, творческие способы кодирования текста позволяют писателю упаковать информацию, т. е. донести авторский замысел, таким образом, чтобы добиться понимания читателя и пробудить в нем определенные переживания, обозначить направление интерпретации. Употребляя лингвокреативную орфографию, англоязычные авторы художественных произведений стремятся адаптировать текст под возможности и потребности читателя. Вариативность функционирования графологем в зависимости от фактора адресата, несомненно, требует дальнейшего изучения, поскольку, очевидно, является существенным прагматическим аспектом письменной литературной коммуникации, за которым стоят такие профессиональные характеристики писателя, как мастерское владение словом и четкое понимание психологического портрета своего читателя, адресата литературной художественной коммуникации.

В заключение вспомним замечание о тенденции к сокращению пунктуационных знаков внутри предложения (см. раздел Введение). Как представляется, востребованность лингвокреативных способов кодирования художественных текстов в действительности подтверждает значение пунктуации и орфографии как визуальных средств делимитации письменного текста. В зависимости от замысла автора художественного произведения, графологемы начинают выполнять функции, близкие функциям пунктуации. В то же время лингвокреативная орфография, по сравнению с канонической орфографией и пунктуацией, демонстрирует более выраженные свойства семантизации кода. Конечно, употребление лингвокреативной орфографии носит творческий и окказиональный характер, однако востребованность, структурные и функционально-семантические закономерности лингвокреативной орфографии позволяют считать ее значимым инструментом создания письменного художественного текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Климик В. А. Лингвокреативная орфография как репрезентация авторских смыслов в англоязычном художественном дискурсе: дис. ... канд. филол.

наук. М., 2019. [Klimik, V. A. (2019). *Lingvokreativnaya orfografiya kak reprezentatsiya avtorskikh smyslov v angloyazychnom khudozhestvennom diskurse (Linguocreative orthography as representation of the author's meaning in English artistic discourse)*: thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].

Салькова М. А., Мачина О. А. Современные тенденции в кодировании смыслов в письменных традиционных и медийных видах дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 27 (660), С. 45–60. [Salkova, M. A., Machina, O. A. (2012). Coding meanings in written discourse: punctuating narrative and media texts. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 27 (660). 45–60. (In Russ.)].

Симбирцева Н. А. Визуальное в современной культуре // Человек в мире культуры. 2012. 1. С. 31–34. [Simbirtseva, N. A. (2012). Visual in modern culture. *Chelovek v mire kul'tury. Publishing house of the Ural state Pedagogical University*, 1, 31–34. (In Russ.)].

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 02.05.2020).

Crystal, D. *The Cambridge Encyclopedia of the English language*. 1994.

УДК 811.11-112

А. С. Конькова, Е. В. Садовникова

Конькова А. С., старший преподаватель кафедры второго иностранного языка Института иностранных языков им. М. Тореза Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: malina-a@yandex.ru

Садовникова Е. В., старший преподаватель кафедры второго иностранного языка Института иностранных языков им. М. Тореза Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: sadovnikova.ev@gmail.com

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ФУНКЦИИ ТЕКСТА И СТРАТЕГИИ РЕАЛИЗАЦИИ АВТОРСКОГО ЗАМЫСЛА В НЕМ

Статья представляет собой исследование в русле стратегического подхода к анализу дискурса. Данный подход предполагает комплексный метод исследования текста как вербального компонента дискурса: анализ экстралингвистической ситуации, отбор релевантной информации в тексте, интерпретацию выбора автором языковых единиц разных уровней, определение степени воздействия на адресата. Исследование, проведенное на материале немецкоязычных научных статей из разных областей гуманитарного знания, расширяет представление о соотношении функции текста и реализуемой в нем авторской стратегии, а также раскрывает перспективу дальнейшей разработки проблемы типологии дискурсов.

Ключевые слова: стратегический подход; стратегия; дискурс; типология дискурсов; текст; функция текста.

A. S. Konkova, E. V. Sadovnikova

Konkova A. S., Senior Lecturer, Department of Second Foreign Language, M. Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University;
e-mail: malina-a@yandex.ru

Sadovnikova E. V., Senior Lecturer, Department of Second Foreign Language, M. Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University;
e-mail: sadovnikova.ev@gmail.com

THE PROBLEM OF RELATIONSHIP OF THE TEXT FUNCTION AND THE STRATEGY FOR IMPLEMENTING THE AUTHOR'S INTENT IN IT

The article deals with the strategic approach to discourse analysis. This approach involves a comprehensive method of studying texts as a verbal component of discourse and includes analyzing extra-linguistic factors, selecting relevant information in the text, the author's interpretation of the choice of language units at different levels,

determining the degree of influence on the addressee. The study is based on the material of German-language scientific articles from various fields of humanitarian knowledge, expands the idea of the correlation between the text function and the author's strategy implemented in it. As a result, the article reveals the prospect of further development of the discourse typology.

Key words: strategic approach; strategy; discourse; typology of discourses; text; text function.

Введение

В современной лингвистической науке наметилась устойчивая тенденция к рассмотрению дискурса через призму стратегического подхода. Исследование и анализ текста, являющегося вербальным компонентом дискурса и продуктом коммуникативной деятельности, в рамках стратегического подхода затрагивают проблемы реализации авторской интенции, выбора и закономерностей использования языковых средств в тексте ([Гусейнова 1999; Исаакиду 2003; Троицкая 2008; Дайнеко 2011; Болотова 2017] и др.). Интерес к рассмотрению языковых явлений с точки зрения стратегического подхода обуславливает необходимость дальнейшего исследования вопроса взаимосвязи функции текста и его структуры с реализуемой в нем стратегией автора и выделения новых параметров для классификации дискурсов. Данное положение определяет актуальность настоящей работы.

Ряд исследований посвящен вопросу взаимосвязи функции текста с его структурой [Чернышева, Салмина 2002; Леонтьев 2003; Алексеев 1991; Чудинов 2005; Аллен, Перро 1986; Дускаева 2004]. Исследователи приходят к выводу о том, что данная связь существует и она довольно тесная, поскольку функция текста и ситуативный контекст создают текстовую структуру, т. е. оформление текста с точки зрения грамматики и тематики являются определяющими. На связь функциональной направленности целостного текста – повествования, приказа, инструкции и т. д. – и закономерностей выбора категориальных характеристик текста, а именно выбора тех или иных языковых форм указывает А. В. Бондарко [Бондарко 2001]. Несмотря на очевидность связи между структурой текста, его функцией и выбираемой автором стратегией, данная область по-прежнему, остается малоисследованной.

Цель настоящей статьи – соотнести понятия «функция текста» и «стратегия», а также на практическом материале показать выполнение текстом своей функции с позиции реализуемой адресантом стратегии.

Данная цель определяет постановку и решение следующих задач. В начале работы уточняются ключевые понятия, используемые в статье, для создания теоретической опоры в практической части проведенного исследования – «дискурс», «текст», «стратегия», «тактика», «тактический ход», «стратегический замысел». Далее рассматривается классификация текстов в зависимости от их функционального назначения. Выделяются типы стратегий, реализуемых адресантом в тексте с учетом его функционального назначения. На материале немецкоязычных научных статей гуманитарного профиля анализируется соотношение функционального назначения текста с выбираемой автором стратегией воздействия. На примере нескольких тактик анализируется реализация аргументативной стратегии в немецкоязычной научной статье.

Понятия «дискурс», «текст», «стратегия», «стратегический замысел»

В своем исследовании, вслед за К. П. Корнердингом, мы исходим из того, что дискурс – это «межличностная коммуникация, охватывающая все формы социального взаимодействия институтов, индивидов и социальных групп» [Kornerding 2009]. В связи с этим при его рассмотрении мы предполагаем осуществление адресантом шагов, предусмотренных в процессе формирования коммуникативной деятельности, таких как планирование и наличие вербального продукта указанной деятельности – текста, который, наряду с другими параметрами дискурса («ситуацией общения» и «коммуникантами») является его обязательным компонентом.

Этап планирования в процессе создания коммуникантами текста включает в себя формирование основной интенции, под которой мы понимаем «потенциальное или виртуальное содержание высказывания» [Ахманова 2004], т. е. замысел и выбор стратегий и тактик для его осуществления. Таким образом, стратегия – это связующее звено между интенцией адресанта речевого сообщения и воздействием на адресата речи. Другими словами, стратегия – это «глобальная» задача речи, диктуемая практическими целями говорящего, его стратегическим замыслом. Находясь в подчинении ведущего стратегического замысла, говорящий (пишущий) осуществляет цепочку речевых действий – тактик и тактических ходов. Tактический ход представляет собой локальную реализацию конкретной цели адресанта, его тактики и включает целенаправленный выбор языковых средств.

Н. И. Формановская подчеркивает, что владение стратегиями и тактиками входит в прагматическую компетенцию коммуниканта: «чем более он компетентен в языке и речи, в применении постулатов и правил общения, тем многообразнее и гибче его стратегии и тактики и тем успешнее он добивается своих целей» [Формановская 1998, с. 72]. Применяемые коммуникантами стратегии общения не могут быть реализованы в отрыве от целевого назначения самого текста, вербального продукта коммуникации.

О взаимосвязи функции текста и стратегического замысла автора

Факт, что текст состоит из формы, содержания и коммуникативной направленности, является основополагающим принципом лингвистической прагматики, которая понимает функцию текста – иллюкцию текста – как использование высказывания для достижения определенной цели. Текстовые компоненты (слова или предложения) по отдельности не могут реализовать функцию текста. При определении функции текста необходимо учитывать целостный текст в его экстралингвистическом окружении, с учетом ситуации общения, взаимодействующих адресанта и адресата, их фоновых знаний, их отношения друг к другу и т. д.

Существует несколько классификаций текстов по принципу их функционирования (типологии по К. Бюлеру, Я. Мукаржовскому, К. Бринкеру и др.) Взяв за основу коммуникативно-функциональный аспект межличностных отношений, К. Бринкер выделяет следующие:

1. **Информирующие тексты**, к которым относят экспертное заключение, рецензию, письмо читателя и т. д., охватывают новостные текстовые сообщения, описания, т. е. передают определенную информацию.

2. **Тексты, выполняющие апеллятивную функцию**, побуждают коммуниканта принять определенную точку зрения по тому или иному вопросу и произвести определенное действие, т. е. влияют на поведение партнера по коммуникации.

3. **Тексты, призывающие к выполнению определенных обязательств** перед другой стороной.

4. **Тексты, имеющие контактоустанавливающий характер**: поздравительные открытки или письма соболезнования и т. п., в которых адресант может выражать участие (радость или сочувствие).

5. **Тексты, выполняющие декларативную функцию**, в которых адресант дает адресату понять, что (успешное) текстовое высказывание означает ввод определенного факта [Brinker 2010, с. 94–112].

Мы полагаем, что при рассмотрении взаимосвязи функции текста и стратегического замысла автора можно ориентироваться на классификацию К. Бринкера, так как текст – вербальный компонент дискурса, в котором замысел автора вербализуется определенным набором высказываний, порождаемых говорящим в рамках выбранной стратегии при помощи определенных речевых действий (коммуникативных тактик и ходов), выстраивая речевые высказывания в определенную структуру. Несмотря на то, что сам К. Бринкер не пользуется терминами «стратегия» и «тактика», его классификация дает основание говорить о том, что существует тесная связь между функцией текста и стратегическим замыслом адресанта.

Исходя из наличествующих описаний функций текстов, представляется возможным говорить о следующих стратегиях, используемых автором текста.

- **Информирующая стратегия** (или стратегия информирования) заключается в передаче достоверной информации. Заключая в себе сообщения или суждения, которыми адресант хочет поделиться с собеседником, информирующая стратегия может изменить образ мыслей и степень осведомленности собеседника и тем самым оказывает воздействие на него [Федорова 1991]. Стратегия информирования используется как ведущая преимущественно в информирующих типах текста (экспертное заключение, рецензия, письмо читателя и т. д.), но может быть выделена в качестве частной стратегии в других типах текстов.

- **Персуазивная стратегия** понимается как «способ воздействия адресанта на ментальную сферу реципиента (его мнения и оценки) с целью регулирования поведения реципиентов в интересах адресанта [Голоднов 2011]. Персуазивная стратегия представляет собой доминирующую функциональную характеристику аппелятивных текстов. Персуазивную цель автора, в свою очередь, можно разложить на частные цели. В научной литературе встречаются различные обозначения частных персуазивных стратегий (А. В. Голоднов; С. С. Борисова). Мы предлагаем выделять в рамках персуазивной стратегии аргументативную и полемическую.

Аргументативная стратегия предполагает, что адресант речи составляет план и подбирает средства воздействия на своего партнера

по коммуникации с целью убеждения, отстаивания своей позиции. Аргументативная стратегия включает рациональные и эмоционально-оценочные средства убеждения [Полуйкова 2010]. Аргументативная стратегия доминирует в политических текстах (например, политическое интервью, политические дебаты и т. д.), является ведущей стратегией в таком жанре научного дискурса, как научная статья.

Полемическая стратегия охватывает весь процесс утверждения определенной точки зрения независимо от того, соотносится она с другой позицией или нет [Троицкая 2008]. Т. Б. Троицкая говорит о реализации полемической стратегии в различных типах журналистских текстов (аналитические статьи, комментарии, письма читателей и т. д.).

Также нам представляется возможным, опираясь на контактоустанавливающую функцию определенных типов текстов, выделить **тактику кооперации**, которая может быть использована при реализации стратегий.

Названные стратегии предполагают разную степень воздействия на адресата. В наибольшей степени такое воздействие выражено в персуазивной стратегии, поскольку они реализуются в текстах с апеллятивной функцией, направленной на изменение и корректировку поведения партнера по коммуникации.

Связь структуры, функции текста и реализуемой в нем стратегии предлагается проанализировать на материале немецкоязычных научных статей гуманитарного профиля (лингвистика, германистика, лингводидактика, социология, педагогика и другие), характеризующихся «прозрачностью» структуры, наличием четкой аргументативной линии и обладающих, в отличие от естественно-научных статей, более широким набором тактик и тактических ходов за счет больших возможностей проявления в них автора как исследователя. Исходя из описания функций текста в классификации К. Бринкера, представляется возможным отнести текст научной статьи к апеллятивным типам текста.

В исследовании применяется комплексный метод, в который входят анализ экстралингвистической ситуации, отбор релевантной информации в тексте, интерпретация выбора автором языковых единиц разных уровней (лексического, грамматического уровня и т. д.), оценка степени воздействия на адресата.

Реализация аргументативной стратегии в тексте (на примере немецкоязычной научной статьи)

Научная статья – один из жанров письменного научного дискурса, для которого характерно наличие двух коммуникантов (автор статьи – адресант и читатель – адресат) и ситуация так называемого отложенного режима общения, в которой процесс взаимодействия автора и читателя происходит не в реальном времени, а в некотором временном отдалении. Цель автора или функциональное назначение текста научной статьи – не просто донести до читателя информацию о данных исследования, но и аргументированно убедить его в истинности полученных знаний. Коммуникативная установка адресанта определяет, с нашей точки зрения, ключевую роль аргументативной стратегии в научной статье.

Стратегический подход позволяет расширить понимание аргументации до аргументативной стратегии и включать в нее всю совокупность речевых действий адресанта (автора научной статьи), направленных на адресата (читателя научной статьи и в конечном итоге научного сообщества) с целью изменения и корректировки его представлений о мире. Речевые действия автора научной статьи реализуются, как и в случае используемых стратегий в других типах дискурса, через тактики и тактические ходы. От выбора эффективных тактик и тактических ходов зависит успех воздействия на читателя, а значит, и реализация автором аргументативного замысла и выполнения текстом научной статьи своей основной функции.

Необходимо подчеркнуть, что научная статья характеризуется институционально заданной суперструктурой [ван Дейк 2003]. Речь идет о глобальных компонентах текста научной статьи: введение как формулирование тезиса и постановка проблемы, основная часть как решение научной проблемы и его обоснование, заключение. Каждый компонент научной статьи является частью целого текста, подчиняется интенциям автора и выполняет аргументативную функцию, поскольку основывается на прагматической задаче аргументированно убедить читателя в написанном. Распределение тактик и тактических ходов по компонентам суперструктуры научной статьи зависит от «глобальной» и «локальных» интенций автора, а успешность их реализации – от выбора языковых средств.

Основные уровни языковой реализации тактик и тактических ходов аргументативной стратегии в научной статье – лексический и грамматический. Чтобы показать это, остановимся на примерах реализации трех тактик, применяемых автором в разных компонентах суперструктуры научной статьи: тактики «Мотивирование читателя к прочтению статьи», применяемой в структурном компоненте «Введение», тактики «Опора на существующую парадигму знаний», являющейся обязательной для «Основной части» научной статьи, и тактики «Оценивание результатов», используемой в «Заключении».

Тактика «Мотивирование читателя» является необходимым звеном в реализации аргументативного замысла во «Введении» научной статьи. В научном мире каждый год появляется огромное количество публикаций, и от того, насколько автору удастся побудить читателя к прочтению своей статьи, зависит, будет ли она воспринята серьезно и принята научным сообществом. Тактику «Мотивирование читателя» реализуют тактические ходы, которые оказывают особое эмоциональное воздействие на адресата речи: «Провокационный вопрос», «Апелляция к чувствам читателя» и др.

В качестве примера реализации тактического хода «Провокационный вопрос» берется начало статьи из научного журнала по дидактике высшего образования (*Zeitschrift für Hochschuldidaktik*): *Sollen Medizinstudierende am Ende ihres Studiums Grundlagen der Physiologie und Anatomie kennen, über Krankheitsbilder Bescheid wissen und mit deren Diagnose und Therapie vertraut sein oder sollen sie „Ärztinnen und Ärzte werden“ und lernen, als solche zu handeln und zu interagieren? Sollen Studierende im Geschichtsstudium Wissen über historische Entwicklung erwerben oder sollen sie lernen, als Historiker / innen Fragestellungen zu entwickeln, zu bearbeiten und fortzuschreiben?* [Wegner, Nückles 2013, с. 16]. Авторы статьи «провоцируют» коллегу-читателя к ее прочтению дискуссионными вопросами, ответы на которые предлагается искать в самой статье вместе.

Тактический ход «Апелляция к чувствам читателя» также основан на тесном взаимодействии двух коммуникантов научного дискурса – автора и читателя, и, как правило, имеет выраженную экспрессию, поскольку это обращение автора к чувству ответственности, которое он пытается вызвать у читателя. Экспрессивность может передаваться всей совокупностью языковых средств, используемых автором в конкретном тактическом ходе (лексическими, фразеологическими,

синтаксическими конструкциями). В своей статье автор убеждает читателя в том, что образование есть общественное благо, и в том, что система приобретения знаний должна быть справедливой. Свою статью автор начинает так: *Uns kann nicht gleichgültig sein, ob, in welchem Masse und in welcher Weise die anderen Mitglieder unserer Gesellschaft gebildet sind* [Giesinger 2011, с. 421].

Автор данной работы обращается к общим ценностям, вызывая у читателя чувства «единения», «солидаризации» в этом вопросе. «Солидаризацию» выражает, прежде всего, употребление местоимения первого лица множественного числа *uns* и соответствующего ему притяжательного местоимения *unserer* на фоне оппозиции «автор + читатель» и «другие члены общества» (*andere Mitglieder*). Экспрессию усиливает замещение начальной позиции в главном предложении местоимением, выделяющее конструкцию *uns kann nicht gleichgültig sein* и содержание придаточного дополнительного, т. е. то, что является для автора более значимым, а также повтор местоимения *in welcher Weise, in welchem Maße*.

Реализация аргументативной стратегии в основной части научной статьи иллюстрируется на примере тактики «Опора на существующую парадигму знаний». Данная тактика предполагает использование автором ссылок на известные имена или работы, дословных и смысловых цитат, которые выступают в качестве доказательной базы авторских изысканий. Первейшая функция данной тактики – аргументативная. Чем точнее автор сможет связать свой тезис с положениями научного интертекстуального пространства, тем более убедительным он окажется для читателя. Таким образом, «Ссылка на авторитетный источник» является одним из самых распространенных тактических ходов в тактике «Опора на существующую парадигму знаний». Особую значимость данный тактический ход приобретает именно в основной части статьи, связывая конкретный дискретный научный дискурс (статью) с другими в глобальный научный дискурс, обеспечивая связность и преемственность текстов, выступая в качестве аргумента для выдвинутого частного или общего тезиса.

Грамматическим «каркасом» для реализации «Ссылки на авторитетный источник» становятся глагольные категории залога и наклонения. Предпочтительными формами в тексте научной статьи являются активный залог, поскольку автор подчеркивает участие в его исследовании конкретных лиц и теорий, и индикатив, что

объясняется целями, которые преследует автор: представить читателю свое исследование убедительным, построенным на объективных данных и аргументах, соответствующих действительности. Использование конъюнктива косвенной речи в тактике «Опора на существующую парадигму знаний» встречается при реализации другого тактического хода – «Дистанцирование от мнения третьего лица».

В тактическом ходе «Дистанцирование от мнения третьего лица» автор ссылается на имя или научный труд другого исследователя. Но в отличие от тактического хода «Ссылка на авторитетный источник» опора на существующую теорию или имя имеет другую интенцию – посредством обращения к работам других исследователей высказать полностью противоположную точку зрения на проблему. Это наглядно видно в следующем примере: *Sieht man in die deutschsprachige Presse, so liest man manchmal mehrmals in der Woche davon, daß eigentlich die deutsche Wissenschaftssprache ein Relikt sei, ein Fossil, das zunehmend durch die gegenwärtig aktuelle Wissenschaftssprache zu ersetzen sei, nämlich die englische* [Ehlich 1999, с. 3].

Сигналом критического отношения автора к высказанной точке зрения являются как грамматические, так и лексические средства: конъюнктив косвенной речи, эмоционально окрашенная лексика или лексика с негативной окраской. Автор данной статьи, лингвист Конрад Элих, выступает за сохранение статуса немецкого языка в качестве языка науки. Используя конъюнктив косвенной речи и негативно окрашенную в данном контексте лексику (*Fossil, Relikt*), ученый имплицитно показывает, что дистанцируется от данного мнения, и высказывает, таким образом, свою оценку несогласия и критики.

Тактика «Оценивание результатов», используемая в «Заключении», проявляет себя в аргументативном плане эффективным средством воздействия на читателя. С одной стороны, в ней довольно сильно проявляется исследовательский статус автора; с другой, указывая на слабые стороны работы, автор снимает с себя некоторую часть ответственности за результат. Одним из необходимых ходов данной тактики является тактический ход «Критические замечания по отношению к собственному исследованию», который дает автору возможность «оправдаться» перед читателем за погрешности в проведенной исследовательской деятельности. Подобный тактический ход реализуется посредством указания автором областей знания, не охваченных

в его исследовании: *Mit der vorliegenden Untersuchung wurden nur Ausschnitte eines komplexen Gegenstandsbereiches thematisiert. So konzentriert sich die Untersuchung auf E-Learning-Übernehmer / innen. Nicht-Übernehmer / innen wurden nicht differenziert* [Fischer 2013, с. 93].

Эффект «оправдания» достигается использованием в тактическом ходе языковых средств, лишь имплицитно указывающих на самого автора: пассива (*nur Ausschnitte wurden thematisiert; Nicht-Übernehmer wurden nicht differenziert*) или формы третьего лица, обозначающей исследование или статью, в активной конструкции (*die Untersuchung konzentriert sich*).

Каждый компонент суперструктуры научной статьи содержит определенный набор тактик и тактических ходов, реализующих в своей совокупности аргументативный замысел автора научного текста.

Заключение

Результаты анализа научных статей дают возможность выделить аргументативную стратегию в качестве ведущей, позволяющей данному типу текста максимально эффективно выполнять свою аргументативную функцию. Распределение коммуникативных тактик и ходов по функциональным частям текста научной статьи способствует обеспечению его структурной связности и делает очевидным наличие тесной связи между функцией данного типа текста, его структурой и выбранной автором стратегией. Понимание стратегии как одного из параметров, определяющего структуру текста и его функциональное назначение, позволяет также проанализировать и интерпретировать выбор языковых средств, поскольку каждое высказывание должно внести максимальный вклад в реализацию стратегического замысла автора.

Анализ научной статьи с точки зрения соотношения функционального назначения данного типа текста и стратегии реализации авторского замысла в нем является попыткой раскрытия данной взаимосвязи и в перспективе дает возможность описания других дискурсов с учетом еще одного параметра, основанного на выделении стратегии с опорой на функцию текста. Данное положение открывает новый вектор исследований в области типологий дискурсов и ставит вопрос о соотношении типа дискурса и реализуемой в нем стратегии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. [Ahmanova, O. S. (1969). Slovar' lingvisticheskikh terminov (*Dictionary of linguistic terms*). Moscow: Sovetskaya enciklopediya. (In Russ.)].
- Бондарко А. В. [и др.] Лингвистика текста в системе функциональной грамматики. М., 2001. [Bondarko, A. V. et al. (2001). Lingvistika teksta v sisteme funkcional'noj grammatiki (*Linguistics of text in the system of functional grammar*). Moscow. (In Russ.)].
- Борисова С. С. Персуазивные стратегии в аналитических жанрах медиатекста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2016. [Borisova, S. S. (2016). Persuazivnye strategii v analiticheskikh zhanrah mediateksta (*Persuasive strategies in analytical genres of media text*): abstract of PhD thesis in Philology. Voronezh (In Russ.)].
- Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им.И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. [Dejk van, T. A. (2000). Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya (*Tongue. Cognition. Communication*). Blagoveshchensk: BGK im. I. A. Boduena de Kurtene. (In Russ.)].
- Голоднов А. В. Риторический метадискурс: основания прагмалингвистического моделирования и социокультурной реализации. СПб.: Астерион, 2011. [Golodnov, A. V. (2011). Ritoricheskij metadiskurs: osnovaniya pragmalingvisticheskogo modelirovaniya i sociokul'turnoj realizacii (*Rhetorical Metadiscourse: Foundations of Pragmalinguistic Modeling and Sociocultural Realization*). SPb: Asterion. (In Russ.)].
- Полуйкова С. Ю. Персуазивные стратегии в современном просветительском дискурсе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 4 (10). С. 63–67. [Polujkova, S. Yu. (2010). Persuasive strategics of the modern enlightening discourse. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 4(10), 63–67. (In Russ.)].
- Троицкая Т. Б. Средства реализации полемической стратегии в немецкоязычном публицистическом дискурсе: дис. ... канд. наук. М., 2008. [Troickaia, T. B. (2008). Sredstva realizacii polemicheskoi strategii v nemeckoyazychnom publicisticheskom diskurse (*Means of implementing a polemical strategy in German-language publicistic discourse*): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Федорова Л. Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 46–50. [Fedorova, L. L. (1991). Typology of speech influence and its place in the structure of the intercourse. *Voprosy yazykoznaniiya*, 6, 46–50. (In Russ.)].
- Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1998. [Formanovskaya, N. I.

- (1998). Kommunikativno-pragmatische aspekty edinic obshcheniya (*Communicative-pragmatic aspects of communication units*). Moscow: In-t rus. yaz. im. A. S. Pushkina. (In Russ.).
- Brinker, K.* Linguistische Textanalyse: eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin: Erich Schmidt, 2010.
- Ehlich, K.* Alltägliche Wissenschaftssprache // INFO DaF26. 1999. S. 3–24.
- Fischer, H.* Analyse des Adoptionsverhaltens von Hochschullehrenden beim E-Learning // Zeitschrift für Hochschulentwicklung. 2013. Jg. 8. Nr. 3. S. 82–94.
- Giesinger, J.* Bildung als öffentliches Gut und das Problem der Gerechtigkeit // Zeitschrift für Pädagogik. 2011. Vol. 3 (57). S. 421–437.
- Kornerding, K. P.* Diskurslinguistik – eine neue linguistische Teildisziplin // Sprache. Heidelberger Jahrbücher. Bd. 53. Berlin; Heidelberg : Springer-Verlag, 2009.
- Wegner, E.* Kompetenzerwerb oder Enkulturation? Lehrende und ihre Metaphern des Lernens // Zeitschrift für Hochschulentwicklung. 2013. Jg. 8. Nr. 1. S. 15–29. DOI: 10.3217/zfhe-8-01/04 (дата обращения: 20.05.2020).

УДК 81.2

И. С. Лебедева

кандидат филологических наук;
доцент кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: Lebedeva_Irina_68@yahoo.com

ИНСТРУМЕНТЫ ПЕРСУАЗИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В статье рассматриваются инструменты воздействия, используемые для усиления персуазивности текстов. Персуазивное воздействие представляет собой процесс, при котором коммуниканты посредством организованных определенных образом сообщений оказывают воздействие на других людей с целью изменения их установок и пост-коммуникативного поведения в отношении предмета убеждения, при этом не лишая их свободы выбора. Цель данной статьи – повышение осведомленности обучающихся о способах повышения эффективности персуазивного воздействия.

Ключевые слова: логос; этос; пафос; когнитивный диссонанс; мотивация; апелляция к нуждам; триплет.

I. S. Lebedeva

PhD (Philology), Assistant Professor, Department of Grammar and History of English, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: Lebedeva_Irina_68@yahoo.com

STRATEGIES OF PERSUASION

The article discusses some common strategies used by authors to enhance the persuasive effect of their texts. Over the past few decades the volume of persuasive communication has grown considerably, it has penetrated the framework of society and has become highly institutionalized. Persuasion is defined as a process of convincing the audience to change their attitudes or behavior concerning an issue in an atmosphere of free choice. The aim of this article is to raise students' awareness of strategies used to enhance persuasive communication.

Key words: logos; ethos; pathos; cognitive dissonance; motivation; appeal to needs; tripling.

Introduction

R. Perloff defines persuasion as “a symbolic process in which communicators try to convince other people to change their attitudes or behavior regarding an issue through the transmission of a message, in an atmosphere of free choice. A key aspect of persuasion is self-persuasion.

Communicators do not change people's minds; people decide to alter their own attitudes or to resist persuasion" [Perloff 2003, p. 34]. Amongst the features of today's persuasive communication R. Perloff emphasizes its highly institutionalized character. Persuasive communication is found in advertising and marketing, it is on the Internet and is key to success in business negotiating. It is not superfluous; it underlies most of the processes taking place in society and brings about change. Nowadays persuasive communication is becoming subtler, more devious and complex. To be successful, communicators need to understand the rules of persuasive communication and employ strategies which allow to effectively put the message through to the audience.

Discussion

Most people aren't easily swayed to change their minds about something. Persuasion is not easy because the necessity to change attitudes often makes people feel as if they have been ill-informed, which also means they have done something wrong. The most commonly cited persuasive strategies that can effectively influence the audience's attitudes, beliefs, and values are *logos*, *ethos*, *pathos* (Aristotle's three forms of rhetorical proof [Aristotle 1926]), positive motivation, negative motivation, cognitive dissonance and appeal to needs (safety needs, social needs and self-esteem needs).

Logos refers to logical reasoning and argumentative speech. Speakers employ *logos* by presenting carefully chosen credible information, verifiable and unbiased supporting materials, by verbally citing reliable sources of information. According to J. B. Stiff and P. A. Mongeau, messages are more persuasive when arguments are made explicit [Stiff & Mongeau 2003]. M. D. Cooper and W. L. Nothstine [Cooper & Nothstine 1996] also discuss the crucial role of counterarguments which can be brought in and refuted. Effective persuasive messages present two sides of an argument, then refute the opposing side by giving counterarguments. The overall purpose of these efforts is to clearly show the audience why one position is superior to the other. Here is an example obtained from Mary Fisher's Republican National Convention Address delivered 19 August 1992, Houston, TX:

The reality of AIDS is brutally clear. Two hundred thousand Americans are dead or dying. A million more are infected. Worldwide, forty million, sixty million, or a hundred million infections will be counted in the coming

few years. But despite science and research, White House meetings, and congressional hearings, despite good intentions and bold initiatives, campaign slogans, and hopeful promises¹, it is – despite it all – the epidemic which is winning tonight (<https://www.americanrhetoric.com/speeches/maryfisher1992rnc.html>).

Ethos pertains to the speaker’s “positive-face” [Brown & Levinson 2014] and credibility which includes three dimensions: competence, trustworthiness, and dynamism [Stiff & Mongeau 2003, p. 105]. *Competence* refers to the perception of the speaker’s expertise in relation to the topic discussed (competent speakers must be knowledgeable of the topic of their speech and be able to deliver the contents in a most effective way possible. Here is Aveda’s story description:

Aveda: Our relationship with Ayurveda began in 1976, thanks to two renowned Ayurvedic physicians and scholars, Drs. Vinod and Kusum Upadhyay. Globally sought for their expertise in Ayurvedic medicine, pharmacology, botanical research and aromatherapy, they brought 1,000s of years of Vedic and Ayurvedic tradition to bear on Aveda’s work. Their guidance first helped us identify botanical actives for our products, allowed us to pioneer “functional aromas” (with our chakra™ balancing aroma blends), and helped us launch innovative, powerful naturally derived formulas such as invati™ solutions for thinning hair (<https://www.aveda.com>).

Trustworthiness pertains to the audience members’ perceptions of the speaker as a person presenting credible information in a non-manipulative way. Trustworthy speakers are considerate to the audience, they present information in a balanced way, do not coerce and follow the general principles of ethics. The two aspects of *dynamism* are charisma and energy. Although charisma is difficult to be intentionally developed, the other aspect is something everyone can master. The contents should be communicated with a lot of enthusiasm. The following company missions serve as classic examples of enhancing the company’s positive image.

Aveda: OUR MISSION AT AVEDA IS TO CARE FOR THE WORLD WE LIVE IN, FROM THE PRODUCTS WE MAKE TO THE WAYS IN WHICH WE GIVE BACK TO SOCIETY. AT AVEDA, WE STRIVE TO SET AN EXAMPLE FOR ENVIRONMENTAL LEADERSHIP AND RESPONSIBILITY, NOT JUST IN THE WORLD OF BEAUTY, BUT AROUND THE WORLD (<https://www.aveda.com>).

¹ These are cases of *tripling*, a powerful tool to enhance persuasion.

Pathos refers to the emotional appeal. Stirring emotions can get the audience involved, and involvement creates more opportunities for persuasion. The emotional response of a stay-at-home mother to an article describing the problems of stay-at-home mothers is higher than that of a business lady. For this reason, presentation of the propositional content often contains items aimed at developing the emotional appeal in the audience. Advertisers take advantage of people's emotions to get them to buy products they might not look at, if they were given the chance to see the faulty logic of the message. However, appeals to emotions are effective only if the audience are prompted to take immediate action. Emotions lose their persuasive effect more quickly than other types of persuasive appeals [Stiff & Mongeau 2003, p. 146].

Cognitive dissonance is the mental discomfort experienced by the audience when received information comes into clash with their currently held attitudes, beliefs, and values. Perception of the cognitive dissonance as a persuasive tool is predicated upon the following assumptions: (1) people seek consistency in their thinking; (2) when inconsistency exists, people experience psychological discomfort; and (3) this discomfort motivates people to address the inconsistency to restore balance [Stiff & Mongeau 2003, p. 80]. There exist strategies to resolve cognitive dissonance, they include discrediting the speaker or source of information, viewing yourself as an exception, seeking selective information that supports your originally held belief, or intentionally avoiding or ignoring sources of cognitive dissonance [Cooper & Nothstine 1996, p. 72]. None of these actually result in modification of thinking, which means persuasive goals are not met.

Increasing the audience's *motivation* is key to the process of persuasion. Every speaker should be aware of the importance of motivating the audience to listen to the message by making the content relevant and showing how it relates to their lives. Persuasive texts usually follow organizational patterns based on theories of motivation, for example Monroe's Motivated Sequence [Monroe 1951]. Positive and negative motivation are persuasive strategies used by many people, especially parents, teachers and public speakers. Reward can be used for increasing positive motivation, and threat of punishment – for negative motivation. To increase positive motivation speakers should either explicitly or implicitly convey to the audience that listening to their message and following their advice will be beneficial and lead to positive results. Conversely, negative motivation is built through

stating that failure to follow the speaker's advice will result in negative consequences.

Appeal to needs is a strategy which underlies the process of persuasion. According to Maslow's (1943) hierarchy of needs [Maslow 1943], there are several layers of needs pursued by human beings in communication. They include biological and physiological, safety, social (belongingness and love), self-esteem, and self-actualization needs. These needs are fundamental to human survival and happiness for this reason appeal to them sounds persuasive to any human being.

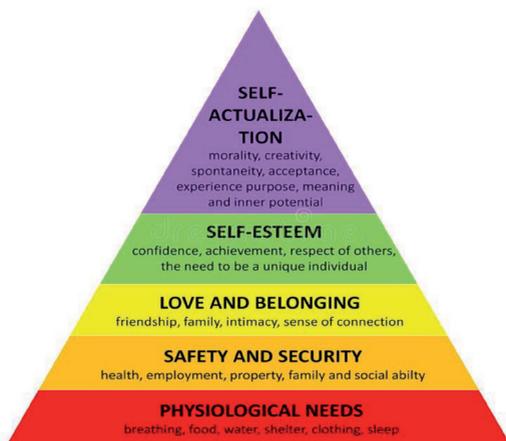

Figure 1. Maslow's (1943) Hierarchy of Needs

Physiological needs lie in the base of Maslow's (1943) hierarchy. The closer the needs are to the base, the more important they are for human survival. Speakers rarely appeal to biological and physiological needs in the process of persuasion. After all, a person who doesn't have food, air, or water is unlikely to engage in persuasion, moreover, it wouldn't be ethical to either deny or promise these things to someone for persuasive gain. At the top of the scheme lie *self-actualization needs* which refer to people's sense of achievement and realization of "self". These needs are individual, protected from outsiders and are unlikely to be pursued for the purpose of persuasion. Appeals to safety, social, and self-esteem needs prove to be most successful in the process of persuasion.

Safety needs are satisfied when human beings work to preserve their safety and the safety of their nearest and dearest. Appeals to safety needs

as strategies of persuasion are often combined with positive or negative motivation, which increases the persuasive effect of the message, for example appeal to safety can be paired with positive motivation to put through to the audience that following the speaker's message will result in increased safety and security. If safety needs are paired with negative motivation, the speaker conveys to the audience that their safety and security will be put at risk if the message is not followed.

Figure 2. Anti-vaccine billboard advertising Vaccine Choice Canada

This anti-vaccine billboard advertising Vaccine Choice Canada appeared near 142 Street and 167 Avenue during October 2019. The ad depicted a young woman holding a child in her arms along with text reading “The science is NOT settled” (<https://edmonton.ctvnews.ca/anti-vaccine-billboard-played-upon-the-fear-of-parents-violated-ad-accuracy-rules-1.4797226>). An investigation began after the billboard was the subject of several complaints. The council ruled the ad broke three clauses of the Canadian Code of Advertising Standards and was unanimous in finding the ad violated the code's rules against misleading consumers through fear as the ad played upon the fear of parents in making the wrong choice for their child in the context of ‘unsettled’ science.

In literature on persuasion this strategy is often called *appeal to fear* [Tannenbaum 2015]. M. B. Tannenbaum et al. (2015) in the study of multiple dimensions of fear appeals proved that they were successful at influencing attitudes, intentions and behaviors across nearly all conditions that were analyzed in the article; fear appeals were particularly effective when the communication depicted relatively high amounts of fear, included

an efficacy message, stressed severity and susceptibility, recommended one-time only behaviors, and targeted audiences that include a large percentage of female message recipients [Tannenbaum 2015, p. 1198]. As a persuasive strategy appeal to fear is common in marketing and advertising. B. A. Huhmann and T. P. Brotherton (1997) have conducted a content analysis of popular magazine advertisements. They found that of 2,769 magazine ads examined, 131 contained fear appeals (4.8 %). The only worrying dimension of appeal to fear as a persuasive strategy is ethical.

Social needs are met through building and maintaining interpersonal and in-group relationships. People tend to become part of interest groups, social groups or political parties, which is an essential component of the process of self-identification, even if they could regret the in-group membership later. Advertisers often rely on appeal to people's social needs, for example:

Social appeals can also be combined with positive and negative motivation. Combinations of appeal to social needs with positive motivation are found in messages that promise the recipient "in-group" membership, for example:

Get even closer to your audience

Poll your viewers, share pictures, and more with new Community posts.

TRY IT NOW

Figure 3. E-mail on YouTube

This email sent by YouTube (<https://www.tidio.com/blog/advertising-appeals/>) depicts a group of creative people. It targets photographers, artists, signers and all others who share their works online via their YouTube channel. This advertisement appeals to people who build their identity around their social roles as artists and performers.

Combinations of appeal to social needs with negative motivation can be seen in messages that rely heavily on people's insecurities linked to being out of the group.

The need to be praised by others ("positive-face wants") [Brown & Levinson 2014] is prime with most individuals. People want to think well of themselves and get others to think well of them, which forms the basis for *self-esteem needs*. To enhance the degree of persuasion combinations of appeal to self-esteem needs and positive motivation are found in messages that promise an increase in respect and status. Social advertising on television persuades the audience to donate money by highlighting their potential contribution to society, for example:

Aveda: Aveda salons are independent small businesses. Please consider supporting them during this difficult time. SUPPORT A SMALL BUSINESS SALON IN YOUR COMMUNITY (<https://www.aveda.com>).

Health and beauty advertisements persuade consumers to buy their products by promising increased attractiveness, for example:

Aveda: Everything you need for the ultimate red-carpet look. Even if you're just chilling on the couch (<https://www.aveda.com>).

Aveda: Beauty and wellness resolutions to make this new year that you will actually keep (<https://www.aveda.com>).

Unfortunately, some sources of persuasive messages are more concerned with their own financial gain rather than the well-being of their clients and take advantage of people's insecurities linked to the satisfaction of self-esteem needs.

Conclusion

Persuading is difficult due to several reasons, the most salient of which involves changing people's attitudes which could have been shared by them for years. There has been much research into strategies of effective persuasive communication striving to find a secret to persuasion. This research has produced a great diversity of findings, however the question How to persuade? remains open. Further research should focus on the cognitive aspect of persuasion and its ethical component.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Aristotle. *The Art of Rhetoric* / Aristotle Volume XXII // Loeb Classical Library 193. Harvard University Press, 1926.
- Brown, P. and Levinson, S. *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge University Press, 2014.
- Cooper, M. D., Nothstine, W. L. *Power Persuasion: Moving an Ancient Art into the Media Age*. Greenwood, IN: Educational Video Group, 1996.
- Huhmann, B. A, Brotherton, T. P. A Content Analysis of Guilt Appeals in Popular Magazine Advertisements. *Journal of Advertising*. Vol. 26 (2). 1997. P. 35–45.
- Maslow, A. H. *A Theory of Human Motivation*. *Psychological Review*. 1943. Vol. 50. P. 370–396.
- Monroe, A. H. *Monroe's principles of speech*. Scott, Foreman and Company, 1951.
- Perloff, R. *The dynamics of persuasion: communication and attitudes in the 21st century*. 6th ed. Mahwah ; New Jersey ; London: Lawrence Erlbaum Associated, 2017.
- Stiff, J. B., Mongeau, P. A. *Persuasive communication*. 2nd ed. New York: Guilford Press, 2003.
- Tannenbaum, M. B. et al. *Appealing to fear: A meta-analysis of fear appeal effectiveness and theories* // *Psychological bulletin* (American Psychological Association). 2015. Vol. 141. No. 6. P. 1178–1204.

УДК 81.367

Ю. Б. Маркова

кандидат филологических наук;

доцент кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета;

e-mail: julia@themarkovgroup.com

ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ ПРОСОДИКИ И ВОКАЛИЗМА ПО СРАВНЕНИЮ С ИНДОЕВРОПЕЙСКИМИ

Статья представляет собой сравнительный анализ просодических и вокалических характеристик общегерманского состояния языка древних германцев в сравнении с теми же важными чертами общего индоевропейского праязыка. В работе используется метод исторических реконструкций, а также индуктивный и сравнительный методы. В протогерманском гипотетически могли одновременно существовать как тональное ударение, так и экспрессивное, кульминативное, консолидировавшее фразу силовое ударение, приходившееся на первый корнеслог.

Ключевые слова: слог; тон; силовое ударение; германские языки; просодия; вокализм.

Y. B. Markova

PhD, Associate Professor, Department of Grammar and History of English, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University;

julia@themarkovgroup.com

SPECIFIC FEATURES OF GERMANIC PROSODY AND VOCALISM CONTRASTED WITH INDOEUROPEAN

The article presents a contrastive analysis of prosodic and vocalic characteristics of Common Germanic and those important features of ProtoIndoEuropean. Methods of historic reconstructions and induction are used in the study. In ProtoGermanic there might have existed simultaneously both the tonic and the dynamic stress, the latter having played an expressive, culminating, consolidating role in the first root-syllable.

Key words: syllable; tone; dynamic stress; Germanic languages; prosody; vocalism.

Введение

Вопросы, связанные со строением слога, являются частью древней научной традиции, восходящей к эпохе греческой классики. Проблемы квантитативной ритмики представляют серьезный теоретический интерес и для современной индоевропеистики. По мере развития германистики накапливаются все новые и новые знания о состоянии

германских языков к началу нашей эры, такие как фонетические характеристики общегерманского. В тени исследований до сих пор оставалась его просодика в сравнении с праиндоевропейским состоянием. Настоящая статья преследует своей целью провести сравнительный анализ просодических и вокалических характеристик обоих реконструируемых языков в свете новых появившихся данных.

Индоевропейский праязык имел около 6 с половиной тыс. л. н. (нижняя граница его гипотетического существования, близкая уже к его распаду) два важных дифференциальных признака: высоту или силу тона доминантной морфемы и ларингализацию / фарингализацию / придыхательный толчок. Наблюдалась функциональная близость единиц, обозначаемых терминами «слог» и «морфема». Позиция ударения определялась в терминах морфем, а реализовывалась в терминах слогов. Ударная морфема акцентной системы праязыка просодически реализовывалась повышением слогового тона силлабоморфемы и выступала кульминацией слова. Как выразился главный теоретик силлабоморфизма нашей страны, тон и ударение – части базовой единицы языка: «...тон есть просодическая характеристика слога, а ударение – слова» [Касевич 1983, с. 164]. Это была сильная, доминантная морфема. Праязык был, возможно, языком, близким слоговому / силлабоморфемному строю, в котором одна морфема / силлабоморфема соответствовала одному слогу / вокалической море, представлявших собой парадигматическую единицу, минимальную единицу плана выражения, минимальную ритмическую единицу речи, единицу долготы гласного. Слоги, заканчивавшиеся на смычный согласный, были нечленимы и не имели тонального контура, а те, которые заканчивались на гласный или сонорный, были двусоставными и несли тон (выступали как две тононесущие единицы). «...В определенный период существования праязыка действовал некий фундаментальный принцип соответствия морфемы слогу или, что то же самое, в определенную эпоху индоевропейский праязык был языком слогоморфемного (слогового) строя» [Белов 2015, с. 346]. «Слоговые языки, как правило, принадлежат к числу тональных» [Касевич 1983, с. 119].

На современной карте мира языки силлабоморфемного строя представлены на Дальнем Востоке: китайский, бирманский, вьетнамский, лаосский. В них граница морфемы всегда совпадает с границей слога. «В языках слогового строя нет фонем, есть только

функционально значимые части слога» [Белов 2015, с. 348]. А. М. Белов предлагает их именовать вокалическим морами [там же, с. 354].

По-прежнему остается открытым вопрос: имел ли праязык исконно тоны или нет. Если принять первую точку зрения, то существование праиндоевропейских тонов связано с характером консонантизма индоевропейских корней, а если принять вторую точку зрения, то возникновение тонов можно объяснить субстратным влиянием при смешении индоевропейских племен с неиндоевропейскими носителями диалектов субстрата.

Тоны и силовое ударение

Исконный индоевропейский аблаут, представлявший собой чередование *e – o – ноль*, отражал древний индоевропейский моновокализм / силлабоморфизм: исконное и единственное чередование *e / o*. С этим утверждением полемизирует В. Б. Касевич, утверждая, что моновокалическая система невозможна, поскольку отсутствие фонологического противопоставления между гласными ведет к отсутствию противопоставления гласных согласным и отсутствию фонем как таковых [Касевич 1983, с. 140–142]. Соответственно все аргументы в пользу одного гласного праязыка ведут к признанию силлабоморфизма. Напомним, что чередование полной, продленной и нулевой ступени аблаута в праязыке изначально могло быть обусловлено чередованием подвижного среднего, редуцированного ударения / некульминативного тона, сильного ударения / кульминативного тона и отсутствующего ударения в околоударных слогах. Типы ударения различаются, таким образом, степенью «централизации» акцентного пика в слоге: сильноцентрализованный акцент воспринимается как силовой, слабоцентрализованный звучит как значимый тональный переход [Schmitt 1924]. Таким образом немецкий акцентолог Альфред Шмитт заложил основы для качественного противопоставления не только ударений, но и ударных слогов. Получается, что слог праязыка не всегда должен был иметь контурный тон, но должен был иметь независимые от ударения моры, их обслуживавшие. Повышение или понижение тона использовались как при словоизменении, так и при словообразовании.

Помимо тонов существовало еще и силовое фразовое ударение на первом корнеслоге, непосредственно воздействовавшее и на слог, и на морфему. Ударение изначально не консолидировало слово (которого

не было, а были группы морфем / силлабоморффов), выполняя фразовую роль, создавая трохеический ритм и выделяя весь слог целиком. Поскольку ударение было подвижным, оно могло стоять и в других местах, следуя естественному ритму языка и принципам актуального членения. По мере разрушения слогового строя / слогоморфизма силовому фразовому ударению выпала роль главного консолидатора, ритмического центра зарождающегося слова: акцентной кульминацией слова становился первый слева силлабоморф высокого тона, который получал «новое» ударение, или в группе силлабоморффов низкого тона первому из них принудительно присваивалось фразовое ударение из рематических / логических / акцентных / семантико-прагматических и ритмических соображений. Доминантность трактовалась как способность силлабоморфа притягивать к себе фразовое ударение для создания фокуса выделения части слова. Первым разграничил «силовое» и «музыкальное» ударение с точки зрения единицы его локализации знаменитый представитель Пражского лингвистического кружка Р. О. Якобсон. Ударение, занимающее слог целиком, он отождествлял с динамическим, силовым ударением (например, в русском слогосчитающем языке), а занимающее мору – с тональным / музыкальным ударением (в моросчитающем языке, например, в древнегреческом или дитовском).

Наложение фразового ударения на вокалические моры силлабоморффов проходило в разных диалектах / ареалах праязыка неодинаково. Первая стратегия их взаимодействия (восточный ареал) предполагала полное подавление фразовым ударением морных отношений и древних тонов (санскрит, древнеиранские языки, древнерусский), при этом фразовое ударение теряло в силе и приобретало компенсаторно в тоне. Динамизм индоевропейского ударения постепенно ослабевал [Гамкрелидзе, Иванов 1984, с. 194].

При осуществлении второй стратегии (западный ареал) побеждали тоны как в начальном слоге (северо-запад: балтийские, германские языки), так и в долгих слогах близких к исходу слова (юго-запад: древнегреческий). Так, в древнегреческом различие в типах греческого ударения увязывалось с морой внутри ударного гласного: левая мора в ударной позиции в долгом гласном давала циркумфлекс, а правая – акут [Meillet 1916]. Сами тональные контуры продолжали древние вокалические моры праязыка, но характер новых кульминативных тональных противопоставлений стал другим. В германских

языках, вероятно, наблюдалась поздняя консолидация слова, поэтому в них до сих пор отсутствуют явные границы между словом и словосочетанием, т. е. отдельные черты силлабоморфемного строя германские языки проявляют и сейчас. В германистике по-прежнему не разрешен спор, можно ли трактовать ударение в шведском и норвежском как музыкальное, как тональную реализацию исконно фразовых акцентов, ютландский / западно-ютский «толчок», «толчок» в немецком (Knocklaut) и датском как тональный реликт, рефлекс вокалической моры. В датском языке появление гортанной смычки разрывает долгий монофтонг и позволяет приравнять его к сочетанию гласный + сонант. Данное явление постулируется другим великим представителем вышеупомянутого Пражского лингвистического кружка Н. С. Трубецким как случай геминации для моросчитающих языков [Трубецкой 2000, с. 200]. В шведском высотой тона и разным типом ударения различаются похожие слова: *tomt* – «участок, надел земли» и *tomte* – «гном». Прагерманский этнос в своей индоевропейской части, вероятно, вступил в соседство, ассимилировал и «впитал» в себя некий неиндоевропейский субстрат (культура Эртебелле), который впоследствии почти целиком перешел на один из индоевропейских диалектов. Лучшая сохранность доисторических тональных явлений в этих языках связана с влиянием со стороны диалекта субстрата.

Можно сделать следующий предварительный, гипотетический вывод: в тональном праязыке параллельно с тонами могло существовать в качестве выразительного средства экспираторное (силовое) ударение, объединявшее несколько силлабоморфем в одно слово, то есть выступавшее фразовой кульминацией / консолидацией, и прояснявшего тон слога, на который оно падало. Тоны безударных слогов могли быть неотчетливы. Также можно предположить, что праязык был моросчитающий. Лингвисты приходят к пониманию того, что языки мира различаются структурой слога, типом просодема языка: в одних минимальной ритмической единицей является слог (как это наблюдается в русском, английском, немецком, романских языках), в других подобной фонологически значимой единицей порой меньше слога выступает мора. Н. С. Трубецкой предложил называть первые слогосчитающими, а вторые – моросчитающими [Трубецкой 2000, с. 211]. Косвенно на вероятное существование мор указывает феномен компенсаторного удлинения, присущий самым разным индоевропейским языкам.

Например, сильный йот-презентный глагол пятого класса «сидеть» утратил сонорный / полугласный в середине слова, и в результате по компенсации удлинился согласный корня при условии, что корневой гласный был кратким: **sitjan* – *sittan*. Подобные явления отмечены у германских слабых глаголов первого и третьего класса: **taljan* – *tellan*; **fuljan* – *fyllan*; **havjan* – **havvan* – *habban* (в последнем примере удлинение сопровождалось отвердением согласного). Также удлинение гласного по компенсации отмечено в древнеанглийском при выпадении носового (*m*, *n*) перед щелевым согласным и при выпадении *h* в интервокальной позиции. В среднеанглийском вокализация согласных [j, x'] приводила к удлинению предыдущего краткогласного по компенсации в словах типа: *night*, *light*, *tile*. Соответственно все языки, использующие геминацию такого рода и имеющие «арифметическое понимание количества», Н. С. Трубецкой называет моросчитающими языками, а те, где такового нет, слогосчитающими [Трубецкой 2000, с. 205–206]. Основные функции мор были тональная и ритмическая.

Столкновение ларингальной и «антиларингальной» теорий

Рассмотрим второй важнейший дифференциальный признак праязыка, упомянутый в начале статьи – ларингализацию. Число ларингалов равнялось числу гласных праязыка, существовавших независимо от них. Наличие признаков ларингализации или толчка в праязыке также сильно правдоподобно, и они скорее всего также имели просодическое происхождение. Древнейшие исчезнувшие ларингалы были способны изменять тембр соседнего гласного, а их выпадение в закрытом слоге могло вызывать удлинение предшествующего гласного через компенсаторное удлинение / монофтонгизацию, если их рассматривать как второй компонент дифтонга. Последнее самой своей природой предполагает объяснение в терминах моры. Наряду с ларингальными долготами в праязыке были распространены и неларингальные, т. е. долгие гласные были всегда.

Schwa indogermanicum в третьей и четвертой формах сильных глаголов третьего класса в германских языках (например, *fundon* – *funden*; *hulpon* – *holpen*) представляет интерес в этой связи. Существует точка зрения, что редуцированный гласный выступает в этих формах как позиционный вариант согласного-ларингала, имевшего свойства сонанта. Оказавшись между согласными, ларингал приобрел

свойства слогообразующего сонанта *f-n-d*, развивая эпинтетический / вставной гласный. «Антиларингальный» взгляд на этот звук принадлежит академику Ф. Ф. Фортунатову, который называл этот редуцированный гласный паразитическим / иррациональным **n* в праязыке при всяком слогообразующем сонорном. Двухвершинный акцент / циркумфлекс был свойствен слогам германских диалектов. Трехбуквенную схему индоевропейского корня можно представить как *f-n-d*. Как мы только что видели, она создает дополнительную морную позицию: группа из двух согласных (несонорных) приравнена к одной море. Индоевропейский корень не мог размещаться в слоге, содержащем менее двух мор. Максимально слог мог насчитывать три моры. Корень исконно всегда получался односложным. На месте сонанта / ларингала в германских языках возникал толчок: сонант членился пополам между двумя морями в конце слога. Последняя обособленная мора стала восприниматься не в составе согласного, а как самостоятельный слог, заполненный «редуцированным» гласным – гласным «по умолчанию». В датских диалектах, не имеющих толчок, есть долгие гласные, тогда как в имеющих толчок долгие гласные отсутствуют. Отсюда можно сделать вывод, что толчок – тоже долгота, это альтернатива долгим гласным. Датский язык фактически полностью попадает под категорию языка слогового строя. В некоторых случаях можно обнаружить близость языкам слогового строя даже у английского языка, хотя он лишен толчка и не является языком слогового строя.

Заключение

Настоящее исследование показало взаимосвязь и взаимодействие таких понятий праязыка, как: слог, мора, тон, силовое ударение, долгота, толчок. Все они относятся к явлениям просодическим и многое объясняют в строении индоевропейского корня, системе индоевропейского аблаута, характере языкового строя как древних индоевропейских, так и германских языков. В древнегерманском могли существовать два типа ударения: тональное и экспираторное, связанное с силой выдоха и приходившееся на первый корнеслог. Наложение этих двух видов ударений приводило к изменению характера новых кульминативных тональных противопоставлений в германских языках. Также в некоторых германских языках засвидетельствована обратная корреляция между толчком и наличием долгих гласных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984. [Gamkrelidze, T. V., Ivanov, V. V. (1984). *Indoeuropejskij jazyk i indoeuropejtsy (The Indoeuropean language and the Indoeuropeans)*. Tbilisi: Izdatjelstvo Tbilisskogo Universiteta. (In Russ.)].
- Белов А. М. Древнегреческая и латинская просодика (мора, ударение, ритмика). М.: Академия, 2015. [Belov, A. M. (2015). *Drevnegrecheskaja i latinskaja prosodika (mora, udarenije, ritmika) (Old Greek and Latin prosody (mora, stress, rhythm))*. Moscow: Akademija. (in Russ.)].
- Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М.: Наука, 1983. [Kasevich, V. B. (1983). *Fonologicheskiye problemy obshego i vostochnogo jazykoznanija (Phonologic problems of general and oriental linguistics)*. Moscow : Nauka. (In Russ.)].
- Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Аспект-Пресс, 2000. [Trubetskoj, N. S. (2000). *Osnovy fonologii (The basics of phonology)*. Moscow: Aspekt-Press. (In Russ.)].
- Фортунатов Ф. Ф. Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка. М.: Юрайт, 2017. [Fortunatov, F. F. (2017). *Leksii po fonetike staroslavjanskogo (tserkovnoslavjanskogo) jazyka (Lectures on the phonetics of the Old Slavonic (Church Slavonic) language)*. Moscow: Jurajt. (In Russ.)].
- Meillet, A. La place de l'accent en latin // *Memoires de la societe' de linguistique de Paris*. 1916. № 20. P. 165–171.
- Schmitt, A. *Untersuchungen zur allgemeinen Akzentlehre*. Heidelberg: Carl Winters Universitaetsbuchhandlung, 1924.

УДК 81'366

О. В. Миронова

старший преподаватель кафедры второго иностранного языка института иностранных языков им. М. Тореца Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: olgamironowa@mail.ru

КЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО АРТИКЛЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются клитические (или редуцированные) формы неопределенного артикля в слиянии с предлогом и в свободной позиции в стандартном немецком языке, разговорной речи и диалектах. Материалом исследования служат тексты современной немецкоязычной художественной литературы, тексты диалектного происхождения, лексикографические источники с 1978 по 2016 гг. В 8400 страницах проанализированных текстов обнаружено 53 случая неопределенного артикля в соединении с предлогами, 209 случаев редуцированных форм неопределенного артикля в соединении с другими частями речи.

Ключевые слова: клитическая форма; клитическое соединение; неопределенный артикль; предлог; парадигма; разговорная речь; диалект.

O. V. Mironova

Senior Lecturer, at the Department of Second foreign language, M. Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University;
e-mail: olgamironowa@mail.ru

CLITIC FORMS OF THE INDEFINITE ARTICLE IN GERMAN

The article deals with clitic (or reduced) forms of the indefinite article combined with a preposition and in a free position in standard German, colloquial speech and dialects. The research materials are texts of modern German-language fiction, texts of dialect origin, lexicographic sources, which date from 1978 to 2016. In 8400 pages of analyzed texts, 53 cases of the indefinite article in conjunction with prepositions, 209 cases of reduced forms of the indefinite article in conjunction with other parts of speech were found.

Key words: clitic form; clitic compound; indefinite article; preposition; paradigm; colloquial speech; dialect.

Введение

Артикль, согласовываясь с именем существительным, выражает его грамматические признаки, т. е. позволяет различить его род, число и падеж. Существительное обладает не только категорией рода,

числа и падежа, но и категорией определенности / неопределенности. Артикль причисляется к служебным словам, лексически несамостоятельным. Неопределенный артикль развился позднее определенного и восходит к числительному *ein*.

Корневая морфема артикля и его флексия показывают грамматическую категорию существительного. Корневая морфема показывает также категорию определенности / неопределенности существительного. Артикль служит для образования аналитических форм в парадигме существительного.

В научной литературе, посвященной слиянию артикля с предлогом, исследуются клитические формы как определенного, так и неопределенного артикля. При этом оба явления отличаются друг от друга и требуют отдельного анализа.

Анализ клитических форм неопределенного артикля

Неопределенный артикль, указывающий на недетерминированность объекта действительности, появился в немецком языке позже определенного артикля, т. е. только в средневерхненемецком периоде. Клитические формы неопределенного артикля вызывают интерес у ряда авторов [Augustin 2014; Schäfer, Sayatz 2014; Schiering 2002]. Речь идет об изменениях форм артикля в разговорной речи и в немецких диалектах. В немецкой разговорной речи являются употребительными следующие проявления неопределенного артикля: *'n – ein, einen, 'ne – eine, 'nem – einem, 'ner – einer, 'nen – einen*.

Hast du *'nen* Frosch verschluckt? [Härtling 1989, с. 30].

Willste *'n* Kaffee, ey? [Lind 2005, с. 231].

«Noch *'n* Gedicht!», schrie Gloria [Lind 2006a, с. 69].

«Das war nur *'ne* Vase», sagte er [Hammesfahr 1989, с. 183].

Sie sitzt im Saal und trinkt *'ne* Cola [Lind 2005, с. 139].

Редуцированная форма неопределенного артикля может присоединяться к другой клитике (в данном случае к редуцированной форме *'s* местоимения *es*) образуя клитическую цепочку, как в следующем примере: *Kannst ja mal gucken gehen, ob's 'ne Pfüte gibt, wenn du sie abfüllst* [Dorn 2005, с. 166].

Эти формы возникают как при быстром, так и при медленном темпе речи. Как правило, они не привязаны к определенной позиции и присоединяются к соседнему слову пре- и постпозиционно.

Следует отметить, что элементы, которые должны примыкать к опорному слову, могут различаться в зависимости от позиции, в которой они находятся по отношению к нему. Если безударный элемент примыкает к следующему за ним ударному слову, он получает название **проклитика** (греч. *proklinein* – «нагибать вперед»). Если элемент примыкает к стоящему перед ним слову, он называется **энклитика** (греч. *enklisis* – «наклон») [Bussmann 2008].

При определении редуцированной формы неопределенного артикля иногда возникают трудности, так как она является не прочным образованием с соседним словом, а образованием, которое можно прервать паузой. На примере рурского диалекта Р. Ширинг рассматривает реплики говорящих на звукозаписи, позволяющие отследить паузы в высказываниях. Автор делает вывод, что неопределенный артикль имеет тенденцию присоединяться как к впереди стоящему слову, так и к следующему за ним [Schiering 2002].

Относительно редуцированных форм рурского диалекта можно привести такой пример:

- а) Und baut *da=n* ... herrliches Museum draus.
- б) Muss noch ma sehn dass die da ... *n=Teppich* reinkricht da [Schiering 2002, с. 47].

С помощью знака = обозначается стык между клитикой и ее основой. В примере (а) редуцированная форма неопределенного артикля составляет клитическую единицу с наречием *da*, в то время как в примере (б) клитическая единица прерывается паузой, и редуцированная форма неопределенного артикля присоединяется к существительному.

В следующем примере также возможно как про-, так и энклитическое положение редуцированного неопределенного артикля: *Auf einmal fängt=n fängt=n ... n=Hund an zu käffn* [Schiering 2002, с. 47].

В указанном примере в одном предложении неопределенный артикль сначала присоединяется энклитически к глаголу, и эта клитическая единица повторяется и после паузы связывается проклитически с существительным. Данный пример показывает, что редуцированные формы неопределенного артикля не ограничиваются определенной позицией.

В результате редукции неопределенного артикля возникает форма, состоящая из одного слога. В полной форме *ein* [ain] происходит монофтонгизация до [an], ослабление до стадии [ən], далее происходит элизия (отпадение) *ə*, в результате чего остается краткая форма *n*.

В случае двусложного слова *einēn* > =*nen* во втором слоге посредством элизии *ə* возникает геминат из двух носовых согласных, который редуцируется: [nən] > [nn̩] > [n]. Выпадение дифтонга происходит, как и в случае *ein*, в процессе централизации и элизии *ə*.

В форме *einēt* > =*net*, как и в предыдущих случаях, происходит также выпадение дифтонга, носовые согласные ассимилируются: [nɛ̃t] становится [nn̩] со слоговым носовым согласным на конце слова.

В неопределенном артикле женского рода наблюдается устранение только дифтонга, второй слог остается вместе с конечным [ə] (*'ne*) или [ɐ] (*'ner*) [Dedenbach 1987, с. 47].

Редуцированная форма неопределенного артикля рассматривается как норма, возникающая синхронно из соответствующих полных форм.

	Ед. ч.		
	Им. п.	Дат. п.	Вин. п.
Мужской род	n	nem	nen
Женский род	ne	ner	ne
Средний род	n	nem	n

Краткая форма неопределенного артикля *'nen* является формой мужского рода винительного падежа, однако в разговорной речи в некоторых случаях может являться формой мужского рода именительного падежа, а также формой среднего рода именительного и винительного падежа. В научной литературе она отмечается как новая нестандартная «расширенная» краткая форма, характерная не только для устной речи, но и для письменной речи интернет-коммуникации [Кузнецов 2013; Ziegler 2012; Burri 2003].

Редуцированная форма неопределенного артикля, как правило, присоединяется энклитически к словам разных частей речи. При этом все слова, находящиеся перед номинальной фразой, становятся потенциальными основами для клитики.

В употреблении без предлога редуцированные формы неопределенного артикля проявляют низкую степень выбора своей основы. На наш взгляд, присоединяясь препозиционно к своей синтаксической основе-существительному или постпозиционно к другой части речи, они представляют собой, прежде всего, фонологические явления. В перечисленных выше примерах редуцированная форма артикля может отделиться от существительного супraseгментным сигналом и может быть заменена на соответствующую полную форму.

Клитические формы неопределенного артикля в соединении с предлогом в разговорной речи и диалектах отличаются высокой степенью парадигматичности. В разговорной речи редуцированные формы *'n*, *'nen*, *'nem*, *'ne*, *'ner* имеют способность присоединяться практически к каждому члену класса предлогов. В официальной, письменной, речи они могут быть заменены на полную форму без изменения в значении. В диалектах они также составляют парадигмы и образуют неделимые соединения.

При рассмотрении данных форм важно учитывать то, что предлоги сливаются здесь не просто с «остатками» неопределенного артикля, а с его «флективными окончаниями», в которых содержится грамматическая информация о числе, падеже, определенности / неопределенности:

Mit 'nem diabolischen Lächeln drin [Lind 2006a, c. 114].

An diesem Mittwoch stand Erwin wieder hinter der Ecke, zwar noch *mit 'ner* Schnuppeneese, aber ansonsten in alter Frische [Novak 2011, c. 26].

Nach 'ner Woche macht sich die Frau für den Arztbesuch fertich [Novak 2011, c. 26].

“Wat is’ dir denn *für 'ne* Laus über de Leber jeloffen?”, fragte Sylvie [Novak 2011, c. 84].

Meinze, du wärs *für 'ne* Putzfrau zu musikalisch? [Lind 2005, c. 298].

Oh, wat is dat den *für ne* Krankenkasse? [Boschmann 2006, c. 10].

Dat Kind dachte, wat is dat den *fürn* Geschenk?! [Boschmann 2006, c. 7].

Was *für 'n* Mann?! [Lind 2006a, c. 70].

Kann sein, dass er *in 'nem* Cybercafé is ... der surft so gänn im Indernäd! [Lind 2006a, c. 243].

Der Fred is e Seemann, den kriegste net *in 'ne* bürgerliche Ehe... [Lind 2006a, c. 242].

В парадигме слияний клитических форм артиклей с предлогом в диалектах представлены все формы слияний, которые являются обязательными и не распадаются на синтагмы. Комбинации предлога и неопределенного артикля не прерываются паузами.

В разговорной речи неопределенный артикль подвержен слиянию с предлогом равным образом, как и определенный. В случае слияния неопределенного артикля с предлогом исчезает дифтонг [ae], оставшаяся часть слова сливается с предлогом, при этом предлог сохраняет

свою целостность (*in + eine > in'ne*, *auf + einem > auf'nem*, *mit + einer > mit'ner*). Степень грамматикализации здесь выражена слабо и не имеет градации как у определенного артикля, хотя в разговорной речи и некоторых диалектах, например, в рурском, выявляются парадигмы.

Рассмотрим слияния неопределенного артикля с предлогами в немецком разговорном языке в соответствии с [Nübling 1992].

Предлог	Дат.п.ж.р. (ei)ner	Дат.п.м.с.р. (ei)nem	Вин.п.ж.р. (ei)ne	Вин.п.м.р. (ei)nen	Вин.п.с.р. (ei)n
<i>in</i>	<i>in=ner</i>	<i>in=nem</i>	<i>in=ne</i>	<i>in=nen</i>	<i>in=n</i>
<i>zu</i>	<i>zu=ner</i>	<i>zu=nem</i>	-----	-----	-----
<i>auf</i>	<i>auf=ner</i>	<i>auf=nem</i>	<i>auf=ne</i>	<i>auf=nen</i>	<i>auf=n</i>
<i>mit</i>	<i>mit=ner</i>	<i>mit=nem</i>	-----	-----	-----
<i>vor</i>	<i>vor=ner</i>	<i>vor=nem</i>	<i>vor=ne</i>	<i>vor=nen</i>	<i>vor=n</i>

Все формы, представленные в таблице, встречаются как при среднем, так и при быстром темпе и характерны для речи разговорной. При соблюдении официального стиля применяются их полные формы. Чтобы эти энклитические соединения создать из соответствующих синтагм, действуют некоторые фонетические правила. Предлог-основа, в противоположность слияниям с определенным артиклем, остается нетронутым. Между гласными звуками в середине слова возникает связь в виде *n=n*, в которой второй *-n* исчезает: *in=ner* [inʷ]. В конце слова *n* соединяется со слоговым [n]: *in=n* [ɪn].

В рурском диалекте клитические варианты неопределенного артикля образуют полную парадигму: В отличие от стандартного немецкого языка в рурском диалекте имеется форма мн. ч. для неопределенного артикля, которая может сливаться с предлогами.

	Единственное число			Множественное число
	Им. п.	Дат. п.	Вин. п.	
Мужской род	<i>ein>n</i>	<i>einem>m</i>	<i>einen>n</i>	ø>=ne
Женский род	<i>eine>ne</i>	<i>einer>=na</i>	<i>eine>=ne</i>	
Средний род	<i>ein>n</i>	<i>einem>m</i>	<i>ein>n</i>	

В следующей парадигме представлены клитические формы определенного артикля с предлогом *in* и клитические формы

неопределенного артикля с предлогом *für* в рурском диалекте. Из таблицы видно, что слияние артиклей и предлогов в рурском диалекте имеет ярко выраженную парадигматичность.

		Единственное число		Множественное число	
		Направление	Положение	Направление	Положение
in	Мужской род	in=n / i=m	in=n / i=m	inn=e	inn=e
	Женский род	inn=e	inn=e		
	Средний род	in=n / i=m	in=n / i=m		
für	Мужской род	für=n		für=ne	
	Женский род	für=ne			
	Средний род	für=n			

Наряду с самостоятельным употреблением и употреблением с предлогами, существуют также необычные формы слияния неопределенного артикля с предлогом и частицей *so*, при которых могут возникнуть устойчивые сочетания и парадигмы. Комбинации неопределенного артикля с *so* не прерываются паузами.

В словаре Duden (2016) *son (sone)* определяется как указательное местоимение, состоящее из наречия *so* и неопределенного артикля *ein(e)* и имеющее фамильярный оттенок. Отсюда следует вывод, что в результате слияния двух словоформ могут возникать новые части речи. В проанализированных текстах обнаружено 74 случая употребления подобных форм. Приведем некоторые из них:

Das fällt ja nicht weiter auf so 'm Schiff [Lind 2006a, с. 190].

Jeder hatte son Ding im Schrank oder am Gürtel hängen [Domke 2006. с. 69].

Heute Morgen habe ich meine Nase mal in so 'n Gefäch gesteckt [Lind 2006b, с. 211].

War so 'n blöder Reflex! [Lind 2006a, с. 241].

Irgend so 'nem reichen Typ, antwortete Sarah unsicher [Burger 2008, с. 93].

Die steht auf sonne komische Kombi [Domke 2006. с. 8].

Es ist gar nicht gut für Kinder, wenn sie in so 'ner sterilen Umwelt groß werden [Dorn 2005, с. 187].

При этом форма написания клитических соединений не является постоянной. Отмечается их слитное, раздельное написание, а также написание с апострофом:

Wie konnzte denn an *sonē* Frau geraten, wennde selps son durch und durch charaktervollen Heini biss? [Lind 2005, с. 115].

So 'n Umzuch is' teuer, da brauchste jede Mark bzw. Euro [Novak 2011, с. 73].

So 'ne scheene Kneipe jibt's nämlich nich' an de Rehberje [Novak 2011, с. 87].

В следующей таблице [Schiering 2002] представлены клитические формы неопределенного артикля и *so* в рурском диалекте:

	Единственное число			Множественное число
	Им. п.	Дат. п.	Вин. п.	
Мужской род	so=n	so=n / so=m	so=n	so=nne
Женский род	so=nne	so=nne	so=nne	
Средний род	so=n	so=n / so=m	so=n	

В диалектах неопределенный артикль часто выступает в позиции вместе с предлогом. В отличие от клитических соединений определенного артикля с предлогом, клитические соединения неопределенного артикля с предлогом в диалектах теряют свою автономность и являются более грамматикализованными. При рассмотрении клитических форм неопределенного артикля в алеманнском диалекте (бернский) целесообразно рассмотреть наряду с ними также клитические формы определенного артикля с целью сравнения.

В алеманнском диалекте определенный артикль употребляется в четыре раза чаще, чем неопределенный артикль. Кроме того, определенный артикль в дательном падеже встречается в 90 % после предлога. В винительном падеже на употребление определенного артикля с предлогом приходится 50 %. Поскольку дательный падеж имеет тенденцию к предложному употреблению, артикль *dem* является более грамматикализованным, нежели артикли *das* и *den* [Nübling 1993].

Дательный падеж Мужской род /средний род	Дательный падеж Женский род
Определенный артикль / Неопределенный артикль	Определенный артикль / Неопределенный артикль
em eme(ne) zu=m zu=me(ne) uf=m uf=eme(ne)	der / er ere zu=r zu=re uf=dr uf=ere

Неопределенный артикль имеет два комбинаторных алломорфа: артикль м. р. и ср. р. имеет краткую форму *(e)te* и удлиненную форму *(e)tene*, которая является более старой и постепенно вытесняется краткой формой.

Если сравнить формы определенного и неопределенного артиклей в дательном падеже, можно заметить, что неопределенный артикль отличается от определенного артикля более расширенной формой *-e* или *-ene*.

В артикле в дательном падеже появляется другая морфемная структура, которая реализуется в его простых и расширенных формах. Данные взяты из [Nübling 1993]:

Предлог	Определенный артикль Предлог М. р., ср. р. дат. п.	Неопределенный артикль Предлог М. р., ср. р. дат. п.
auf	uf (auf) uf=em (auf dem)	uf (auf) uf=eme (ne) (auf einem)
bei	bi (bei) bi=m (bei dem)	bi (bei) bi=me(ne) (bei einem)

В следующей таблице представлена система артиклей бернского диалекта [Nübling 1993]:

Падеж		Определ. артикль			Неопредел. артикль		
		Род			Род		
		Ж.р.	М.р.	С.р.	Ж.р.	М.р.	С.р.
Им. п. / Вин. п.	Свободная позиция	d=	dr=	(t)s=	e=		es=
Вин. п.	После предлога	=d(=)	=Ø/=e	=(t)s	=ne		=nes
Дат. п.	Свободная позиция	dr= er=	em=		enere=		eme= emene=
Дат. п.	После предлога	=r =dr	=m/=em		=re/=ere =(e)rene		=me/=eme =(e)mene

В диалектных формах слияния артикля с предлогом в первой части соединения выражается падеж, обозначение определенности / неопределенности показано во второй части соединения. Артикль в алеманнском диалекте, в частности, в бернском, можно разделить

на две морфемы – на гибридную морфему с категориями падежа, рода и числа, и на морфему, которая обозначает категорию определенности / неопределенности.

Согласно морфологическому принципу Дж. Байби, более значимые категории находятся в непосредственной контактной близости относительно корня или основы слова. Менее значимые категории (здесь определенность / неопределенность) появляются на периферии словоформы. В предложной фразе падеж является более релевантной и единственной категорией, которая управляется предлогом [Bybee 1985].

Если говорить о письменной речи диалекта, предложные группы с неопределенным артиклем в бернском диалекте присоединяются к предлогу и имеют в большинстве случаев слитное написание:

Und nachemne (nach einem) Zytli chunnt si scho wieder a mi Tisch und frogt, ob der Bügu guet sig [Lenz 2015, с. 41].

Vomenen Unggle? (von einem) [Lenz 2015, с. 78].

Di angere si nid vo Schummertau gsi, si angeri gsi, gloub vo Bärn, sörigi woni no nie ha gseh gha, chöme die auso, mitemne Hung (mit einem Hund) [Lenz 2015, с. 88].

Vi a Chuchitisch ghocket und ha amene (an einem) Chrüzworträtsu vom Mondo Heftli umegmacht [Lenz 2015, с. 100].

Заключение

В связи с тем, что неопределенный артикль соединяется почти со всеми предлогами, данное соединение часто рассматривается как фонологическое явление [Nübling 1992]. Его широкое употребление является особенностью не только устной речи, но и письменной речи интернет-коммуникации. Можно предположить, что употребление данных форм в письменной речи служит предпосылкой для их внедрения в стандартный язык. Широкое употребление кратких форм неопределенного артикля и образование парадигм свидетельствует о возникновении системы новых форм артикля в системе склонения. При этом формы слияния могут быть отражены в письменной речи, например, в комиксах, электронных письмах. Такие формы обозначаются как апострофом, так и без него, что может быть связано со средней степенью грамматикализации.

В образовании клитических соединений неопределенного артикля и предлогов в некоторых случаях возникают парадигмы, в которых маркируются категории падежа и определенности / неопределенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCE

- Кузнецов А. В.* Сокращенные формы артикля в немецкой интернет-коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. Вып. 12 (30) : в 2 ч. Ч. II. С. 103–106. Тамбов: Грамота. [Kuznesov, A. V. (2013). Contracted forms of articles in German Internet communication. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 12 (30): II, 103–106. Tambov: Gramota. (In Russ.)].
- Augustin, H.* Zum Beispiel im Deutschen: Wenn Präposition und Artikel verschmelzen. Eine Korpusuntersuchung zu auf+ definitem Artikel // Sprachreport Mannheim. 2014. № 3. S. 14–21.
- Burger, W.* Schwarzes Fieber. München: Piper Verlag, 2008.
- Burri, A.* Sprache und Denken (Grundlagen der Kommunikation und Kognition). Berlin: Walter de Gruyter, 2013.
- Bussmann, H.* Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 2008.
- Bybee, J. L.* Morphology – A study of the relation between meaning and form. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1985.
- Dedenbach, B.* Reduktions- und Verschmelzungsformen im Deutsch. Schwache Formen bei Artikeln und Pronomina. Frankfurt am Main: Lang, 1987.
- Domke, S.* Wie sieht den die Omma aus?! Bottrop: Verlag Henselowsky Boschmann, 2006.
- Dorn, T.* Die Brut. München: Wilhelm Goldmann Verlag, 2005.
- Gäng, R.* Alemmanische Geschichten. E-Lesbuech in der Muetttersproch für großi und chlini Lüt. Schauenburg: Lahr Moritz, 1970.
- Hammesfahr, P.* Am Anfang sind sie noch Kinder. Reinberg bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2007.
- Härtling, P.* Fränze. Weinheim und Basel: Beltz Verlag, 1989.
- Lenz, P.* Der Goalie bin ig. Edition spoken script. Luzern: Der gesunde Menschenversand, 2013.
- Lind, H.* Karlas Umweg. Berlin: Ullstein Buchverlage, 2005.
- Lind, H.* Mord an Bord. Berlin: Ullstein Buchverlage, 2006a.
- Lind, H.* Hochglanzweiber. Berlin: Ullstein Buchverlage, 2006b.
- Niefenthaler, E.* Hinterem Pflueg. Gedichte in Alemannischer Mundart. Lahr: Moritz Schauenburg Verlag, 1967.
- Novak, D.* Een Schnäpperkin lost de Zunge: Vergnügliches vom Stammtisch rund um die Berliner Redensarten und Sprüche. Berlin: HNB, 2011.

- Nübling, D.* Klitika im Deutschen. Schriftsprache, Umgangssprache, alemannische Dialekte. Tübingen: Narr, 1992.
- Nübling, D.* Synthesetendenzen im Alemannischen: Die Klitisierung von Artikel und Personalpronomen // Schupp, Volker (ed.): Alemannisch in der Regio. Göppingen: Kümmerle, 1993. S. 97–112.
- Schäfer, R., Sayatz, U.* Die Kurzformen des Indefinitartikels // Deutschen Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 2014. Vol. 33. Issue 2. S. 215–250.
- Schiering, R.* Klitisierung von Pronomina und Artikelformen. Eine empirische Untersuchung am Beispiel des Ruhrdeutschen. Arbeitspapier 44. Köln: Institut für Sprachwissenschaft Universität, 2002.
- Ziegler, E.* ‘Merkel hat nen Neuen!’ Die Kurzform nen: Ein Mündlichkeitsmarker par excellence // Schuster B. M., Tophinke D. (Hg.): Anders Schreiben. Heidelberg: Schmidt, 2012. S. 295–316.

УДК 811.111

Е. Б. Павлова

кандидат филологических наук, доцент;
доцент кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: lena.pavlova@live.ru

РАЗВИТИЕ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ФАКТОРЫ ЯЗЫКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Статья посвящена исследованию развития эпистемической модальности в истории английского языка. Проведенный анализ охватывает три временных среза: древнеанглийский период, классический среднеанглийский период и ранний новоанглийский период. Возникновение эпистемического значения объясняется выдвиганием определенных компонентов фреймов, организованных вокруг соответствующих концептов. Процесс выдвигания отражает особенности концептуализации реальной действительности в разные исторические периоды. Развитие эпистемической модальности обусловлено тенденцией к субъективизации, которая играет важную роль в процессе языковых изменений.

Ключевые слова: модальные глаголы; фрейм; выдвигание; субъективизация; корневое значение; эпистемическая модальность; семантический сдвиг.

E. B. Pavlova

PhD, Associate Professor,
Assistant Professor at the Department of Grammar and History of English, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: lena.pavlova@live.ru

THE DEVELOPMENT OF EPISTEMIC MODALITY IN THE HISTORY OF ENGLISH: FACTORS OF LANGUAGE CHANGE

The article looks into the development of epistemic modality in the history of English. The article covers three historical periods: Old English, Classical Middle English, Early New English. The rise of epistemic modality is attributed to foregrounding of different components of the frames that are associated with the concepts underlying modal verbs. The process of foregrounding reflects reality as conceptualized by speakers in different historical periods. The rise of epistemic modality can be accounted for by the general tendency towards subjectification, which plays a significant role in language change.

Key words: modal verbs; frame; foregrounding; subjectification; root meaning; epistemic modality; semantic shift.

Введение

Понятия когнитивной лингвистики могут быть с успехом использованы для объяснения механизмов языковых изменений. В данной статье предпринимается попытка применить понятия выдвижения и субъективизации для объяснения семантических сдвигов в употреблении модальных глаголов в ходе их развития в различные исторические периоды, в частности возникновения значения эпистемической модальности.

Несмотря на существование различных подходов к объяснению модальности, большинство лингвистов придерживаются мнения, что «модальность – функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [Ляпон 1990, с. 303].

Для исследования исторических изменений концептуальных связей, которые легли в основу возникновения эпистемического значения, основополагающим является различие между корневой (root)¹ [Lee 2004] (ориентированной на действующего субъекта (agent-oriented) [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994]) и эпистемической модальностью.

В данной статье используется термин «корневая модальность». Корневое, изначально присущее модальным глаголам значение отражает характер объективных связей высказывания с реальной действительностью и представляет действие как возможное, желательное, необходимое, исходя из объективных обстоятельств или внутренних свойств субъекта. Данное значение является исторически первичным [Lee 2004].

Материалом для исследования послужили памятники литературы древнеанглийского периода: «Англосаксонская хроника», Предисловие Эльфрика к «Житиям Святых», «Рассказ Охтхере о его первом путешествии» и др.; Кентерберийские рассказы Дж. Чосера (среднеанглийский период) и пьесы У. Шекспира (ранненовоанглийский период). Для выявления механизма семантических сдвигов, происходивших в ходе развития модальных глаголов, используется метод

¹ Некоторые лингвисты рассматривают ориентированную на говорящего и связанную с понятиями разрешения, требования, приказа деонтическую модальность как подтип корневой модальности. В настоящей статье деонтическая модальность рассматривается как самостоятельный тип модальности.

когнитивного моделирования (фреймовый анализ). Для сопоставления особенностей функционирования модальных глаголов в различные исторические периоды применяется сравнительный метод.

1. Понятие эпистемической модальности

Согласно большинству концепций, эпистемическая модальность предполагает указание на наличие или отсутствие ответственности говорящего в отношении достоверности пропозиции [Palmer 1986; Bybee, Perkins, Pagliuca 1994; Coates 1983; Арутюнова 1988; Беляева 1987; Швец 2004; Biber, Conrad, Reppen 1998; Givón, 1982]. Некоторые лингвисты различают объективную и субъективную эпистемическую модальность. Так, по мнению Дж. Лайонза, объективная эпистемическая модальность обозначает достоверность / недостоверность описываемого положения дел, исходя из имеющейся информации, в то время как субъективная эпистемическая модальность демонстрирует субъективное предположение говорящего в отношении достоверности пропозиции [Lyons 1977].

В данной статье рассматривается развитие эпистемической модальности на протяжении трех основных исторических периодов: древнеанглийского, классического среднеанглийского и ранненовоанглийского. Древнеанглийский период длился от V в. – переселения на Британские острова германских племен до 1066 г., времени начала нормандского завоевания. Древнеанглийский язык – язык племенных (V–VII вв.) и региональных (VIII в. – конец XI в.) диалектов с германской лексикой, с фонетическими особенностями, которые обусловлены изменениями, происходившими в ранний древнеанглийский период, с развитой системой морфологических категорий. В течение классического среднеанглийского периода, в эпоху Чосера (XIV–XV вв.), английский вновь занимает позицию государственного и литературного языка, лондонский диалект приобретает более высокий статус по сравнению с другими диалектами. Окончания существительных, прилагательных и местоимений выравниваются, начинают развиваться аналитические формы глагола. В ранненовоанглийский период (1475–1660) происходит становление английской нации. Данный период характеризуется глобальными изменениями на фонетическом и лексическом уровнях. В этот период современные грамматические формы и синтаксические конструкции уже сформировались, но их употребление не ограничено рамками нормы.

Одна из важнейших тенденций семантических изменений и, в частности, возникновения эпистемической модальности, заключается в том, что значения начинают определяться субъективным состоянием говорящего, его точкой зрения, отношением к пропозиции [Traugott 1989]. Данная тенденция, объясняющая семантические сдвиги, получила название «субъектификация (subjectification)». Понятие субъектификации возникло в когнитивной лингвистике и было введено Р. Лангакером, который использовал его для изучения пространственных отношений [Langacker 1990]. В настоящей статье субъектификация понимается как способность воспринимающего субъекта пропускать реальную действительность через призму собственного опыта и модифицировать объективные характеристики в ходе субъективной интерпретации [Павлова 2011].

С тенденцией к субъектификации напрямую связано понятие «выдвижение» (foregrounding). Под выдвижением понимается «выход на первый план определенных компонентов фрейма. Данный процесс является результатом изменений когнитивного фокуса» [Lee 2004, с. 128]. Под фреймами мы понимаем «единицы, организованные вокруг некоего концепта и содержащие основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с данным концептом» [ван Дейк 1989, с. 16]. Выдвижение тех или иных компонентов фрейма отражает особенности концептуализации объективной реальности в различные исторические периоды.

В настоящей статье исследование развития значения эпистемической модальности осуществляется на примере модального глагола *tau* (др. англ. *tazan*).

2. Развитие эпистемической модальности в древнеанглийском

В древнеанглийском (в период, предшествующий возникновению эпистемического значения) фрейм, организованный вокруг концепта, передаваемого глаголом *tazan* включает следующие компоненты:

1. Субъект, оценивающий ситуацию.
2. Объект, обладающий ментальной способностью совершить действие.
3. Объект, обладающий физической способностью совершить действие.
4. Объект, обладающий возможностью совершить действие.
5. Ментальная способность как свойство объекта.

6. Физическая способность как свойство объекта.
7. Обусловленная внешними обстоятельствами возможность совершить действие как свойство объекта.
8. Свойства ситуации как следствие возможности, способности.

Исторически первичными, по-видимому, являются компоненты 1, 2 и 5. Компоненты 3 и 6 являются производным от компонентов 2 и 5, а компоненты 3 и 7 восходят к компонентам 2, 3 и 5, 6, соответственно. Позднее всего развивается компонент 8.

В древнеанглийский период глагол *mazan* в основном употребляется в корневом значении ментальной или физической способности объекта осуществлять определенное действие и возможности, вытекающей из внешних обстоятельств, т. е. на первый план выходят компоненты фрейма 5, 6 и 7, ср.:

1. Be *ƿisum* *lītlum* man **mæz** *understandan* hū *dēop* *sēo* *bōc* *ys* *on* *zāstlicum* *anzite* <...> (*Mitchell B., Robinson F. C. A guide to old English., p. 205*).

– По этим маленьким вещам можно понять, насколько глубока эта книга по своему духовному содержанию.

2. Ne **mæz** *ic* *hira* *swā* *fela* *zefōn* *swā* *ic* *sellan* **mæze** (*Mitchell B., Robinson F. C. A guide to old English., p. 195*).

– Не могу я их поймать столько, сколько мог бы продать.

Следует отметить, что значение ментальной способности, вероятно, является концептуально первичным. В процессе исторического развития сначала осуществляется переход от умственных качеств объекта к его физическим характеристикам, который объясняется тем, что большинство видов человеческой активности требует, наряду с умственными способностями, определенные физические навыки, вследствие чего значение способности со временем перестало ассоциироваться исключительно с ментальной составляющей. Впоследствии происходит переход от внутренних свойств объекта как источника способности к внешним характеристикам ситуации, обеспечивающим возможность совершения действия (данный переход связан с тем, что условия для осуществления действия могут заключаться не только во внутренних качествах объекта, но и одновременно зависеть от внешних обстоятельств, соответственно, модальный глагол мог сначала употребляться в подобных случаях, а затем уже использоваться для обозначения возможности, обусловленной исключительно внешними факторами).

Кроме того, в данный период зарегистрированы неоднозначные случаи использования рассматриваемого глагола, ср.:

1) þā hēt Ælfred cynz timbran lanz scipu ... būte swā him selfum ðūhte þæt hīe nytwyrðoste bēon **meahten**.

– тогда повелел король Альфред построить длинные корабли ..., но, как он сам думал, они могли быть полезными) (*Смирницкий А. И. Хрестоматия по истории английского языка с 7-го по 17-й в., с. 23*).

2) þā unzelærnedan prēostas, zif hī hwæt lītles understandað of þām Lādenbōcum, þonne þincð him sōna þæt hī **mazon** mære lārēowas bēon (*Mitchell B., Robinson F. C. A guide to old English., p. 203–204*).

– необразованным священникам, если они хоть немного понимают в латинских книгах, тогда им кажется, что они могут стать быть великими учителями (они, возможно, великие учителя).

Употребление глагола *mazan* в данных примерах может быть интерпретировано двояко. С одной стороны, значение глагола может быть истолковано как возможность, обусловленная обстоятельствами (корневое значение); с другой стороны, оно может быть понято как предположение, вероятность осуществления определенного действия или наличия состояния (эпистемическое значение).

Подобные случаи, допускающие двоякую интерпретацию, представляют значительный интерес для раскрытия механизма семантических сдвигов, которые в конечном итоге привели к возникновению эпистемической модальности. Они предоставляют слушающему свободу интерпретации – он может активировать различные умозаключения. В связи с тем, что слушающий одновременно является и говорящим на языке, определенные интерпретации могут со временем закрепляться в языке, что приводит к семантическим сдвигам. При этом те или иные компоненты значения подвергаются выдвигению, другие компоненты, напротив, уходят на задний план или вовсе исчезают. В данном случае эпистемическое значение со временем выходит на первый план, а корневое – постепенно устраняется.

Вышеописанными процессами объясняется тот факт, что в древнеанглийский период уже зарегистрированы случаи, когда глагол *mazan* употребляется в собственно эпистемическом значении, ср.:

1. Swæð hē: wel þæt swā **mæz** ...

– он сказал: это вполне может быть так (*Иванова И. П. Хрестоматия по истории английского языка, с. 10*).

2. Swiþe eaþe þæt **mæz** bēon þæt sume men þencan ... (*Denison D. English Historical Syntax: Verbal Constructions, p. 299*).

– Вполне может быть, что некоторые люди думают.

В примере 1 глагол *mazan* употребляется с наречием *wel* (вполне), которое усиливает степень вероятности, передаваемую данным глаголом.

В вопросительных предложениях глагол *mazan* может приобретать оттенки сомнения, удивления (ср. современное употребление глагола *can*), ср.:

1. <...> hū **mæz** ūre zefērscipe bēon zewissod būtan zefeahtere? (*Mitchell B., Robinson F. C. A guide to old English, p. 200*).

– как можно руководить нашим сообществом без советника?

Употребление рассматриваемого глагола в эпистемическом значении обусловлено тем, что его первичное (корневое) значение физической способности, возможности и эпистемическое значение вероятности плотно «переплетены», и оба связаны с природой естественного развития событий. Вначале эпистемическое значение развивается по отношению к будущему. И в первом, и во втором значении характер положения дел таков, что предполагает возможность определенного события в будущем. В первом случае эта возможность связана с характеристиками референта подлежащего, в то время как во втором – с особенностями данной ситуации. Впоследствии *mazan* также начал употребляться для выражения предположения относительно текущего или прошлого положения дел. Данный семантический сдвиг связан с тенденцией к субъективизации: в ходе субъективной интерпретации говорящий постепенно абстрагируется от свойств конкретного объекта, которые делают возможным определенное событие в будущем, переходит к обозначению возможности будущего события, заключенной в текущем положении дел, и, наконец, указывает на достоверность пропозиции, которая определяется потенциалом реальной действительности.

В процессе развития эпистемического значения выдвигению подвергаются компоненты фрейма 1 и 8. В результате значение возможности, способности концептуализируется говорящим таким образом, что осуществляется переход от возможности, способности как свойства конкретного объекта к возможности осуществления действия в будущем как свойству ситуации и, наконец, к предположению,

что действие происходит / происходило в той или иной ситуации. Возникновение указанного значения закрепляется в новом компоненте фрейма «вероятность, предположение с невысокой степенью уверенности».

3. Развитие эпистемической модальности в среднеанглийском

В среднеанглийский период преобладает употребление рассматриваемого глагола в корневом значении физической или ментальной способности и возможности, обусловленной обстоятельствами, ср.:

1. Syn that I **may** nat seen you, Emelye (*Chaucer, <https://chaucer.fas.harvard.edu/>*).

– Так как я не могу видеть тебя, Эмили.

2. To tell it you as shortly as I **may** (*Chaucer, <https://chaucer.fas.harvard.edu/>*).

– Рассказать это вам так коротко, как я только могу.

К данному периоду относятся первые случаи употребления глагола *may* с перфектным инфинитивом в значении нереализованной возможности, в подобных случаях глагол употребляется в форме сослагательного наклонения *myghte*, ср.:

1. And **myghte** han lyved in Thebes roially (*Chaucer, <https://chaucer.fas.harvard.edu/>*).

– И мог бы жить в Фивах, как король.

2. Housbondes at chirche dore I have had five –

If I so ofte **myghte** have ywedded bee – (*Chaucer <https://chaucer.fas.harvard.edu/>*).

– У меня было пять потенциальных мужей –

Если я могла бы так часто выходить замуж.

Следует отметить, что в среднеанглийский период в значении способности с глаголом *may* начинает конкурировать глагол *kan* (при этом данный глагол продолжает употребляться в значении «знать»), ср.:

1. Wel **koude** he in eschauge sheeldas selle (*Chaucer, <https://chaucer.fas.harvard.edu/>*).

– Хорошо умел нажиться он на размене.

Начало вытеснения *may* в его корневом значении глаголом *kan* объясняется закреплением за модальным глаголом *may* эпистемического значения предположения с невысокой степенью уверенности,

которое обусловлено выдвиганием соответствующего компонента фрейма, ср.:

1. Paraventure it **may** the better be (*Chaucer, <https://chaucer.fas.harvard.edu/>*).

– Это, возможно, лучшее.

2. It **may** wel be he looked on hir face

In swich a wise as man that asketh grace (*Chaucer, <https://chaucer.fas.harvard.edu/>*).

– Вполне возможно, что он посмотрел на ее лицо так, как просят милости.

3. ...Grisildis wonder **myghte**,

For nevere erst ne saugh she swich a sighte (*Chaucer, <https://chaucer.fas.harvard.edu/>*).

– Гризельда, возможно, удивилась, так как никогда она не видела подобного зрелища.

В большинстве случаев *may* употребляется в сочетании с такими наречиями, как *wel* (вполне), *paraventure* (возможно), которые усиливают значение эпистемической модальности.

В примере 3 высказывается предположение относительно предшествующего действия, однако перфектный инфинитив в этом значении в среднеанглийский период еще не употребляется. На данном этапе сам модальный глагол, который употребляется в форме претерита, вероятно, осуществляет отсылку к прошлому.

В вопросительных предложениях (специальных вопросах) *may*, как и в древнеанглийский период употребляется для выражения сомнения, удивления, ср.

1. But ay they wondren what she **myghte** bee (*Chaucer, <https://chaucer.fas.harvard.edu/>*).

– Но они всегда задаются вопросом, кем же она может быть.

В подобных случаях форма сослагательного наклонения *myghte* употребляется для выражения более высокой степени сомнения, удивления.

4. Развитие эпистемической модальности в ранненованглийском

В ранний нованглийский период эпистемическое значение *may* широко распространено, модальный глагол употребляется в значении предположения с невысокой степенью уверенности, ср.:

1. ... and, indeed, I do marry that I **may** repent (*Shakespeare*, <https://www.litcharts.com/shakescleare/shakespeare-translations>).

2. ... I'll touch my point

With this contagion, that if I gall him slightly

It **may** be death

(*Shakespeare*, <https://www.litcharts.com/shakescleare/shakespeare-translations>).

В рассматриваемый период зарегистрированы единичные случаи употребления перфектного инфинитива с глаголом в эпистемическом значении, ср.:

1. There **might** you have beheld one joy crown another, so and in such manner that it seemed sorrow wept to take leave of them ... (*Shakespeare*, <https://www.litcharts.com/shakescleare/shakespeare-translations>).

Однако употребление перфектной формы инфинитива в данном значении еще не распространено. Предшествующее действие выражается следующими способами, ср.:

1. It **may** be you have mistaken him, my lord (*Shakespeare*, <https://www.litcharts.com/shakescleare/shakespeare-translations>).

2. This fellow **might** be in 's (his) time a great buyer of land (*Shakespeare*, <https://www.litcharts.com/shakescleare/shakespeare-translations>).

В примере 2 инфинитив выражает действие, предшествующее действию глагола-сказуемого, однако перфектный инфинитив не употребляется. При этом форма *might* в подобных случаях, как и в среднеанглийский период, указывает не на небольшую степень вероятности, а является формой претерита и относит действие к прошлому.

Возникновение в ранний нованглийский период и дальнейшее закрепление форм сослагательного глагола *may* для выражения предположения с меньшей степенью уверенности объясняется тенденцией к субъективизации. В результате субъективной интерпретации нереальное, потенциально возможное действие концептуализируется говорящим как вероятное в текущей ситуации, при этом нереальность

действия обуславливает отсутствие категоричности, а, следовательно, и невысокую степень вероятности, ср.:

1. One good woman in ten, madam ...;
An we might have a good woman born but one every blazing
star, or at an earthquake ... (Shakespeare, <https://www.litcharts.com/shakescleare/shakespeare-translations>).
2. Yes, Helen, you **might** be my daughter-in-law: God shield you mean it not! (Shakespeare, <https://www.litcharts.com/shakescleare/shakespeare-translations>).

В данный период *may* продолжает использоваться для выражения сомнения, удивления в вопросительных предложениях, ср.:

1. What **may** you be? Are you of good or evil? (Shakespeare, <https://www.litcharts.com/shakescleare/shakespeare-translations>).
2. **May** I be so converted and see with these eyes? (Shakespeare, <https://www.litcharts.com/shakescleare/shakespeare-translations>).

В ранний новоанглийский период, как и в среднеанглийском, *may* широко употребляется в корневом значении возможности, обусловленной внешними обстоятельствами, при этом в данном значении также используется глагол *can*, ср.:

1. The search, sir, was profitable;
and much fool **may** you find in you ... (Shakespeare, <https://www.litcharts.com/shakescleare/shakespeare-translations>).
2. We'll see what **may** be done, so you confess freely (Shakespeare, <https://www.litcharts.com/shakescleare/shakespeare-translations>).
3. And since that time it is eleven years,
For then she **could** stand alone (Shakespeare *Romeo and Juliet*, p. 14).

В этом значении глагол *may* часто используется в придаточных цели, для которых нехарактерно употребление *can*, ср.:

1. I prithee take the cork out of thy mouth, that I **may** drink thy tidings (Shakespeare, <https://www.litcharts.com/shakescleare/shakespeare-translations>).
2. Oh, that I were a glove upon that hand
That I **might** touch that cheek (Shakespeare, <https://www.litcharts.com/shakescleare/shakespeare-translations>).

Данный период отмечен возникновением у модального глагола *may* значения упрека, которое является производным от значения не-реализованной возможности (в указанном значении глагол обычно употребляется в форме сослагательного наклонения с перфектным инфинитивом), ср.:

1. For Italy and Caesar. More, Domitius:

My lord desires you presently. My news I **might have told** hereafter (Shakespeare, <https://www.litcharts.com/shakescleare/shakespeare-translations>).

2. Are you there, wife? You **might have come** before (Shakespeare, <https://www.litcharts.com/shakescleare/shakespeare-translations>).

Развитие значения упрека обусловлено выдвиганием первого компонента фрейма и объясняется тенденцией к субъективизации – при субъективной оценке ситуации говорящим реализация возможности воспринимается как желательная, ее отсутствие, соответственно, является отрицательным фактором, вследствие чего модальный глагол приобретает значение неодобрения, упрека.

В ранненовоанглийский период компоненты фрейма «ментальная способность как свойство объекта» и «физическая способность как свойство объекта» отходят на второй план – в данных значениях преобладает глагол *can* (хотя в рассматриваемый период также зарегистрированы случаи употребления *may* в данном значении), ср.:

1. Any man that **can** write **may** answer a letter (Shakespeare, <https://www.litcharts.com/shakescleare/shakespeare-translations>).

В последующие периоды происходит вытеснение корневого значения модального глагола *may* эпистемическим, при этом в значении способности употребляется исключительно глагол *can*, в значении возможности, обусловленной внешними обстоятельствами, *can* преобладает. Исходя из проведенного анализа, предпосылки для данного процесса существовали еще в древнеанглийском периоде.

Заключение

Возникновение эпистемической модальности является важным семантическим сдвигом в истории развития модальных глаголов и обусловлено выдвиганием определенных компонентов фрейма, которое является результатом интерпретации ситуации

воспринимающим субъектом. Процесс выдвижения отражает особенности концептуализации реальной действительности говорящим в разные исторические периоды. Развитие эпистемического значения объясняется тенденцией к субъективизации, что свидетельствует о значительной роли данной тенденции в процессе языковых изменений в целом. Таким образом, понятия «выдвижение» и «субъективизация» могут служить эффективными инструментами для объяснения механизма языковых изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. [Arutjunova, N. D. (1988). *Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt (Types of language meanings: Evaluation. Event. Fact)*. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. ; сост. В. В. Петрова ; под ред. В. И. Герасимова ; вступ. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. [van Dijk, T. A. (1989). *Jazyk. Poznanie. Kommunikacija (Language. Knowledge. Communication)*. Moscow: Progress (In Russ.)].
- Ляпон М. В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 303–304. [Ljapon, M. V. (1990) *Modalnost' (Modality)*. In V. N. Jarceva (ed.), *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'* (pp. 303–304). Moscow: Sovetskaja jenciklopedija. (In Russ.)].
- Павлова Е. Б. Тенденция к субъективизации как фактор языковых изменений (на примере развития модальных глаголов в истории английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2011. Вып. 633. С. 137–150. [Pavlova, E. B. (2011). *The tendency towards subjectification as a factor of language change: the development of modal verbs in the history of English. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 633, 137–150.* (In Russ.)].
- Швец В. М. Усвоение ребенком эпистемической модальности: дис. ... канд. наук. Череповец, 2004. [Shvec, V. M. (2004). *Usvoenie rebenkom epistemicheskoj modalnosti (Acquisition of epistemic modality by children)*: thesis of PhD in Philology. Cherepovec. (In Russ.)].
- Biber, D., Conrad, S., Reppen, R. *Corpus Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Bybee, J., Perkins, R., Pagliuca, W. *The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago ; London: University of Chicago Press, 1994.

Coates, J. The Semantics of the Modal Auxiliaries. London: Taylor & Francis Ltd, 1983.

Givon, T. Evidentiality and Epistemic Space // *Studies in Language*. 1982. Vol. 6, 1. Pp. 22–49.

Langacker, R. W. Concept, Image and Symbol. Berlin: Mouton, 1990.

Lee, D. Cognitive Linguistics: an Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Palmer, F. R. Mood and Modality. Cambridge: Cambridge University Press, 1986

Traugott, E. C. On the Rise of Epistemic Meanings in English: An Example of Subjectification in Semantic Change // *Language*. 1989. Vol. 65, 1. Pp. 31–55.

УДК 81'367.4

О. Н. Павлюк

старший преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: olnpavlyuk@gmail.com

КУМУЛЯЦИЯ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ ТЕРМИНА И ЕГО ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА

В целях проведения синтаксически ориентированного исследования в статье устанавливается терминологический статус слова «кумуляция». На основании выделения его принципиальных содержательных характеристик, профилируемых в различных областях научного знания, уточняется возможное представление о кумуляции в лингвистике в целом, где с помощью данного термина фиксируется связь между языком и когницией, и грамматике в частности, где он описывает особый объёмный принцип формирования атрибутивных структур.

Ключевые слова: термин; материальная / функциональная кумуляция; упорядочение; качественные характеристики; атрибутивное словосочетание / структура.

O. N. Pavlyuk

Senior Lecturer, Department of Grammar and History of English, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: olnpavlyuk@gmail.com

CUMULATION TERMINOLOGY-WISE: ESTABLISHING PRIORITIES FOR LINGUISTICS

The article aims at establishing cumulation as a terminological unit of linguistics that is essential for a specific study into English syntax. After disclosing the nature of cumulation in different scientific fields, the author goes on to define the notion of cumulation in linguistics where the term can be used to reflect the connection between language and cognition by describing the principle that underlies the formation of the attributive phrase.

Key words: terminology; material / functional cumulation; order; quality; feature; attributive phrase / construction.

Введение

В статье рассматривается, в каких значениях термин «кумуляция» употребляется в различных областях знания, и обосновывается правомерность его использования в лингвистических исследованиях,

в том числе, определяется его содержательная специфика для лингвистического грамматического описания, где он спорадически используется для обозначения связи, возникающей между элементами-атрибутами в многокомпонентном атрибутивном словосочетании.

Постановка вопроса

Сложившаяся традиция научного описания предполагает широкое использование слов латинского языка в качестве терминов для наименования отдельных научных явлений и процессов. Так в научный обиход вошло слово *cumulatio*, которое с позднелатинского языка переводится как скопление, накопление или увеличение. Необходимость его использования и правомерность **введения в лингвистический обиход как регулярного термина** появляется, так как в настоящее время в сферу интерпретации традиционных грамматик не попадают связи и отношения, возникающие непосредственно между зависимыми компонентами словосочетания, например, между атрибутами *sweet*, *little* и *red* в словосочетании *sweet little red feet*.

Сложившейся грамматической практикой является рассмотрение конструкций с двумя и более зависимыми словами-определениями при главном слове по аналогии с моноатрибутивными структурами, где *sweet little red feet* распадается на *sweet feet*, *little feet* и *red feet*. Однако из лингвистической литературы известно, что атрибуты вступают в отношения не только с главным словом, но и друг с другом, что обосновывается отрицательной возможностью их перестановки в рамках сформированной атрибутивной цепочки: так, в словосочетании *chill morning air* определения *chill* и *morning* никогда не изменяют своего расположения относительно друг друга (ср. **morning chill air*). Установлено, что на сегодняшний день данный тип связи практически не описан, за исключением единичной попытки качественно оценить связь между определениями-атрибутами, которую еще в 1970-е гг. сделала В. В. Бурлакова. В своих работах она классифицировала грамматическую связь между определениями *his* и *old* в словосочетании *his old friend* как аккумулятивную, т. е. связь «элементов, чья расстановка по отношению друг к другу не хаотична, а основана на определенных и строгих закономерностях» (см., например, [Бурлакова 1975]).

Нам кажется правомерным использовать слово «кумуляция» в грамматическом описании для именованного указанного типа связи, однако оно пока не получило устойчивого терминологического статуса. Выражаясь максимально осторожно, мы могли бы оценить этот термин как лингвистически-интуитивный.

Кумуляция: междисциплинарность термина

1. **Естественные науки.** Как термин заимствованное слово «кумуляция» впервые было использовано в **медицине** (фармакологии, токсикологии) для обозначения накопления в организме и суммирования действия некоторых лекарственных средств и ядов при их повторных введениях [Кумуляция URL]. Выделяются два типа кумуляции: **материальная**, связанная с **количественным накоплением** действующего вещества, приводящим к его высокой концентрации в организме, и **функциональная**, которая возникает вследствие усиления эффекта действующего вещества ввиду высокой чувствительности к нему организма.

Обозначенные аспекты значения термина соотносятся со значением слова *cumulatio* в латыни, что легко объяснить, ведь латинский язык вплоть до конца XVIII в. выполнял функции международного языка науки. Однако уже на данном этапе можно говорить о терминологически важном разделении значений латинского слова, так как материальная кумуляция механистично отражает «скопление, накопление» как увеличение собственно количественное, тогда как функциональная кумуляция имеет дело с явлением более высокого порядка, т. е. с «усилением» – одновременным увеличением и количества, и качества.

Термин, некоторое время просуществовавший в естественно-научном описании, из медицины заимствуется в **область описания физических явлений**, где под кумуляцией (или кумулятивным эффектом) понимается «существенное увеличение действия взрыва в каком-либо определенном направлении, что достигается приданием специальной формы зарядам взрывчатых веществ. В сходящемся потоке продуктов кумулятивного заряда давление и плотности вещества и энергии значительно выше, что обеспечивает направленное действие взрыва и высокую пробивную силу кумулятивной струи» [Реальная физика URL]. Здесь кумуляция понимается в ее функциональном значении, поскольку речь идет об улучшении качественных характеристик взрыва путем увеличения пробивной силы.

Официальное признание термина в физике с последующим включением в словари и глоссарии дает возможность говорить о его междисциплинарном характере, поскольку с этого момента «кумуляция» используется для описания двух не похожих друг на друга явлений из разных, пусть и объединенных естественнонаучным профилем, областей знания. Далее термин постепенно проникает в гуманитарные науки, где его значение, несколько модифицируясь, сохраняет, тем не менее, свои смысловые доминанты – материальную и функциональную.

2. Гуманитарные науки нелингвистического цикла.

В **экономике** при помощи кумуляции может описываться отклонение от одного из основных принципов происхождения товаров. Кумуляция расширяет принцип преференциальной торговли, «поскольку дает возможность учитывать продукты, происходящие из страны-партнера или стран-партнеров по преференциальному соглашению в качестве исходных материалов для производства конечного продукта» [Прогунова, Богатырева 2018]. Получаем, что применительно к экономическому принципу происхождения товаров, кумуляция – увеличение путем накопления (расширения границ), что дает основания считать такую кумуляцию **материальной**.

Сравнительно недавно этот термин приобретает новое значение в **страховании** (как одной из отраслей экономики), где дефиниция кумуляции принципиально сопоставима с **функционально** ориентированным значением этого термина в медицине. Здесь кумуляция есть совокупность рисков, при которой большое количество застрахованных объектов может быть затронуто одним страховым случаем, в результате чего возникают большие убытки [Борисов 2006].

Приведенные выше дефиниции позволяют сделать вывод о том, что при всем многообразии определений в естественно-научном и нелингвистическом гуманитарном описании доминантными значениями термина «кумуляция» остаются значения, первоначально выделенные в медицине: 1) материальная кумуляция, т. е. механическое накопление некоторого количества чего-либо (вещества, стран происхождения товаров); 2) функциональная кумуляция, суть которой – в усилении эффекта, производимого определенными объектами реальности (действующим веществом лекарственного препарата, пробивной силой заряда, страховым случаем).

3. **Филология: фольклористика и литературоведческий анализ.** Наряду с физикой и экономикой, кумуляция получает терминологический статус в исследованиях **филологов**, где используется сначала как термин фольклористики, а затем – литературоведения.

Так, выдающийся советский филолог-фольклорист В. Я. Пропп пишет, что основной композиционный прием сказок, сюжет которых построен на основе архаичного принципа кумуляции, «состоит в каком-либо многократном, всё нарастающем повторении одних и тех же действий, пока создаваемая таким образом цепь не обрывается или же не расплетается в обратном, убывающем порядке» [Пропп 2000, с. 343–344]. Так построен сюжет обрядовых, сказочных, юмористических, детских фольклорных произведений, таких как, например, колыбельные или считалки. Таким образом, в традиционной **фольклористике** «кумуляция» сохраняет свое **материальное** значение скопления, поскольку здесь речь идет о нагромождении фрагментов сюжета, т. е. о хаотичном увеличении количества однородных объектов.

В современном **литературоведении** при помощи кумуляции как принципа построения сюжета произведений нефольклорных жанров описываются сюжеты хроникальные, где отдельно происходящие события объединены только временем действия, и многолинейные, где несколько параллельно развивающихся событийных линий спорадически пересекаются, тем самым влияя на обстоятельства жизни задействованных в них героев [Федоров 2011]. Таким образом, в литературоведении наблюдается две различные интерпретации термина «кумуляция». В первом случае, в хроникальных сюжетах, кумуляция есть особый временной способ регистрации этапов перерождения личности персонажа через описание отдельных происходящих с ним событий, которые, в конце концов, и приводят его к качественному, обычно положительно окрашенному, перерождению личности. В неоклассической литературе кумуляция чаще призвана показать обратное, отрицательно заряженное качественное изменение в личности героя. Здесь речь идет о крушении мечтаний и планов, которые приводят к отчуждению персонажа сначала от обстоятельств реальной жизни, а затем и от самой жизни. Соответственно, в фольклористике кумуляция используется в **материальном** значении термина, тогда как для литературоведения характерна **функциональная** трактовка кумуляции, связанная с прогрессом (или регрессом) личности персонажа.

4. **Лингвистика.** Значимость и высокая образность слова кумуляция в определенный момент привлекает внимание исследователей, создающих работы **на стыке лингвистики и литературоведения**. В частности, Р. О. Якобсон, выдающийся литературовед и лингвист, критически оценивая идеи чешского лингвиста Якубинского, формирует следующее рассуждение. В своем лекционном курсе, посвященном обоснованию научной идеологии формализма, Якобсон отмечает, что фонологически значимый прием кумуляции – скопления звуков определенного типа – востребован, в основном, в поэтическом языке, в то же время кумулятивные кластеры временами используются и в практическом повседневном языке. Однако природа и задачи кумуляции в этих функциональных стилях оказываются разными. Если поэзия использует кумуляцию телеологично, как литературный прием, призванный создать и передать определенный эффект – задумку автора (например, намеренное скопление свистящих и шипящих звуков для создания эффекта шелеста деревьев), что отражает ее **материальный** характер, то применение кумуляции в практическом языке всегда каузально, а значит, **функционально детерминировано** [Якобсон 2011, с. 71–72].

В **собственно лингвистическом описании** термин «кумуляция» сегодня используется для описания такой модели, которая строится на глубокой асимметрии между планом выражения и планом содержания естественного языка, где принципиально бесконечное количество смыслов может выражаться ограниченным количеством формальных средств, как лексических, так и грамматических [Жеребило 2016]. С точки зрения лексической семантики кумуляция – основное свойство лексики естественного языка, так как многозначность характеризует словарь практически любого такого языка. В грамматическом морфологическом смысле, рассмотрение кумуляции предлагает академик Плунгян: «При кумуляции грамматических значений несколько различных в данном языке граммах выражаются одним морфологически нечленимым показателем» [Плунгян 2003, с. 42]. Такое значение кумуляции В. А. Плунгян определяет как синкретизм. Например, наличие окончания *-ая* у прилагательного *красивая* дает основание говорить о том, что это прилагательное женского рода использовано в единственном числе и именительном падеже. Из сказанного делаем вывод, что применение термина «кумуляция» в морфологии обнаруживает его интерпретацию несколько в ином ключе: здесь речь

идет не только о его функциональном аспекте, но и о накоплении как **принципе экономии в языке** без утраты качества выражения. Свойство языка, описанное в морфологии при помощи кумуляции, дает естественному языку возможность сохранить сравнительно небольшой объём формальных средств выражения, позволяя при помощи этого инструментария поверхностно описать несопоставимо большее количество смыслов – как лексических, так и грамматических.

Заключение

Итогом проведенного исследования можно считать, что термин «кумуляция», востребованный в описании явлений наук как естественных, так и гуманитарных, в своем терминологическом использовании, в первую очередь, сохраняет компонент значения «множественности объектов».

Обобщая прочие смысловые возможности искомого термина, мы будем считать, что его использование в исследовании по грамматической (синтаксической) проблематике вполне уместно в силу целого ряда характеристик, обнаруженных в нашем анализе. Вместе с тем, если в естественных и гуманитарных лингвистических науках он трактуется по аналогии с медициной – в одних областях знания преобладает материальное содержание кумуляции, в других – приоритет отдан ее функциональному значению, – то в **лингвистике кумуляция** рассматривается в несколько ином свете и **имеет собственное уникальное расширение**.

1. Не вызывает сомнения связь кумуляции с законами человеческого бытия и мышления. Полагаем, что **кумуляция** может считаться **отражением в языке** (и речи) философского закона **перехода количества в качество**, согласно которому развитие происходит за счет накопления количественных изменений, которые, достигая определенной концентрации, выходят за существующие рамки, совершая, таким образом, качественный переход к новому состоянию исходного объекта или явления.

2. Принцип причинности, также составляющий один из базовых законов существования объектов природы, к которым относится и человек, и, опосредованно, его языковое сознание, дает основания рассматривать ее как векторное явление, что говорит о потенциальной способности кумуляции к упорядочению. Отсюда **кумуляция – механизм мышления синкретического сознания, представляющий**

собой способ организации или упорядочения мира посредством выстраивания цепочек объектов. Применительно к многокомпонентному атрибутивному словосочетанию, в роли таких объектов выступают признаки-определения, формирующие атрибутивную цепочку.

3. В лингвистике **кумуляция – явление антимеханистичное**, она не соотносима с материальным аспектом кумуляции в медицине. Атрибуты, связанные посредством кумуляции, не являются однородными компонентами словосочетания, в противном случае возможным стало бы их присоединение посредством сочинительной связи, а также изменение порядка их следования в атрибутивной цепи.

4. Функциональная ориентация термина позволяет говорить не только о переходе количества в принципиально новое качество, но и о **возможности экономично использовать средства языка** для описания такого перехода. В приведенном ранее примере *chill morning air* последовательность определений позволяет передать следующий смысл: *the air is chill because it is morning*, что является наглядным примером работы принципа экономии в языке **на основе кумуляции**, реализующей свертку плана выражения при интенсификации плана содержания.

5. Внешними (экстралингвистическими) факторами для упорядочивающей кумуляции могут выступать как хроникальные, так и личностно-прагматические зависимости. В этом смысле атрибутивное словосочетание есть результат агрегации комплексного знания, компоненты которого материализованы, но не располагаются в произвольном порядке по отношению друг к другу. Поверхностное устройство словосочетания **на основе кумуляции** представляет собой необратимую многомерную языковую структуру, где использование атрибута в определенной позиции отражает **прагматически детерминированное целенаправленное «нанизывание»**, таким образом фиксируя роль признака в бытии объекта и, соответственно, закрепляя за определением, являющимся поверхностным выражением этого признака, постоянное место в атрибутивной цепи.

6. **Кумуляция** не является беспредельной, поскольку сама идея качественного усиления свойств в объекте **имплицитно предполагает наличие некоего предела**. Отражая данное свойство, язык не предполагает возможности использования бесконечного количества определений в составе одного атрибутивного словосочетания.

Суммируя сказанное, кажется терминологически обоснованным использование кумуляции с целью описания связи между

определениями в атрибутивном словосочетании. Если кумуляция – набор когнитивных операций, определяющий направленность сбора информации об описываемом объекте и способы ее кодирования в языке [Павлюк 2016], то для ее репрезентантов – атрибутивных цепочек, элементы которых связаны кумулятивной связью, – будут свойственны предельность, ригидность и предсказуемость структуры, что чрезвычайно важно для последующей воспроизводимости атрибутивного словосочетания в речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Борисов А. Б. Кумуляция // Большой экономический словарь. М.: Книжный мир, 2006. [Borisov, A. B. (2006). Kumuljacija (*Cumulation*). Bol'shoj Jekonomicheskij Slovar'. Moscow: Knizhnyj mir. (In Russ.)].
- Бурлакова В. В. Основы структуры словосочетания в современном английском языке. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1975. [Burlakova, V. V. (1975). Osnovy struktury slovosochetanija v sovremennom anglijskom jazyke (*Phrase Structure in Modern English*). Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta. (In Russ.)].
- Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов и понятий. Назрань: Пилигрим, 2016. [Zherebilo, T. V. (2016). Slovar' lingvisticheskikh terminov i ponjatij (*Dictionary of Linguistic Terms and Notions*). Nazran': Piligrim. (In Russ.)].
- Павлюк О. Н. Кумуляция как когнитивная деятельность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Языкознание. 2016. Вып. 21 (760). С. 81–90. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest-2016/21_760.indd-1.pdf [Pavlyuk, O. N. (2016). Cumulation as Cognitive Activity. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Linguistics*, 21 (760), 81–90. (In Russ.). URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest-2016/21_760.indd-1.pdf].
- Кумуляция // Большая российская энциклопедия. Электронная версия / гл. ред. С. Л. Кравец. URL: <https://bigenc.ru/medicine/text/2121705> (дата обращения: 13.06.2020). [Kumuljacija. (*Cumulation*). In S. L. Kravets (ed.), *Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija*. URL: <https://bigenc.ru/medicine/text/2121705> (data obrashhenija: 13.06.2020). (In Russ.)].
- Плунжан В. А. Аддитивная модель морфологии и отклонения от нее. Общая морфология: Введение в проблематику : учебное пособие. М.: Едиториал УРСС, 2003. [Plungjan, V. A. (2003). Additivnaja model' morfologii i otklonenija ot nejo (*Additive Model in Morphology and Deviations from It*). Obshhaja morfologija: Vvedenie v problematiku: Uchebnoe posobie. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)].

- Прогунова Л. В., Богатырева С. В. Кумуляция как инструмент интеграции в экономике глобальных цепочек и растущего протекционизма // Международная торговля и торговая политика. 2018. № 3 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kumulyatsiya-kak-instrument-integratsii-v-ekonomike-globalnyh-tsepochk-i-rastuschego-proteksionizma> (дата обращения: 11.06.2020). [Progunova, L. V., Bogatyreva, S. V. (2018). Cumulation as Means of Integration in Economy of Global Chain and Growing Protection. *Mezhdunarodnaja trgovlja i trgovaja politika*. № 3 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kumulyatsiya-kak-instrument-integratsii-v-ekonomike-globalnyh-tsepochk-i-rastuschego-proteksionizma> (data obrashhenija: 11.06.2020). (In Russ.)]
- Пропп В. Я. Русская сказка // Собрание трудов В. Я. Проппа / науч. ред. Ю. С. Рассказова. М.: Лабиринт, 2000. [Propp, V. Ja. (2000). *Russkaja skazka (Russian Fairytale)* // *Sobranie trudov V. Ja. Proppa*. In Ju. S. Rasskazova (ed.), Moscow: Labirint. (In Russ.)].
- Реальная физика. Глоссарий по физике. URL: <https://bourabai.ru/physics/1872.html> (дата обращения: 10.06.2020). [Real'naja fizika (Real Physics). Glos-sarij po fizike. URL: <https://bourabai.ru/physics/1872.html> (data obrashhenija: 10.06.2020). (In Russ.)].
- Федоров В. В. Кумулятивный принцип сюжетостроения в современной русской литературе // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. 2011. №3 (218). С. 138-142. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kumulyativnyy-printsip-syuzhetostroeniya-v-sovremennoj-russkoj-literature> (дата обращения: 11.06.2020). [Fedorov, V. V. (2011). Cumulation as Means of Development of Action in Modern Russian Literature. *Vestnik of Chelyabinsk State University. Philology*, 3 (218), 138–142. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kumulyativnyy-printsip-syuzhetostroeniya-v-sovremennoj-russkoj-literature> (data obrashhenija: 11.06.2020). (In Russ.)].
- Якобсон Р. О. Формальная школа и современное литературоведение. М. : Языки славянских культур, 2011. [Jakobson, R. O. (2011). *Formal'naja shkola i sovremennoe literaturovedenie (Formalism in Modern Literary Studies)*. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur. (In Russ.)].

УДК 81'27, 811.111

Е. Э. Панченко

преподаватель кафедры второго иностранного языка института иностранных языков им. М. Тореза Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: tvpanch@yandex.ru

ОБРАЗ ДИСНЕЕВСКОЙ ПРИНЦЕССЫ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается трансформация образов главных героинь анимационных фильмов компании «Дисней». Объектом исследования является поведение, в том числе речевое, главных героинь мультфильмов Диснея. Цель статьи – проанализировать с помощью качественного контент-анализа изменение образа официальных принцесс Диснея в период с 1937 по 2016 гг. и выделить вербальные и невербальные средства создания гендерной модели их поведения. Проведенный анализ показал, что образ главной героини анимационных фильмов Диснея про принцесс не статичен и стремится соответствовать актуальным тенденциям.

Ключевые слова: гендерные исследования; гендерные стереотипы; гендерные модели; анимация; гендерный портрет; принцесса Диснея.

E. E. Panchenko

Lecturer, Department of Second Foreign Language, M. Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University;
e-mail: tvpanch@yandex.ru

DISNEY PRINCESS IMAGE: BEHAVIOUR DYNAMICS AND ITS REFLECTION IN LANGUAGE

The article focuses on the dynamic image of the main female characters of Disney cartoons. The object of the study is verbal and non-verbal behaviour of the main female characters of Disney cartoons. The study uses qualitative content analysis to investigate dynamics of Disney princesses' gender models from 1937 to 2016 and singles out verbal and non-verbal means of their construction. The analysis reveals that the image of Disney princesses is dynamic and follows current tendencies in society.

Key words: gender studies; gender stereotypes; gender models; animation; gender portrait; Disney princess.

Введение

С появлением и развитием средств массовой коммуникации появился новый тип текста – кинотекст, который представляет собой отдельный вид медиатекста, существующий «в экранных условиях

пространственно-временных измерений» [Усов 1980, с. 17], воспринимающийся аудиально и визуально, обладающий коммуникативной направленностью, выражающейся в наличии адресанта, адресата, канала связи между ними и сообщения [Лотман 1973]. Особенностью кинотекста является функционирование двух семиотических систем: лингвистической – слова написанные (титры, письмо, плакат и т. д.) и звучащие (реплики, закадровый текст, песня), и нелингвистической – естественные и технические шумы, музыка, видеоряд (например, люди или предметы), жесты, мимика, манипуляции с предметами. Как указывает Г. Г. Слышкин, изучение кинотекста в рамках лингвистики является закономерным и оправданным, поскольку кинотекст обладает основными характеристиками, присущими тексту [Слышкин 2004].

Н. Смелзер отмечает роль средств массовой информации, в том числе кинотекста, в воздействии на подрастающее поколение, которое сопоставимо с влиянием родителей: «Символическое содержание, представленное в этих средствах массовой информации, оказывает глубокое воздействие на процесс социализации, способствуя формированию определенных ценностей и образов поведения» [Социология 1994, с. 117]. Б. Вирсма также подчеркивает, что кинотекст содержит определенный набор ценностей и представлений, который транслируется детям в виде «экшена» в стилизованной, повторяющейся манере [Wiersma 2000, с. 7] и вносит вклад в формирование представлений о гендерных ролях у детей [Wiersma 2000, с. 14].

Указанные представления необходимы для гендерной социализации, в результате которой формируется гендерная идентичность личности и возможность выстраивать социальные взаимодействия с другими представителями общества [Авдулова 2009]. Гендерные модели поведения, в данном случае, транслируемые через кинотекст, по мнению М. В. Томской, оказывают значительное влияние на сознание индивидов и на их представления о мире, поскольку данный вид информации определяет внутреннюю готовность человека воспринимать и оценивать явления окружающего мира, действовать по отношению к ним [Томская 2003].

Таким образом, кинотексты, а именно – анимационные фильмы компании «Дисней», служат средством трансляции гендерной модели поведения и гендерных стереотипов, что делает их подходящим объектом для проведения качественного контент-анализа. Исследование речевого поведения героинь выявило общие черты образов и то, как они трансформируются под влиянием развития общества.

Изменение модели поведения главной героини в мультипликации «Дисней»

Проведенный нами качественный контент-анализ анимационных мультфильмов Диснея позволил выделить несколько стандартных характеристик, которые составляют гендерный портрет главной героини.

Вербальные характеристики: обращение к принцессе; лексические единицы, характеризующие ее постоянные качества; тематика, интересующая принцесс; их речевое поведение.

Невербальные характеристики: внешний вид (красота, одежда); антагонист (антагонисты женского пола представляют собой набор отрицательных женских характеристик, которых «правильные» героини должны избегать, с ними главная героиня конкурирует за внимание мужчин; с антагонистами мужского пола конкуренция идет за власть и влияние); пассивность / активность (насколько персонаж зависит от остальных); отношения с главным мужским персонажем (насколько быстро развиваются отношения и заканчиваются ли они свадьбой); наличие / отсутствие роли жертвы (спасает персонаж других или спасают его); популярность (восприятие другими персонажами); разрешение конфликтной ситуации (чьи действия привели к победе над антагонистом).

Такой подход к описанию гендерного портрета кажется нам наиболее полным, так как соответствует структуре кинотекста, которому, как уже упоминалось выше, присущи разного рода семиотические характеристики.

Говоря о гендерных моделях поведения и гендерных стереотипах, необходимо упомянуть те, на которые мы опираемся при описании «традиционного» поведения главных героинь мультфильмов «Дисней». Семантический анализ глаголов, описывающих действия героев русских и английских волшебных сказок, позволил выделить следующие признаки, характерные для женских персонажей, а именно: с хорошим характером (милая, добрая, послушная, скромная, вежливая, позитивная), трудолюбивая и заботливая. К мужским чертам характера относятся ум, хитрость, смелость, упорство и активность (например, спасение других персонажей) [Панченко 2018].

Исходя из количества схожих стандартных характеристик героинь, а также принимая во внимание их речевые портреты, мы считаем

логичным выделить четыре периода в трансформации образа принцесс Диснея.

Ранний период (1937–1959): Белоснежка, Золушка, Аврора

Героини мультфильмов этого периода наиболее стереотипизированы, поскольку в это время роль женщины в Америке сводилась к заботе о доме и семье. Именно поэтому все героини соответствуют традиционной женской модели поведения: они послушны, хозяйственны, заботливы, пассивны и не могут решить проблемную ситуацию без помощи мужского персонажа (т. е. исполняют роль жертвы). Такая характеристика делает их популярными среди остальных персонажей; у принцесс (кроме Белоснежки) утрированно женственные фигуры (узкая талия, широкие бедра, объемная грудь); они мечтают о замужестве, влюбляются в главного мужского персонажа с первого взгляда и в конце мультфильма выходят за него замуж. Данные героини противопоставляются взрослым властным женщинам, которые являются единственными отрицательными персонажами.

Инфантилизация принцесс происходит и за счет языковых единиц: наиболее частотные обращения к Авроре, Золушке и Белоснежке – *child, little / sweet princess, dear*; мачеха в образе старухи называет Белоснежку *my pet* и *dearie*. Говоря о Белоснежке, Золушке и Авроре, персонажи мультфильмов упоминают только их красоту (*lips red as the rose, the fairest of all, a sunset in a frame*) и покладистый характер Золушки (*remained ever gentle and kind*). Темы, интересующие принцесс, отражаются в песнях, которые они исполняют: Белоснежка и Аврора мечтают о любви и замужестве (*And away to his castle we'll go / To be happy forever / And wedding bells will ring / Some day when my dreams / Come true; But if I know you / I know what you'll do / You'll love me at once*), Золушка поет, что то, во что веришь, обязательно сбудется, и затем попадает на бал (*If you keep on believing / The dreams that you wish will come true*).

Что касается речевого поведения принцесс данного периода, то они не перечат другим персонажам (*All right, all right; It's certainly not my idea to feed you first. It's orders*), хотя они могут давать указания помощникам-зверьям и, в случае Белоснежки, гномам, которые ведут себя, как дети (*Now, calm down, everybody; Now, you wash the dishes*). Если нужно попросить других персонажей о чем-то, принцессы умоляют их об этом (*Please don't send me away; You can't keep me in here! Please...*).

Начало переходного периода (1959–1992):

Ариэль, Белль, Жасмин

Этот период характеризуется второй волной феминизма (1960–1990 гг.), однако феминистические идеи находят отражение в образах героинь лишь в конце переходного периода. Принцессы по-прежнему исполняют роль жертвы и не могут решить проблемную ситуацию без вмешательства мужского персонажа. Сначала брак их не интересует, отношения с мужским персонажем развиваются дольше, но в конце мультфильма героини обязательно выходят замуж. Антагонисты женского пола отсутствуют у двух принцесс, на смену им приходят антагонисты-мужчины; впервые у принцесс появляются некоторые мужские качества, такие как упрямство, непокорность, смекалка и частично смелость, что делает их менее пассивными и угнетаемыми. Отличительной особенностью этого периода является сексуализированный образ героинь: у них объемная грудь, широкие бедра, тонкая талия и открытая одежда.

Обращения к принцессам приобретают несколько иной оттенок: теперь только отрицательные персонажи называют принцесс *poor child, lost soul, poor little princess, my precious girl, dear*, чтобы убедить их в беспомощности. К принцессам почти всегда обращаются по имени либо, как в случае с Жасмин, по титулу – «Принцесса», что подчеркивает ее статус; Белль нередко называют *that girl*, так как ее независимое поведение вызывает непонимание у окружающих.

По мнению других персонажей, и Белль, и Ариэль красивы (*the most beautiful girl in the town; pretty little daughter; look wonderful*), но первую из-за ее любви к книгам и фантазированию считают странной (*peculiar, dreamy, odd, nose in the book*), она также первая из принцесс, проявившая смелость (*That was a very brave thing you did*); Ариэль, в свою очередь, считается безответственной и упрямой (*reckless, careless, headstrong*). Аладдин описывает Жасмин, в первую очередь, как умную и веселую девушку и только потом упоминает, что она красивая; отец же считает ее привередливой (*Her mother wasn't nearly so picky*).

Исходя из их песен, Ариэль, Белль и Жасмин хотят открыть для себя новый мир, поскольку в своем окружении чувствуют себя некомфортно (*I wanna be where the people are... Wish I could be Part of that world / I want much more than this provincial life I want adventure / A whole new world – A dazzling place I never knew*). Что касается речевого

поведения принцесс данного периода, Ариель, Белль и Жасмин могут умолять, но они же первыми начинают спорить (*Daddy, I had to; Yes I can!; The law is wrong*), приказывать мужским персонажам (*Leave me alone!; Don't you talk about my father that way!; Unhand him, by order of the princess!*) и даже иронизировать, что указывает на высокий интеллект и уход от «милого» образа (*Why don't you go tell my father? You're good at that; You were just playing with that overdressed, self-absorbed Prince Achmed, weren't you?*).

Конец переходного периода (1992–1995): Покахонтас, Мулан

У принцесс нет женских антагонистов, к ним нейтрально относятся другие персонажи; у Мулан прямая фигура, Покахонтас менее сексуализирована по сравнению с принцессами начала периода. Они мечтают не о браке, а о том, чтобы понять и принять себя; принцессы сохраняют некоторые женственные характеристики, такие как нежность, забота и доброта, но в них преобладают мужские черты (смелость, упрямство), они не жертвы. Принцессы также вовлечены в традиционно мужские занятия (дипломатия и война), что делает их активными, в отличие от принцесс предыдущих периодов, однако мужские качества в принцессах часто воспринимаются остальными как негативные. Впервые принцесса не выходит замуж (Покахонтас), а у Мулан отношения, хотя и закончились свадьбой, развивались дольше, чем у остальных принцесс.

Мулан и Покахонтас в качестве обращения чаще всего слышат свое имя либо *daughter* – последнее также выражает семейные связи, но уже не имеет такого инфантильного оттенка, как слово *child*. Начиная с мультфильма про Покахонтас, у принцесс все чаще проявляются лидерские качества, такие как ум, смелость, настойчивость. Например, про Покахонтас отец говорит, что она мудра не по годам и в ней – смелость и понимание (*My daughter speaks with wisdom beyond her years; she comes with courage and understanding*). Мулан является «лицом» всей семьи (*We are counting on you to uphold the family honour; The greatest gift in honour is having you for a daughter*).

В своих песнях и Покахонтас, и Мулан сомневаются в себе и хотят понять, кто они на самом деле (*Should I choose the smoothest course? / Who is that girl I see / Staring straight back at me / Why is my reflection someone I don't know*). Важная деталь, появляющаяся в речевом поведении Покахонтас и Мулан заключается не только в том, что

они отдают приказы мужским персонажам, которые занимают более высокое социальное положение, – отцу-вождю и капитану армии (*No! If you kill him you'll have to kill me, too; Shang! Go! Get off the roof*), но и в том, что последние их слушаются.

Современный период (1995–2016): Тиана, Рапунцель, Моана

Всё бóльшая часть американского общества заинтересована в идеях феминизма, которые получают дальнейшее развитие в 2000-е гг., что значительно отражается на образе главных героинь. У принцесс разные фигуры (округлая, более прямая и прямая), к ним нейтральное отношение, они обладают как женскими, так и мужскими качествами и очень активны: в равной степени занимаются домашними делами и участвуют в рискованных приключениях, разрешая проблемные ситуации.

Их отношения с мужскими персонажами выстраиваются по модели партнерства и взаимопомощи – каждый персонаж достаточно самостоятелен, но именно совместные действия приводят их к желаемому результату. Отношения с мужскими персонажами и у Тианы, и у Рапунцель развиваются продолжительное время; у Моаны романтическая линия отсутствует вообще. У двух героинь антагонист – женщина, но только Рапунцель соперничает с ней за мужское внимание. Из трех принцесс Рапунцель ближе всего к образу раннего периода, она даже исполняет роль жертвы и пользуется популярностью у остальных, но при этом совершает значительное количество действий, определяющих ход сюжета, что позволяет назвать ее активным персонажем.

В этот период главные мужские персонажи могут снисходительно называть принцесс *blondie* (Рапунцель), *girlie* (Моана), *Tiana, the waitress*. По мнению других персонажей, Тиана – работящая и серьезная (*It's a shame you are working so hard; I don't have time for dancing, I need to work even harder*); Рапунцель – принцесса, которую стоило ждать и которая правила мудро (*She was a Princess worth waiting for... she led her kingdom with all her grace and wisdom*); Моана – дочь вождя, будущее своего народа (*I'm the daughter of the chief; You are the future of our people*).

В песне Моаны не упоминается замужество, но упоминается роль лидера племени (*I can lead with pride, I can make us strong, I'll be satisfied, if I play along, but the voice inside, sings a different song, what is wrong with me*). Рапунцель хочет вырваться из-под материнской опеки (*Stuck in the same place I've always been... Wondering, just when will my*

life begin?). Тиана решительно идет к своей цели – хочет стать владелицей успешного ресторана (*But I know exactly where I'm going; I'm getting closer and closer every day*).

Речевое поведение принцесс данного периода существенно отличается от предыдущих. Тиана обзывается и насмехается над Навином, что идет вразрез с устоявшимся образом милой девушки (*Sleeping beauty! I just might hire you... no*), а Рапунцель и Моана шантажируют мужских персонажей и хитростью заставляют их делать то, что им надо (*You will act as my guide. Take me to these lanterns, and return me home safely. Then, and only then, will I return your satchel to you. That is my deal; I'm here 'cause you stole the heart of Te Fiti! And you will board my boat, and sail across the sea and put it back!*). С каждым новым мультфильмом замужество играет все менее важную роль в жизни принцесс, вместо этого они хотят понять себя, самореализоваться и достичь своих целей.

Заключение

Образы главных героинь в анимационных фильмах о принцессах компании «Дисней» за почти восьмидесятилетнюю историю претерпели существенные изменения. Основываясь на характеристиках принцесс, формирующих их гендерный портрет (внешний вид, антагонист, социальный статус, пассивность / активность, роль жертвы, отношение с главным мужским персонажем, популярность и разрешение конфликтной ситуации), а также на речевом портрете (обращение, тематика, речевое поведение), можно сделать вывод, что гендерная модель поведения главных женских персонажей трансформировались из сильно стереотипизированной в более андрогинную. В этой связи следует выделить четыре периода в развитии женского образа: ранний, начало и конец переходного и современный; при этом сходство героинь одного периода уменьшается с течением времени.

Речевой портрет принцесс компании «Дисней» заметно изменился: их речевое поведение становится более разнообразным и агрессивным (от просьбы до приказа и шантажа; они также могут иронизировать и подшучивать над остальными), как и темы, которые они затрагивают (принцессы более поздних периодов поют не о замужестве, а о поиске своего «я», реализации своих целей). Описывая принцесс, окружающие все реже отмечают их красоту, в отличие от

их личностных качеств, которые можно назвать лидерскими (ум, смелость, настойчивость, хитрость), что прослеживается и в обращении к принцессам: уменьшительно-ласкательные обращения, частотные в раннем периоде, приобретают негативную коннотацию в позднем периоде.

Проведенный анализ образов главных героинь мультфильмов компании «Дисней» позволяет сделать вывод, что она реагирует на социальные изменения в обществе и положение женщины в нем, а трансформация образов женских и мужских персонажей делают их анимационную продукцию актуальной и конкурентоспособной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Авдулова Т. П. Гендерная социализация и структура общения в отрочестве // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2009. Вып. 5 (7). [Avdulova, T. P. (2009). Trends in socialization of teenagers in the context of information preferences. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 5 (7). <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n5-7/220-avdulova7.html> (In Russ.)].
- Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллинн: Ээстираамат, 1973. [Lotman, Yu. M. (1973). *Semiotika kino i problemy kinoestetiki (Film Semiotics and Problems of Film Aesthetics)*. Tallinn: Eestiraamat. (In Russ.)].
- Панченко Е. Э. Концепты «Мужчина» и «Женщина» в русских и английских волшебных сказках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 18 (816). С. 246–256. [Panchenko, E. E. (2018). Concepts «Man» and «Woman» in Russian and English Fairytales. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 18 (816), 246–256. (In Russ.)].
- Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей, 2004. [Slyshkin, G. G., Efremova, M. A. (2004). *Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza) (Film Discourse based on experience of linguistic cultural analysis)*. Moscow: Vodolej. (In Russ.)]
- Смелзер Н. Социология: перевод с английского. М.: Феникс, 1994. [Smelser, N. (1994). *Sociologiya: perevod s anglijskogo (Sociology: Translated from English)*. Moscow: Feniks. (In Russ.)]
- Томская М. В. Гендерный аспект рекламы // Летняя школа «Общество и гендер». 2003. [Tomskaya, M. V. (2003). *Gendernyj aspekt reklamy (Gender Aspect of Advertising)* // *Letnyaya shkola «Obshchestvo i gender»*. 2003. (In Russ.)]. URL: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/tomskaya.htm> (дата обращения: 21.04.2020).

- Усов Ю. Н. Методика использования киноискусства в идейно-эстетическом воспитании учащихся 8–10 классов. Таллин: Министерство просвещения, 1980. [Usov, Yu. N. (1980). Metodika ispol'zovaniya kinoiskusstva v idejno-esteticheskom vospitanii uchashchihsya 8–10 klassov (*Method of Using Film Art in Ideology and Aesthetics Upbringing among 8–10-Form Students*). Tallin: Ministerstvo Prosvesheniya (In Russ.)].
- Wiersma, B. A. The Gendered World of Disney: A Content Analysis of Gender Themes in Full-length Animated Disney feature Films // Electronic Theses and Dissertations. 2000. URL: <https://openprairie.sdstate.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2925&context=etd> (дата обращения: 20.04.2020).

УДК 81'37.111

Е. А. Попова

кандидат филологических наук;
старший преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка
факультета английского языка Московского государственного лингвистического
университета; e-mail: katandr25@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕДЛОЖНЫХ ПАССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена особенностям употребления предложных пассивных конструкций в английском языке. В работе обсуждаются типы предложных пассивных конструкций и ограничения на их употребление. Дается обзор учебной и справочной литературы по данному вопросу. Кроме того, был осуществлен выборочный анализ частотности определенных словосочетаний в пассиве с привлечением корпусных данных. Делается вывод о том, что продуктивность употребления глагола в предложном пассиве может быть связана с его лексическим значением.

Ключевые слова: страдательный залог; пассивные конструкции; предложный пассив; переходность; дополнение.

Е. А. Попова

PhD (Philology), Senior Lecturer, Department of Grammar and History of the English Language, The English Language Faculty, Moscow State Linguistic University;
e-mail: katandr25@rambler.ru

THE USE OF PREPOSITIONAL PASSIVE CONSTRUCTIONS IN ENGLISH

The article deals with the particularities of the Prepositional Passive in English. Different types of prepositional passive constructions and restrictions to their use are described. The article contains a survey of literature devoted to this question. The frequency of certain word combinations with verbs in the passive voice is analysed with the help of corpus data. In the conclusion it is shown that the productivity of a prepositional passive construction may be closely correlated with the lexical meaning of the verb.

Key words: the passive voice; passive constructions; the Prepositional Passive; transitivity; object.

Введение

При трансформации предложения в действительном залоге в страдательный залог подлежащим становится бывшее дополнение глагола сказуемого: *He wrote the book – The book was written.* Одна

из характерных особенностей страдательного залога в английском языке – это способность использовать в качестве подлежащего пассивной конструкции не только прямое дополнение глагола в активном залоге. Подлежащее предложения в страдательном залоге может соответствовать косвенному дополнению: *They gave Mary a book – Mary was given a book*. Такая конструкция получила в литературе название *the Indirect Passive* [Крылова, Гордон 1999, с. 89]. Также подлежащее в пассиве может соответствовать предложному дополнению: *They spoke about the book – The book was spoken about*. Данная конструкция обычно называется *the Prepositional Passive* и помимо английского, была найдена лишь в некоторых языках германской группы, напр. в норвежском [Alsina 2009], в нигеро-конголезских языках вата и гбади, некоторых диалектах канадского французского [Findlay 2016].

Таким образом, предложный пассив представляет собой уникальное явление, характерное для весьма ограниченного ряда языков. Кроме того, далеко не каждый глагол с предложным управлением будет продуктивно использоваться в данной пассивной конструкции.

В статье речь пойдет об особенностях предложных пассивных конструкций и ограничениях на их образование. Будет дан обзор литературы по этому вопросу. Для выявления частотности и продуктивности предложного пассива с разными словосочетаниями будут привлечены корпусные данные. При проведении исследования будут использованы элементы трансформационного анализа, контекстуального анализа, количественного анализа.

Типы предложных пассивных конструкций

В литературе приводятся различные классификации предложных пассивных конструкций [Грамматика английского языка ... 1985; Крылова, Гордон 1999; Downing, Locke 2006; Huddleston, Pullum 2016]. Наиболее часто выделяют следующие подтипы.

Конструкции первого типа включают глаголы, которые сочетаются с предлогом и именной группой в функции дополнения. Отметим, что в пассивном залоге предлог сохраняет свою позицию после глагола, например: *to speak about – The book was spoken about, to listen to – He was listened to, to look at – The picture was looked at* [Крылова, Гордон 1999].

Важно отметить, что если у глагола есть и прямое, и предложное дополнение, подлежащим пассивной конструкции может стать только

прямое дополнение: *He was charged with assault* [Downing, Locke 2006, с. 95; Huddleston, Pullum 2016, с. 278].

Конструкции второго типа включают глаголы в сочетании с наречием, предлогом и дополнением, например: *to put up with – It won't be put up with, to look forward to – It had been looked forward to* [Грамматика английского языка ... 1985; Huddleston, Pullum 2016].

По сути, здесь речь идет о фразовых глаголах, которые образуют цельную семантическую единицу, соответственно, было бы логично рассмотреть дополнение такого глагола как прямое, и назвать пассивную конструкцию с этим глаголом *the Direct Passive*. Однако в литературе, как правило, такое терминологическое различие не делается, и случаи пассива с фразовыми глаголами рассматриваются в разделе о предложных пассивных конструкциях [Грамматика английского языка ... 1985].

Конструкции третьего типа включают глаголы, входящие в фразеологические сочетания (идиомы) типа: *to make fun of, to find fault with, to catch sight of*, например, *to take care of – The child will be taken care of* [Грамматика английского языка ... 1985; Крылова, Гордон 1999]. Многие из таких фразеологических сочетаний имеют синонимы в виде монотранзитивных глаголов: *to find fault with – to criticize* [Грамматика английского языка ... 1985, с. 81].

Отметим, что в некоторых случаях такие фразеологические единицы, в свою очередь, могут подвергаться трансформации при переводе предложения в страдательный залог, например: *to take notice of – No notice was taken of him* [Грамматика английского языка ... 1985, с. 82]. С большинством идиом такая трансформация невозможна, и подлежащим может становиться только дополнение, следующее за идиомой. Например, считается грамматически неправильным предложение **Sight was lost of our goal*, в то время как *Our goal was lost sight of* вполне допустимо [Huddleston, Pullum 2016, с. 288].

Еще один тип конструкции, который, строго говоря, не является предложным пассивом, поскольку не включает в себя глагол с предложным дополнением, это случаи типа: *The house was not lived in for many years; her bed was not slept in* и т. п. В данных предложениях предикатный глагол является непереходным и в теории не должен использоваться в страдательном залоге. Тем не менее в ряде случаев страдательный залог успешно образуется, при этом в позицию подлежащего выводится существительное / местоимение, которое до этого было в составе обстоятельства места (*to live in the house, to sleep in the bed*).

По-видимому, возможность пассивной трансформации в таких случаях связана с изменением фокуса внимания говорящего: на первый план выходит не действие некоего неизвестного субъекта, который (не) жил / спал / сидел в том или ином месте, а состояние, в котором находится данное место в результате действия. Допустим, дом имеет обжитой либо запущенный вид, постель может быть смята, если на ней спали, и т. д. Таким образом, имеет место семантический сдвиг, который делает использование пассивного залога возможным.

Ограничения на использование предложного пассива

В учебной литературе часто предлагаются упражнения на трансформацию активных предложений в пассивные и наоборот. Однако не всегда такая замена будет равноценной. Так, Р. Квирк и др. указывают на стилистические различия между предложениями в действительном и страдательном залоге, на структурные и семантические ограничения. Например, предложение *Beavers build dams* отличается по смыслу от *Dams are built by beavers* [A Comprehensive Grammar ... 1985, с. 165–166].

Меняется и информационная структура предложения: при наличии предложного дополнения с *by* пассив позволяет сконцентрировать внимание на производителе действия (*Those houses were built by John Walton*), если агент не указан, все внимание сосредоточено на процессе (*The town was rebuilt after the war*) [Carter, McCarthy 2015, с. 793–798]. Если в предложении, «вырванном» из контекста, трансформация из актива в пассив еще может быть успешной, при наличии контекста такие изменения могут привести к потере логической связи между предложениями.

Также существуют лексические ограничения, которые особенно важны при образовании предложных пассивных конструкций.

Известно, что далеко не все сочетания глагола с предложным дополнением могут свободно образовывать предложный пассив. В литературе описаны глаголы с предложным управлением, которые не используются в пассиве, например: *break with, come across, come between, come into, come under, consist of, dawn on, fall for, feel for, get over, go off, grow on, hold with, make for, stand by, stand for, stem from, take after* [Huddleston, Pullum 2016, с. 278]. От себя отметим, что многие из данных глаголов (*to come, to go, to fall, to stand*) в своих

основных значениях являются непереходными, что могло повлиять и на правила употребления их сочетаний с предлогами.

С другой стороны, есть определенные семантические группы глаголов, для которых предложные пассивные конструкции являются нормой:

- 1) глаголы, обозначающие речевую деятельность, например: *to speak about, to talk about, to speak to*;
- 2) глаголы, обозначающие насмешку либо неодобрение: *to frown at, to laugh at, to mock at, to sneer at*;
- 3) глагол *look* в сочетании с различными предлогами: *to look at, to look after, to look into, to look to, to look upon*;
- 4) разнородные по семантике глаголы, такие как *to send for, to rely on, to deal with* [Крылова, Гордон 1999, с. 91–92].

Устойчивые словосочетания проявляют разный уровень частотности в предложной пассивной конструкции. Например, запрос частотности сочетания *taken care of* в Британском национальном корпусе английского языка (BNC, <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>) дает 145 контекстов употребления, из которых 120 содержат данное выражение в составе пассивной конструкции (82,8 %), например: *They're being taken care of* (BNC 28 CE5). В то же время запрос сочетаний *got wind of* и *gotten wind of* в Британском национальном корпусе английского языка дает 30 и два результата соответственно, все – в действительном залоге, например: *You must have got wind of a name or two...* (BNC 6 CE5).

Интересно, что один и тот же глагол в сочетании с разными предлогами может иметь разную частотность в пассиве. Так, глагол *to look at* в различных формах пассива встречается в BNC гораздо чаще (349 раз), чем пассивные конструкции с *to look into* (31).

Использование глагола *to look*

в предложных пассивных конструкциях: корпусные данные

В настоящее время существует много языковых корпусов, применяемых как для научно-исследовательских целей, так и для обучения языку. Привлечение корпусных данных помогает выявить частотность того или иного глагола в пассивной конструкции, определить условия, в которых такая конструкция будет возможна и продуктивна.

Рассмотрим особенности использования глагола *to look* в пассиве. Выбор данного глагола для анализа обусловлен возможностью его сочетания с разными предлогами / наречиями в страдательном залоге.

Отметим, что глагол *to look*, согласно Кембриджскому словарю английского языка (Cambridge Dictionary), может использоваться в прямом значении «to direct eyes at sth» и обозначать перцептивную деятельность с использованием органов чувств (глаз). В этом случае он может сочетаться с различными предлогами, указывающими на направление взгляда, и предложным дополнением (*look at sth, look into sth*). Также данный глагол может означать «to search for sth», в этом случае он может сочетаться с предлогом *for* и дополнением (*look for sth*). В сочетании с наречиями и именными группами локативной семантики глагол может означать «to face a particular direction» («выходить (окнами) на что-либо») [Cambridge Dictionary URL].

Важно, что *look* может использоваться и как фразовый глагол, в этом случае он образует семантически неделимую единицу вместе со следующим за ним предлогом / наречием и предлогом и в большинстве случаев обозначает умственную деятельность субъекта. Например, *look at sth* может также означать «to think about a subject carefully so that you can make a decision about it», «to consider something in a particular way» («тщательно обдумывать, изучать что-либо») [Cambridge Dictionary URL]. Как фразовые глаголы в Кембриджском словаре описаны сочетания *to look after sb/sth, look down on sb, look forward to sth, look into sth, look on/upon sb/sth as sth, look sth out, look out for sb/sth, look over sth, look through sth, look to sb to do sth, look to sb for sth, look sth up, look sb up, look up to sb* [Cambridge Dictionary URL].

На первом этапе исследования была выявлена частотность предложных пассивных конструкций с глаголом *to look* в Британском национальном корпусе. Для этого были сделаны запросы сочетаний различной формы глагола *to be* (*was, were, is, are, am, be, been, being*) с причастием II глагола *to look* и предлогами. Аналогичные запросы были сделаны для сочетаний глагола *to be* с причастием II глагола *to look* и наречиями. При анализе полученных конкордансов из подборки были исключены дубликаты и несколько случаев речевых ошибок, где должен был быть активный залог, например: *That's all and then I I I was looked after the production machinery for about fifteen years (unclear) the top here* (BNC IHES) вместо ... *I looked after...* Также к полученным конкордансам были добавлены две пассивные конструкции ... *looked into* и ... *looked out of*, которые были найдены при последующем анализе собранного языкового материала.

После подсчетов результатов выяснилось, что на первом месте по частотности находится сочетание *was / were / is ...looked at* (43,75 % случаев), на втором месте оказалось сочетание *...looked after* (26,75 %), на третьем месте *...looked upon* (9,38 %). Конструкции с *...looked on ...looked for ...looked into* составили 5,38 %, 4,75 % и 3,88 % случаев соответственно. Конструкции с *...looked up ...looked down upon / on ...looked to* также были найдены в корпусе, но их частотность была значительно ниже – менее 2 %. Сочетания с *...looked forward to ...looked over ...looked out (for) ...looked out (of) ...looked up to* встретились в корпусе в единичных случаях и составили менее 1 % от общего числа найденных пассивных конструкций.

Частотность предложных пассивных конструкций с глаголом *to look* представлена в таблице 1.

Таблица 1

Предложная пассивная конструкция	Пример из Британского национального корпуса	Абсолютная частотность	Относительная частотность (в %)
...looked at	The types of courses available <u>are looked at</u> in detail in chapter 4 (BNC, 9СНТ)	349	43,75
...looked after	All the time she <u>is looked after</u> (BNC, 10A6V)	214	26,75
...looked upon	The work done by the tides may <u>be looked upon</u> as an energy subsidy <...> (BNC, 28AMS)	75	9,38
...looked on	It <u>was looked on</u> as a very serious offence (BNC, 6B24)	43	5,38
...looked for	<...> corroboration of the victim's evidence <u>is looked for</u> in practice (BNC, 29CE2)	38	4,75
...looked into	'Obviously any allegations will <u>be looked into</u> ' (BNC, 11K47)	31	3,88
...looked up	Addresses don't have to be mentioned, they can easily be looked up in the electoral roll just from a name (BNC, 6A16)	13	1,63
...looked down upon / on	I was always pissed off that, intellectually, we <u>were looked down upon</u> (BNC, 1СK6)	11	1,38

...looked to	Publishers <u>were looked to</u> for far more support than in the past <...> (BNC, 1GWL)	8	1
...looked forward to	<...> it is something to be <u>looked forward to</u> and prepared for (BNC, 5C8Y)	6	0,75
...looked over	Bond Street had <u>been looked over</u> and found wanting: the clothes not displayed as they should be <...> (BNC, 17K8V)	3	0,38
...looked out (for)	Relapses are common and should <u>be looked out</u> for (BNC, 2B32)	3	0,38
...looked out (of)	Windows are like eyes: they are looked at as much as they <u>are looked out of</u> (BNC, 16HGW)	1	0,13
...looked up to	<...> I've seen how you <u>are looked up to</u> (BNC, 1ANL)	1	0,13
Всего:		796	100

На следующем этапе исследования был сделан выборочный анализ пассивных конструкций с глаголом *to look* и предлогами *at*, *into*, *to*. Цель – выявить соотношение между значением глагола и продуктивностью его использования в предложном пассиве. Выбор сочетаний *to look at*, *to look into*, *to look to* был обусловлен тем, что они могут иметь несколько значений при транзитивном употреблении.

Для того чтобы выявить значение глагола, анализировались контекст его употребления и сочетаемостные характеристики. В частности, обращалось внимание на лексико-грамматический разряд существительного, которое выступало в качестве подлежащего пассивной конструкции. Так, если подлежащим было существительное отвлеченной семантики (*matter*, *problem*, *case*, *prospects*, *possibility*), делался вывод о том, что сказуемое обозначает действие (процесс) ментального характера («рассмотреть, изучить что-либо»).

Если подлежащее обозначало предмет (*mirror*, *windows*, *palaces*) либо живое существо (*pets*, *people*), в большинстве случаев глагол использовался в прямом значении («смотреть»), хотя при наличии семантической свертки даже такое подлежащее могло сочетаться со сказуемым, обозначающим умственное действие. Например, в предложении *The occupier must also be looked at* (BNC, 52HXV) глагол *to look at* имел значение «обдумать, изучить», поскольку речь шла

о возможности той или иной организации либо физического лица выступать в функции заказчика, работодателя.

Если в предложении упоминался производитель действия, это также учитывалось при анализе значения глагола. Допустим, *look at* может означать не только процесс созерцания, но и осмотр специалистом (врачом, мастером), который должен дать рекомендации, проконсультировать клиента, вынести решение в результате осмотра.

При необходимости анализ проводился с привлечением расширенного контекста.

Анализ пассивных конструкций с *look at* показал, что они могут использоваться в прямом значении «смотреть» (8,59 % от 349 случаев): *Pets were looked at, never touched* (BNC, 5AJU). Однако гораздо более частотным является значение «рассматривать, изучать» (83,95 % случаев): *Three techniques were looked at in outline...* (BNC, 11GUY). Также в ряде конструкций (7,45 % случаев) этот глагол использовался для обозначения осмотра экспертом: *So he took it in to be looked at* (BNC, 103KP4).

Таким образом, в большинстве случаев *look at* используется в пассиве как фразовый глагол со значением ментального действия.

Что касается глагола *look into*, в пассиве данное выражение в 93,55 % случаев (29 контекстов употребления) используется в значении мыслительного действия «рассматривать, изучать» (проблему, вопрос): *Many such crimes are looked into by special regulatory bodies rather than the police* (BNC 1 B17). В прямом значении «смотреть, всматриваться» (в глаза, в лицо, в воду), «заглядывать» (в комнату) глагол практически не используется. Единственный случай, причем найденный не путем прямого запроса данной конструкции, а при анализе конструкций с *look at*, – это предложение ... *the mirror is a thing to be looked at but not looked into* (BNC, 191CEE). Фраз типа **His eyes were looked into*; **The room was looked into* в корпусе встречено не было.

Также есть один переходный случай, в котором абстрактная ситуация (изучение некой проблемы) представлена через визуальный образ (некий субъект заглядывает в банку с червями) с помощью метафорического переноса: *This is a can of worms and really needs to be looked into carefully, 'he said* (BNC, 39 K54).

Пассивные конструкции с *look to* оказались немногочисленными (всего 8 контекстов употребления). Наиболее типичным оказалось использование данного глагола в значении «hope that somebody will

provide you with something» [Cambridge Dictionary URL]: *Publishers were looked to for far more support than in the past ...* (BNC, 1GWL). Сочетания типа *to be looked to for something* составили 50 % от найденных в корпусе случаев. Конструкции типа *to be looked to as...* встретились в 25 % случаев. Кроме того, было найдено предложение со значением «ожидать чего-либо»: <...> *the future could be looked to with confidence and hope* (BNC 5BM2). Также в единичном случае встретилось значение «смотреть на что-либо»: <...> *it is as something that is looked to and not seen* (BNC, 1APS). Соответственно, сочетания с *look to* в пассиве выражали различные ментальные процессы («надеяться на что-либо, ожидать что-либо») в большинстве предложений (87,5 %).

Таким образом, выборочный анализ страдательных конструкций с *look at, look into, look to* показал, что бóльшая частотность предложного пассива наблюдалась в случаях семантического сдвига, когда глагол *to look* обозначал не процесс сенсорного восприятия, направленного на физические предметы, а ментальное действие, направленное на абстрактные сущности. По-видимому, в переносном значении данный глагол образует слитную в семантическом плане единицу, что и позволяет данной структуре более свободно использоваться в пассиве.

Если теперь вернуться к таблице 1 и посмотреть на комбинаторику глагола *to look* в целом, видно, что в большинстве из остальных конструкций (*looked after, looked on / upon, looked up* и др.) он используется как фразовый глагол, образуя единое смысловое целое с последующим предлогом / наречием. Из этого можно сделать вывод о том, что разнообразие предложных пассивных конструкций с глаголом *to look* связано с наличием у него разветвленной системы значений, производных от первичного «смотреть», и выраженных устойчивыми словосочетаниями.

Если говорить о предложном пассиве в целом, можно также сделать предположение о наличии семантической связи между глаголом и предлогом, которая позволяет предлогу сохранять свою позицию в предложении после глагола даже в отсутствие дополнения. Однако, поскольку анализ проводился на ограниченном наборе пассивных конструкций, необходимы дальнейшие исследования с привлечением более обширного языкового материала.

Заключение

Изучение соответствующей литературы и анализ корпусных данных показали следующее.

Предложные пассивные конструкции могут подразделяться на несколько подтипов в зависимости от сочетаемостных характеристик глагола, но все они имеют общую особенность: сохранение предлогом своей позиции после глагола, несмотря на утрату дополнения.

Предложный пассив отличается от других страдательных конструкций большим количеством ограничений на употребление. Так, есть фразовые глаголы, которые не употребляются в страдательном залоге, например, *to come across, to fall for*.

Но и те английские глаголы, которых эти ограничения не касаются, обладают разным потенциалом в части образования предложной пассивной конструкции. В некоторых случаях, как это было показано на примере глагола *to look*, продуктивность предложной пассивной конструкции может коррелировать со степенью семантической связанности глагола и следующего за ним предлога.

Чем более слитным в семантическом плане является сочетание глагола с предлогом, тем свободнее оно используется в пассиве. Для тех значений, где связь глагола с предлогом минимальна, и глагол может использоваться без предложного дополнения, частотность пассивных конструкций гораздо ниже.

В связи с вышесказанным при изучении страдательного залога следует очень осторожно использовать упражнения на трансформацию из актива в пассив и наоборот. Имеет смысл обращать внимание учащихся на то, что со сменой залога происходят изменения и в смысле предложения. Важно, что трансформация активного предложения в пассивное с сохранением значения не всегда представляется возможной. Также информацию о возможности глагола образовывать предложную пассивную конструкцию было бы целесообразно включать в соответствующие разделы словарных статей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Грамматика английского языка: Морфология: учебное пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / Н. А. Кобрина, Е. А. Корнеева, М. И. Оссовская, К. А. Гузеева. М.: Просвещение, 1985. [Kobrina, N. A., Korneeva, E. A., Ossovskaya, M. I., Guzeeva, K. A. (1985). *An English Grammar: Morphology. A textbook for students of pedagogical institutes*. Moscow: Prosveshchenie, 1985. (In English)].

- Крылова И. П., Гордон Е. М. Грамматика современного английского языка: Учебник для ин-тов и фак.-тов иностр. яз. 4-е изд. М.: Университет, 1999. [Krylova, I. P., Gordon, E. M. (1999). *A Grammar of present-day English: Practical course*. 4th ed. Moscow: Universitet. (In English)].
- Alsina, A. The Prepositional Passive as Structure Sharing / Pompeu Fabra University // Proceedings of the LFG09 Conference / Miriam Butt and Tracy Holloway King (Eds.). Stanford, CA : CSLI Publications, 2009. P. 44–64. URL : <http://csli-publications.stanford.edu/> (дата обращения: 28.09.2020)
- BNC. The British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 31.08.2020).
- Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (дата обращения: 29.08.2020).
- Carter, R., McCarthy, M. Cambridge Grammar of English. A Comprehensive Guide. Spoken and Written English. Grammar and Usage. 8th printing. Cambridge University Press, 2015.
- Downing, A., Locke, Ph. English Grammar: A University Course. Second Edition. Routledge, 2006.
- Findlay, J. Y. The Prepositional Passive in Lexical Functional Grammar / University of Oxford. Proceedings of the Joint 2016 Conference on Head-driven Phrase Structure Grammar and Lexical Functional Grammar. Doug Arnold, Miriam Butt, Berthold Crysmann, Tracy Holloway King, Stefan Muller (Editors). Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland : CSLI Publications, 2016. P. 255–275. URL : <http://csli-publications.stanford.edu/HeadLex/2016> (дата обращения: 28.09.2020).
- Huddleston, R., Pullum, G. K. The Cambridge Grammar of the English Language. 9th printing. Cambridge University Press, 2016.
- Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., Svartvik, J. A Comprehensive Grammar of the English language. London and New York : Longman Group Limited, 1985.

УДК 81.2

И. Д. Романова

преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: id-vedenina@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ УБЕЖДЕНИЯ КАК ОСНОВА МЕХАНИЗМА ПЕРСУАЗИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА (на материале английского языка)

Статья посвящена исследованию механизма персуазивного воздействия в институциональном англоязычном дискурсе в рамках когнитивной парадигмы. Автор акцентирует внимание на том, что персуазивное воздействие осуществляется на ментальном уровне, что предполагает использование когнитивных моделей убеждения для построения текстов персуазивного характера. В результате проведенного анализа были выделены следующие базовые когнитивные модели: фактологическая, оценочная, гипотетическая, предписательная и ассоциативная.

Ключевые слова: институциональный дискурс; персуазивное воздействие; когнитивные модели убеждения; фактологическая модель; оценочная модель; гипотетическая модель; предписательная модель; ассоциативная модель.

I. D. Romanova

Lecturer, Department of Grammar and History of English,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: id-vedenina@yandex.ru

COGNITIVE MODELS AS THE BASIS OF PERSUASION IN ENGLISH INSTITUTIONAL DISCOURSE

The paper looks into persuasion research in English institutional discourse from the cognitive perspective. Institutional communication is intrinsically linked to the necessity to solve professional tasks, which requires a great degree of ability to persuade. The author classifies general models of persuasion in accordance with the general features of argumentation provided throughout persuasive interaction. As a result, five cognitive models of persuasion (factual information processing, evaluation, hypothetical information, processing prescription, associative) were identified as a general set.

Key words: institutional discourse; persuasion; cognitive models of persuasion; factual information processing; evaluation; hypothetical information processing; prescription; associative model.

Введение

С позиции социолингвистики дискурс имеет разновидности, которые обусловлены социальной деятельностью людей, общением в рамках конкретной социальной группы, а также общими интересами участников взаимодействия. В. И. Карасик разграничивает персональный и институциональный типы дискурса, следуя логике, что персональный дискурс ориентирован непосредственно на саму личность в его бытовом проявлении, в то время как институциональный – всегда предполагает общение с представителями определенного социума: «институциональный дискурс – это специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Карасик 2000, с. 233]. Институциональное общение продиктовано профессиональной деятельностью участников коммуникации и представляет собой протяженное во времени и пространстве взаимодействие, соответствующее нормам социального института, в процессе которого нередко возникает необходимость успешно решать поставленные задачи и достигать профессиональных целей, что тесно связано с такими понятиями, как «воздействие» и «персуазивность». Действительно, умение убедить адресата является важной составляющей профессиональной коммуникации. В современном мире в процессе институционального общения наблюдается тенденция – убедить адресата посредством оказания именно персуазивного воздействия в силу его открытого характера, а также отсутствия скрытого умысла, подавления воли адресата и подмены понятий. Опираясь на работы западных и отечественных лингвистов в области теории речевого воздействия и персуазивности [Голоднов 2011; Латынов 2003; Чернявская, Молодыхенко 2017; Perloff 2017], мы определяем *персуазивное воздействие как речевое воздействие, направленное на убеждение адресата в пользу изменения его установок, мнений, представлений и призывающее изменить его посткоммуникативное поведение в атмосфере осознанного выбора.*

Одной из важнейших особенностей механизма персуазивного воздействия является его функционирование на ментальном уровне, предполагающем *осознанное* принятие адресатом установок, оценок и целей, заложенных в сообщении [Голоднов 2011; Чернявская, Молодыхенко 2017, с. 30], а также попытка адресанта не «столько сформировать знание, сколько сформировать мнение» с учетом особенностей

адресата [Стернин 2012, с. 10]. Соответственно, средства реализации механизма персуазивного воздействия справедливо рассматривать через призму когнитивных процессов, происходящих в сознании коммуникантов.

Результаты и обсуждение

Предпосылки исследования связи процесса убеждения с мыслительными процессами восходят ко временам античности. По мнению Аристотеля, процесс построения убеждения должен включать в себя набор доводов, способных удовлетворить поставленные цели: (а) доводы в пользу возможности или невозможности чего-либо; (б) доводы, свидетельствующие о том, что что-то произошло в прошлом и, возможно, произойдет в будущем; (с) доводы, подтверждающие большую степень или меньшую степень чего-либо [Aristotle 1926].

Многие отечественные и зарубежные ученые обратили внимание на тот факт, что каждая группа, выделенная Аристотелем, обладает определенными постоянными признаками, которые позволяют адресанту определиться с выбором довода для убеждения [Алексеев 1991; Брюшинкин 2000; Ивлев 2004; Иссерс 2017; Тертычный 2016; Cockcroft 2014]. Совокупность неких устойчивых черт, применяемых в процессе доказательства выдвигаемой идеи и образующих определенную группу, представляет собой когнитивную модель убеждения [Тертычный 2016]. Стоит отметить, что на сегодняшний день среди ученых не существует единого мнения по поводу типологии когнитивных моделей убеждения. Например, английский исследователь и преподаватель риторики Роберт Кокрофт выделяет десять типов когнитивных моделей убеждения [Cockcroft 2014], а российский филолог А. А. Тертычный – только четыре. Такая разница продиктована различным материалом исследования, на базе которого изучаются данные модели. Исследуя механизм персуазивного воздействия на материале институционального английского дискурса, мы считаем целесообразным выделить следующие базовые когнитивные модели убеждения: 1) фактологическая; 2) оценочная; 3) гипотетическая; 4) предписательная, 5) ассоциативная. Рассмотрим более подробно перечисленные когнитивные модели убеждения, опишем их особенности, а также принципы реализации при оказании персуазивного воздействия на примере англоязычного институционального дискурса.

Фактологическая когнитивная модель убеждения. Данная модель подразумевает установление реальности чего-либо и основывается на использовании достоверных и очевидных фактов, событий или научных аргументов в качестве доводов в пользу рассуждения убедительного характера [Тертычный 2016]. Во время институционального общения высказывание звучит более весомо и авторитетно, если оно подкреплено реалиями, истинность которых не подлежит сомнению, что продемонстрировано в следующих примерах:

(а) Фрагмент письма-обращения руководителя компании IBM Вирджинии Рометти:

IBM is the clear leader in quantum computing. The world's first (and only) prototype 50-qubit system, announced in 2017, was a major step toward systems that can tackle problems beyond the scope of classical computation. Through IBM Q Experience, the world's first publicly available quantum computers, more than 75,000 users have run more than 2.5 million quantum experiments. A dozen clients, including partners JPMorgan Chase, Daimler AG, Samsung and JSR, are now exploring practical applications on our latest commercial systems (<https://www.ibm.com/annualreport/2017/letter.html>).

Цель данного сообщения – убедить аудиторию (инвесторов) в том, что компания IBM является лидером в области квантовых вычислений: *IBM is the clear leader in quantum computing*. Обоснование данной мысли осуществляется посредством опоры на фактологическую когнитивную модель убеждения, которая проявляется в приведении реальных цифр и результатов, достигнутых компанией: *50-qubit system, announced in 2017, 75,000 users, 2.5 million quantum experiments*. В сообщении также перечислены авторитетные партнеры компании IBM, которые имеют отношение к квантовым вычислениям: *JPMorgan Chase, Daimler AG, Samsung and JSR*. Упоминание реальных компаний, чьи имена общеизвестны для данного круга профессионалов, также придает высказыванию характер достоверности.

(b) Рекламное сообщение:

It's finally here! The Cat's Meow Tour has purred its way up to Marsha's Cove. We've got Abyssinians, British Shorthairs, Burmese, Chantilly kittens, Cornish Rexes, some splendid Egyptian Maus, Japanese Bobtails, Maine Coon Cats and many more! Did I mention our *Russian Blues, Persians, Ragdolls and Pixie-Bobs*? You won't want to miss this fine array of felines. Here's your personal invitation to join us at Bloomers Fairgrounds for an

all-day event, from eight to six on Saturday November 12th. The Cat's Meow Tour, at Bloomers Fairgrounds, for one day only. Meooooowwww! (<http://voices.com-commercial-scripts-for-radio-and-television-ads.pdf>)

Задача данного рекламного сообщения – убедить потенциальную аудиторию посетить ярмарку кошек. Фактологическая когнитивная модель аргументации проявляется в перечисленных реалиях, разнообразных пород кошек, которые будут представлены публике, что реализуется в третьем и четвертом предложениях рекламного текста (*We've got Abyssinians, British Shorthairs, Burmese, Chantilly kittens, Cornish Rexes, some splendid Egyptian Maus, Japanese Bobtails, Maine Coon Cats and many more! Did I mention our Russian Blues, Persians, Ragdolls and Pixie-Bobs?*). Представленные реалии могут стать важным аргументом в пользу посещения ярмарки для любителей кошек.

Оценочная когнитивная модель убеждения. Опора на данную когнитивную модель убеждения позволяет установить значимость рассматриваемого объекта и определить степень его близости к идеалу [Ивин 1970], что, например, проявляется в следующих утверждениях : *X is fairer / more profitable / more practicable / cheaper / better value / more ecologically sound/safer / more fun than Y* [Cockcroft 2014, с. 132], т. е. адресант представляет свою оценку объекта X посредством сравнения, которое позволяет ему показать преимущества X и закрепить в сознании адресата положительный образ этого объекта [Кубрякова и др. 1997]. Выражение оценки является необходимым элементом персуазивного воздействия, который позволяет сформировать мнение адресата относительно предмета коммуникации и, как результат, изменить его установки. Наиболее характерным примером оказания персуазивного воздействия с опорой на оценочную когнитивную модель убеждения являются рекламные сообщения, где принцип сопоставления предмета рекламы с иным предметом со схожими характеристиками является классическим вариантом продвижения своей продукции: *car A has more X than car B, more Y than car C, and more Z than car D – and cost less too?* [Cockcroft 2014, с. 133]. Следующее рекламное сообщение наглядно демонстрирует использование противопоставления как принципа функционирования оценочной когнитивной модели убеждения:

Other airlines put their food on a plastic tray. We serve ours on a Royal Doulton plate with silver cutlery and cut-glass. They pre-cook their food. We

provide our five-star chefs with in-flight galleys and the service of expert buyers in every major city on the flight routes» [Cockcroft 2014, с. 284].

В представленном рекламном сообщении рекламируемая авиакомпания создает контраст между своими услугами и услугами конкурентов, что позволяет подчеркнуть собственные преимущества и позиционировать себя выше других.

Гипотетическая когнитивная модель убеждения. Данная модель устанавливает возможность чего-либо, которая определяет вероятность некоторого события в будущем. Доказательство новых фактов выстраивается на основе установления их зависимости от уже существующих явлений. Прослеживая такую связь, представляется возможным осуществить прогнозы о следствиях вероятных событий. Данная модель часто реализуется во время институционального общения в сфере услуг, когда возникает необходимость переубедить клиента и представить ему визуализацию будущей картины, как в следующем примере:

Customer: \$32,000?! How do you justify that?

Salesperson: I understand how you feel. Like you, a lot of our customers felt that this was more than they wanted to spend. However, they soon found that they were saving money. After you start using the software, you'll reduce your operating costs by 25–30 %.

Customer: As much as that?!

Salesperson: Yes, more in some cases – but that's the average saving. Have I answered your question? [Allison, с. 69].

В данном диалоге продавец-консультант убеждает потенциального покупателя в том, что цена за продукцию его компании является оправданной. Адресант обосновывает вероятность экономии средств адресата (*you'll reduce your operating costs by 25–30 %*), оперируя фактами, основанными на опыте предыдущих клиентов, которые получили указанный результат (*Like you, a lot of our customers felt that this was more than they wanted to spend. However, they soon found that they were saving money. After you start using the software*). Стоит отметить, что демонстрация визуализации будущего результата считается эффективным инструментом оказания персуазивного воздействия на адресата, поскольку подобное прогнозирование помогает осознать, к чему может привести изменение установок [Monroe 1951].

Предписательная когнитивная модель убеждения. Данная модель устанавливает необходимость изменения текущей ситуации, поступков или действий. Связь между желаемыми событиями и потребностями людей помогает выстроить убеждение в пользу необходимости предлагаемого развития событий. Также весомыми аргументами могут быть положительные или отрицательные примеры, похожие события из прошлого, которые могут служить доказательством необходимости выполнения указанных «предписаний». Основным принцип, лежащий в основе предписательной когнитивной модели убеждения – это установление причинно-следственных связей. В качестве примера рассмотрим фрагмент выступления Дэвида Кэмерона, посвященный организации обеспечения граждан в Британии:

We have been encouraging working-age people to have children and not work, when we should have been enabling working-age people to work and have children. So, it's time we asked some serious questions about the signals we send out through the benefits system (*D. Cameron, Guardian 25, June 2012*).

В своем убеждающем рассуждении Кэмерон пытается донести до адресата (аудитории) мысль о необходимости снизить уровень безработицы среди молодого поколения: *it's time we asked some serious questions about the signals we send out through the benefits system*. Кэмерон указывает, что выплата пособий по безработице является причиной высокого процента неработающих граждан среди молодого поколения с детьми. Опора на предписательную модель убеждения помогает адресанту акцентировать внимание на необходимости изменить политику таким образом, чтобы работоспособные граждане имели стимул работать и обеспечивать свои семьи.

Следующий фрагмент рассуждения также демонстрирует функционирование механизма персуазивного воздействия на основе предписательной когнитивной модели убеждения:

The [British] National Health Service should be a completely adequate system for the health-care of the nation, provided at public expense. It means precisely that: not some kind of nationally available system you can pay for, or a nationally available but second-rate service if you're poor and ill and can't afford anything better. Today it is under threat from forces opposing these public ideals and wishing to promote private care for the sick. The result is demoralization for those who work in the NHS and confusion for

those who need to use it. Building up a structure of legislation to “improve” the Health Service, which in fact damages it, is like asking the fireman to put petrol on the fire instead of putting it out [Cockcroft 2014, с. 144].

Автор текста пытается донести до адресата (аудитории) мысль о том, что компетентность Национальной службы здравоохранения Британии не должна зависеть от возможности пациента оплатить лечение. Необходимость изменения сложившейся ситуации передана адресантом посредством акцентирования внимания аудитории на отрицательном результате текущего положения дел (*The result is demoralization for those who work in the NHS and confusion for those who need to use it*).

Ассоциативная когнитивная модель убеждения – модель, которая позволяет установить желаемые ассоциации в сознании адресата. Ассоциативная когнитивная модель может реализовываться через отождествление X и Y; сближение по свойствам (X имеет Y); отождествление по отдельному признаку (X имеет отношение к Y); а также через сближение по нетипичным признакам (X имеет отношение к Y, хотя это не очевидно) [Иссерс 2017, с. 43–44]. Рассмотрим пример построения рекламного текста на основе ассоциативной когнитивной модели:

And although cruise-junkies and honeymooners may sound like strange company to keep...you don't have to worry because the island [Aruba] has a sponge-like ability to soak them up and secret them away on beaches, on the water, or in the desert-like interior (J. Axworthy *The Guardian* 17 March 2001, *Travel supplement*).

Данное рекламное сообщение – фрагмент из туристической брошюры, где описываются преимущества острова Аруба. Метафоричное высказывание о способности острова «поглотить» туристов, словно губка, акцентирует внимание потенциального туриста на возможности уединиться на отдыхе:

[Aruba] has a sponge-like ability to soak them up and secret them away on beaches, on the water, or in the desert-like interior.

Данное сравнение позволяет создать положительную ассоциацию в сознании адресата, что может явиться весомым аргументом для туристов, планирующих отдых в атмосфере уединения.

Заключение

В результате проведенного исследования было установлено, что в сфере институционального общения процесс оказания персуазивного воздействия, особенностью которого является осуществление убеждения на ментальном уровне, всегда строится с учетом когнитивных процессов, происходящих в сознании адресата. Группируя методы и доводы по их общим устойчивым признакам, мы выявили пять основных когнитивных моделей убеждения, которые актуальны при оказании персуазивного воздействия в рамках институционального общения: фактологическую, оценочную, гипотетическую, предписательную и ассоциативную. Выделенные модели являются важным элементом построения институциональных текстов персуазивного характера. Проведенный анализ исследуемого материала показал, что использование данных когнитивных моделей убеждения является, как правило, комплексным, что улучшает восприятие и способствует достижению поставленных целей в сфере профессионального общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алексеев А. П. Аргументация. Познание. Общение. М., 1991. [Alekseev, A. P. (1991). *Argumentaciya. Poznanie. Obshchenie (Argumentation. Cognition. Communication)*. Moscow. (In Russ.)].
- Брюшинкин В. Н. Системная модель аргументации // Трансцендентальная антропология и логика. Калининград, 2000. С. 137–160. [Bryushinkin, V. N. (2000). *Sistemnaya model' argumentacii (System model of reasoning)*. Transcendental anthropology and logic. Kaliningrad, 137–160 (In Russ.)]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34945574> (дата обращения: 05.03.2020).
- Голоднов А. В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе (на материале немецкого языка) : дис. ... д-ра филол. наук. СПб, 2011. [Golodnov, A. V. (2011). *Persuazivnost' kak universal'naya strategiya tekstoobrazovaniya v ritoricheskom metadiskurse (na materiale nemeckogo yazyka) (Persuasion as a universal text-formation strategy in rhetorical metadiscourse (based on the material of the German language))*: thesis of PhD in Philology. Sankt-Peterburg. (In Russ.)].
- Ивин А. А. Основания логики оценок. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. [Ivin, A. A. (1970). *Osnovaniya logiki ocnok (The foundations of evaluation logic)*. М.: Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russ.)].
- Ивлев Ю. В. Логика. М., 2004. [Ivlev, Y. V. (2004). *Logika (Logics)*. Moscow. (In Russ.)].

- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛЕНАНД, 2017. [Issers, O. S. (2017). *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoj rechi (Communicative strategies and tactics of Russian speech)*. Moscow: LENAND. (In Russ.)].
- Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5–20. [Karasiuk, V. I. (2000). О типах дискурса. (Discourse types). *Yazykovaya lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs* (pp. 5–20). Volgograd. (In Russ.)].
- Кубрякова Е. С. [и др.]. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. [Kubryakova, E. S. et al (1997). *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov. (The Concise Dictionary of Cognitive Terms)*. Moscow: Philology Department of MSU. (In Russ.)].
- Латынов В. В. Психология коммуникативного воздействия. М.: Институт психологии РАН, 2013. [Latynov, V. V. (2013). *Psihologiya kommunikativnogo vozdejstviya. (Psychology of communicative impact)*. Moscow: Institut psihologii RAN. (In Russ.)].
- Стернин И. А. Основы речевого воздействия. Воронеж: Истоки, 2012. [Sternin, I. A. (2012). *Osnovy rechevogo vozdejstviya (The foundations of communicative impact)*. Voronezh: Istoki. (In Russ.)].
- Тертычный А. А. Модели аргументации в современных медиатекстах // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2016. № 6. С. 46–69. [Tertychnyj, A. A. (2016). Models of reasoning in modern media texts. *Vestnik of Moscow University. Journalism, 10* (6), 46–69. (In Russ.)]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27677053> (дата обращения: 18.02.2020)
- Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе. М.: ЛЕНАНД, 2017. [Chernyavskaya, V. E., Molodychenko, E. N. (2017). *Rechevoe vozdejstvie v politicheskom, reklamnom i internet-diskurse. (Communicative impact in political, advertising and Internet discourse)*. Moscow: LENAND. (In Russ.)].
- Allison, J., Townend, J., Emmerson, P. *The Business Upper-Intermediate Teacher's Book*. MacMillan, 2009.
- Aristotle. *The Art of Rhetoric / Aristotle Volume XXII // Loeb Classical Library* 193. Harvard University Press, 1926.
- Cockcroft, R., Cockcroft, S. *Persuading People: An Introduction to Rhetoric*. Third Edition. Palgrave Macmillan, 2014.
- Monroe, A. H. *Monroe's principles of speech*. Scott, Foreman and Company, 1951.
- Perloff, R. M. *The dynamics of persuasion: communication and attitudes in the 21st century*. 6th ed. London: Lawrence Erlbaum Associated, Mahwah, New Jersey, 2017.

УДК 81-139:367.7

М. А. Салькова, О. А. Мачина, Е. Н. Коршунова

Салькова М. А., кандидат филологических наук, доцент;
заведующая кафедрой грамматики и истории английского языка факультета
английского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: bestgrammar@yandex.ru

Мачина О. А., кандидат филологических наук, доцент;
доцент кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского
языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: bestgrammar@yandex.ru

Коршунова Е. Н., старший преподаватель кафедры грамматики и истории английского
языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического
университета;
e-mail: bestgrammar@yandex.ru

ВАРИАТИВНОСТЬ ГЕРУНДИАЛЬНЫХ И ПОЛУГЕРУНДИАЛЬНЫХ ОБОРОТОВ: В ПОИСКАХ ПРОГНОСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Статья междисциплинарного характера отражает поиск оптимального методологического подхода, объясняющего выбор формы для именного компонента оборота с герундием. Собран значительный объем сведений о герундиальном обороте в синхронии и диахронии, предложена удовлетворительная комплексная интерпретация исследованных структур; намечены перспективы для дальнейшего изучения герундиальных и полугерундиальных оборотов, связанные с устранением недостаточности использованных методологических подходов.

Ключевые слова: герундиальный / полугерундиальный оборот; именной компонент; вариативность; методология.

M. A. Salkova, O. A. Machina, E. N. Korshunova

Salkova M. A., PhD. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Grammar and History of the English Language, English Language Faculty, Moscow State Linguistic University;
e-mail: bestgrammar@yandex.ru

Machina O. A., PhD. (Philology), Associate Professor, Department of Grammar and History of English, English Language Faculty, Moscow State Linguistic University;
e-mail: bestgrammar@yandex.ru

Korshunova E. N., Senior Lecturer, Department of Grammar and History of English, English Language Faculty, Moscow State Linguistic University;
e-mail: bestgrammar@yandex.ru

VARIATION OF GERUNDIAL AND HALF-GERAUNDIAL COMPLEXES: SEARCHING FOR A PROGNOSTIC METHODOLOGY

The interdisciplinary article strives to discover an effective methodology helping to make an unmistakable choice of the nominal element for a gerundial construction. The research covering an extensive historical background and functional characteristics of the gerund in modern English results in a satisfactory composite interpretation of the structure under consideration. The article also outlines further prospects for an exhaustive picture of reasoning variation of gerundial and half-gerundial complexes.

Key words: gerundial; half-gerundial construction; nominal element; variation; methodology.

Введение

В статье описывается исследование синтаксического герундиального комплекса, проведенное на стыке грамматики и истории английского языка, а также попытка усилить исследовательско-объяснительную базу анализа корпусным анализом. Авторы статьи, ориентируясь на запрос учебной аудитории, ставили *цель* – дать ответ на один из практико-ориентированных вопросов: *как* правильно на сегодняшний день *употреблять* предикативный *герундиальный оборот*?

Постановка вопроса. Из традиционной лингвистической литературы известно, что дискуссионный статус сохраняет выбор падежа для именного компонента структуры [Гордон, Крылова 1986; Гузеева, Костыгина 2004; A Grammar of the English Language 1973]. Теоретические описания и упражнения к ним предлагают две тактики: использовать и общий, и родительный падеж там, где существительное это допускает, соответственно заменяя существительные личными местоимениями в объектном падеже либо притяжательными местоимениями (согласованными в роде и числе). При этом учебники рекомендуют родительный падеж для одушевленного существительного, но в то же время говорят о тенденции к использованию общего падежа. Действительно, данная постановка вопроса имеет право на существование. Например, у Ч. Диккенса в одном и том же произведении «Bleak House» читаем: *I was not surprised by **Caddy's being** in low spirits*, где обнаруживается герундиальный оборот, и *There is something so inexpressibly absurd to me in the idea of **Caddy being married***, где регистрируется существование так называемого полу-герундиального оборота.

Однако наличие вариативности требует основательного изучения вопроса, для чего авторами было опробовано **несколько методологических подходов**.

Методология 1 – функционально-дискурсивная. Современные зарубежные грамматики, устанавливая синонимические отношения между двумя конструкциями, упоминают существующие между ними функциональные отличия:

1. Выбор формы родительного и общего падежа связан с формальным / неформальным регистрами общения. Так, например, считают, что герундиальный оборот в предложении *The holiday was ruined by Ann's having to go earlier* является более формальным способом выражения мысли, чем полугерундиальный в *The holiday was ruined by Ann having to go earlier* [Swan, Walter 2001].

2. На выбор падежной формы может влиять распределение дискурсивной информации. Структура с существительным в родительном падеже или притяжательным местоимением концентрирует внимание на действии, тогда как альтернативная конструкция с существительным в общем падеже или личным местоимением в объектном падеже акцентирует деятеля, например: *And maybe you wouldn't mind my saying that you're getting a little old for studying. – Did you mind me saying it?* [Biber, Conrad, Leech 2002].

При более тщательно профилированной дискурсивной ориентации процитированных источников вопрос, тем не менее, не получает удовлетворительного объяснения: синонимия является фактором субъективного восприятия ситуации общения, границы между регистрами являются проницаемыми (за исключением своих крайних проявлений), распределение информации также носит градуальный характер и требует владения значительным объемом контекста. Таким образом, предложенные объяснения задают определенное направление осмысления, однако не дают возможности осуществить уверенный выбор.

Методология 2 – системно-историческая. Альтернативным решением представлялось обращение к фактам развития английского языка. Обзор исторической литературы по проблеме дал следующие результаты.

В *древнеанглийский период* (V–XI вв.) существовало две неличные формы глагола: инфинитив и причастие; обе формы склонялись и практически не имели свойственных глаголу грамматических

категорий. Как новая неличная форма глагола, герундий появился в конце *среднеанглийского периода* (XI–XV вв.), хотя ранние примеры отглагольных существительных, подобных герундию, встречаются уже в XIV веке у Дж. Чосера [Расторгуева 2001; A History of the English Language 2006].

Общепризнанным источником возникновения герундия является древнеанглийское отглагольное существительное со словообразовательными суффиксами *-ung* / *-ing* (*huntung*, *binding*) и типичной сочетаемостью: ему могли предшествовать местоимение / прилагательное / существительное, все в словоформе родительного падежа.

Собственно, слово *gerund* (от лат. *gerundivum* [Concise Dictionary of English Etymology 2003]), употребляемое в отношении отглагольных существительных на *-ing*, появилось в английском языке в начале XVI в., когда потребовался термин для идентификации нового явления.

В процессе формирования герундия как самостоятельного грамматического явления наблюдалось «смещение именных и глагольных герундиев» [A History of the English Language 2006], т. е. *-ing*-форма + словосочетание с предлогом *of*: ...*to have hearing of this business* ... (W. Shakespeare “Measure for Measure”), а также *the* + *ing*-форма + прямое дополнение: ...*for the getting a hundred bastards, he would have paid for the nursing a thousand* (W. Shakespeare “Two Gentlemen of Verona”). Окончательное разграничение по сочетаемости между герундием и отглагольным существительным произошло лишь к концу XVIII в. [Иванова и др. 2006].

К концу среднеанглийского периода у нового образования всё более последовательно проявляются глагольные черты [A History of the English Language 2006]: оно чаще употребляется с прямым дополнением, выраженным существительным в общем падеже, и с наречием в функции обстоятельства; у него также появляется отрицательная форма [Расторгуева 2001; Иванова и др. 2006; A History of the English Language 2006]. Ему реже предшествует артикль, который к этому времени уже стал неотъемлемым элементом словосочетания с существительным. Можно сказать, что «новая часть речи уже является герундием в традиционном представлении» [Иванова и др. 2006].

Автономизация герундия в среднеанглийский период сопровождается развитием у него категориальных свойств глагола и постепенным формированием аналитических форм, однако у носителей языка новое грамматическое явление всё еще ассоциировалось с существительным

и регулярно употреблялось с притяжательным местоимением, родительным падежом существительного или неопределенного местоимения в качестве определения [Расторгуева 2001], например, *Tut man, one fire burns out another's burning* (W. Shakespeare «Romeo and Juliet»). Процесс постепенной вербализации герундия, кроме развития аналитических форм, также проявился в способности формы соотноситься с собственным субъектом и, следовательно, образовывать предикативные конструкции: «Оформление субъекта герундия происходило в такой период, когда развитие его глагольности находилось на наиболее раннем этапе. Герундий был еще, в сущности, отглагольным именем с чертами глагольности» [Иванова и др. 2006]. Возможно, именно это стало причиной того, что для выражения субъекта действия (именно члена предикативной конструкции), так же, как и в других индоевропейских языках, говорящие выбирают форму родительного падежа в функции определения: *ego priезд / priезд brata / l'arrivée de mon frère* [Иванова и др. 2006]. Например, в произведении У. Шекспира «Мера за меру» притяжательное местоимение *his*, которое произошло от родительного падежа личных местоимений, в одном контексте функционирует как определение: *Go you to Angelo: answer his requiring with a plausible obedience: agree with his demands to the point*, а другом контексте уже выступает как именной член предикативной конструкции: *And why should we proclaim it in an hour before his entring, that ...* В итоге, форма субъекта действия, выраженного герундием, совпала с формой определения отглагольного существительного, т. е. с формой родительного падежа существительного или неопределенного местоимения, а также могла быть выражена притяжательным местоимением. Так сформировался герундиальный оборот.

Не следует забывать, однако, что в силу обстоятельств внешней и внутренней истории британских островов в ранненовоанглийский период парадигмы герундия и причастия настоящего времени (-ing-форм) совпали [Бруннер 2010; Расторгуева 2001]. Широкое употребление причастия, в частности, в длительных формах глагола, способствовало тому, что и омонимичный ему герундий всё больше воспринимался как глагольная форма. Причастие при употреблении в предикативной конструкции следовало за своим субъектом, выраженным либо общим падежом существительного, либо объектным падежом местоимения [Иванова и др. 2006]. Со временем эти именные формы по аналогии также стали употребляться рядом с герундием,

например: *All ye gates were looked up to prevent ye mob coming in. It was true of this light contynuyng from day to daye* (1536 John de Ponte, Ellis, Original Letters I 2, 125).

Возникновение вариативности способов выражения субъекта герундия также можно объяснить особенностями развития английской системы падежного склонения. Во-первых, в ходе исторического развития у английского существительного осталось всего два падежа: общий и родительный. При этом в форме последнего употребляются в основном одушевленные существительные, что ограничивает способность существительного выступать в качестве субъекта герундия. Во-вторых, еще в среднеанглийский период, пока падежные окончания еще использовались, у существительных ряда склонений отсутствовало формальное окончание родительного падежа. Например, среднеанглийское *after his fader \emptyset buriinge* (Glouster Chronicles, 7859) имело значение '*after his father's burying / after burying his father*'. Существует предположение, что в ходе исторического развития некоторые формы, имеющие значение родительного падежа, были восприняты как формы объектного падежа, что и послужило причиной замещения формы [A History of the English Language 2006]. В-третьих, если у существительных в единственном числе такие случаи были исключением, то у существительных во множественном числе случаи подобной неоднозначности были более многочисленными, поскольку характерное окончание родительного падежа во множественном числе практически отсутствовало [A History of the English Language 2006].

Таким образом, возникновение конструкций с общим (по сути, объектным) падежом, или так называемых полугерундиальных оборотов, объясняется как развитием по аналогии с причастием настоящего времени, так и ограниченностью выбора падежных форм.

Применительно к поставленному вопросу, тем не менее, значимость исторического экскурса носит относительный характер: установлены источники герундиальных и полугерундиальных оборотов, отвечающих различным потребностям в способах решения коммуникативных задач, сложность межкатегориального взаимодействия в системе неличных форм и т. д. Что же касается решений относительно приоритетности той или иной структуры для говорящих изученные источники предлагают следующие наблюдения.

По мнению авторитетных авторов «Истории английского языка», такие способы выражения субъекта «глагольного» герундия,

как родительный падеж существительного, равно как и употребление отрицательного местоимения *no*, и указательного *this*, являются архаичными. Сохранность перечисленных форм в герундиальной конструкции приводится со ссылкой на авторитет оксфордской грамматической школы Р. Кверка: принципиально, использование форм родительного падежа рядом с герундием является следствиями существования «именного» герундия – части речи, которая уже не существует в английском языке [A History of the English Language 2006; The Oxford Dictionary of English Grammar 2014].

По-видимому, именно в этом ключе британские коллеги обращают внимание на тот факт, что несмотря на предпочтения, высказываемые традиционными грамматиками, в современной речи альтернативная структура используется гораздо чаще, причем «некоторые глаголы, например, *to keep, to have, to leave, to find, to catch* вообще не используются с притяжательными местоимениями» [Biber, Conrad, Leech 2002, p. 345].

Вместе с тем отсутствие однозначности, сформированное анализом синхронных и диахронных описаний в отношении изучаемого объекта, потребовало поиска альтернативной, объективирующей ситуацию методологии на основе критерия количественности.

Методология 3 – корпусный анализ (СОСА, СОНА). Обращение к корпусным данным продемонстрировало и достоинства, и недостатки метода. Если безусловными преимуществами корпуса являются скорость получения ответа на запрос и количественная репрезентативность результата, к очевидным минусам корпуса следует отнести лексико-грамматический характер разметки языковых единиц без учета синтаксического статуса последних. Опора лишь на дистрибутивные свойства морфемы не позволяет осуществить точную выборку в условиях, создаваемых преимущественно аналитическим характером английского языка, где в высокой степени развиты полисемия и омонимия морфологических единиц. Так, в ответ на запрос по общей модели (NP 'S + V_{ing}) были получены не только предложения с искомыми структурами, но и примеры, в которых данная модель реализовывала значение формы 3-го лица единственного числа Present Continuous, например: *Marie gets changed behind the wardrobe door, and anyway, I always shut my eyes when I know Marie's getting undressed*. Попытка конкретизировать статус компонента 's (заменить символ 's на соответствующий родительному падежу дескриптор *ge*), хотя и привела к сокращению «шума» на выходе, не смогла ликвидировать его совсем.

Модель с формой общего падежа (NP + V_{ing}) аналогично требует более строгих структурных ограничений поиска: присутствующее в ней сочетание «существительное в общем падеже + глагольная основа + ing» может также соответствовать причастному обороту, например: *You are now – I heard the belated Lord Woodleigh explaining this myself – you are now Countess of Woodleigh.*

Неудачные запросы в корпус сделали очевидной необходимость расширенного описания дистрибуции форм V_{ing}, т. е. учета определенной синтаксической модели, компоненты которой сняли бы условия для неоднозначности. Говоря иначе, корпусный анализ был объединен с традиционным синтаксическим компонентом.

Мы предположили, что такой функцией является роль дополнения после наиболее частотных в герундиальной конструкции глаголов [Дроздова, Берестова 1999]. Этот подход позволил нам сопоставить структуры, жестко лимитированные в синтаксическом плане, но как результат дал более ограниченные сведения об их соотносительной частотности.

Экспериментально нами были произвольно отобраны два глагола, предполагающие использование герундиального оборота в качестве прямого дополнения – *to mind u to appreciate*, и два глагола, использующие герундиальный комплекс в качестве предложного дополнения, – *to insist on* и *to result in*.

Таблица 1

Именной компонент-существительное

MIND	NP'S + VING				NP + VING			
	spoken	written	web	TOTAL	spoken	written	web	TOTAL
COCA	0	1	0	1	11	16	16	43
COHA	7				9			
APPRECIATE	NP'S + VING				NP + VING			
COCA			3	3	9	13	12	34
COHA	2				1			
INSIST ON	NP'S + VING				NP + VING			
COCA	0	0	0	0	0	4	5	9
COHA	19				9 (в основном 1890–1910)			
RESULT IN	NP'S + VING				NP + VING			
COCA	0	16	4	20	16	102	100	218
COHA	17				13			

Все запрашиваемые структуры с существительными в родительном / общем падеже обнаружались в корпусах в очень ограниченном, иногда единичном, количестве, хотя и частично подтверждающем соображение о приоритетности существительного в общем падеже и, следовательно, полугерундиального оборота.

Запросы о структуре, в которой вместо существительного в родительном / общем падеже использовалось соответственно притяжательное или личное местоимение в объектном падеже, продемонстрировали более высокую частотность последней опции и позволили сделать определенные предположения касательно существующих языковых предпочтений.

Таблица 2

Именной компонент – местоимение

MIND	POSS. PRN + VING				PERS.PRN + VING			
COCA	spoken	written	web	TOTAL	spoken	written	web	TOTAL
	92	79	19	190	664	219	162	1045
СОНА	364				158			
APPRECIATE	POSS. PRN + VING				PERS.PRN + VING			
COCA	450	118	94	662	2018	194	392	2604
СОНА	98				44			
INSIST ON	POSS. PRN + VING				POSS. PRN + VING			
COCA	25	2	14	41	13	26	15	54
СОНА	267				72			
RESULT IN	POSS. PRN + VING				NP + VING			
COCA	17	120	82	219	44	122	266	432
СОНА	109				21			

Таким образом, при сравнении данных по обеим структурам, полученным путем синхронного среза (СОСА, 1 млрд словоупотреблений, 1990–2015 гг.), становится очевидным предпочтение, отдаваемое носителями языка, конструкции с существительным в общем падеже / личным местоимением в качестве прямого дополнения (исключением стал глагол *insist*, который не слишком частотен в конструкции с упоминанием деятеля, и использование существительного в общем падеже или личного местоимения в таких случаях ненамного превалирует над «притяжательной» версией).

Проведенный с помощью исторического корпуса СОНА (400 млн словоупотреблений, 1810–2000 гг.) диахронный анализ показал, что

доминировавшая почти до настоящего времени структура с притяжательным местоимением начинает терять в частотности и замещаться конкурирующей с ней конструкцией с личным местоимением.

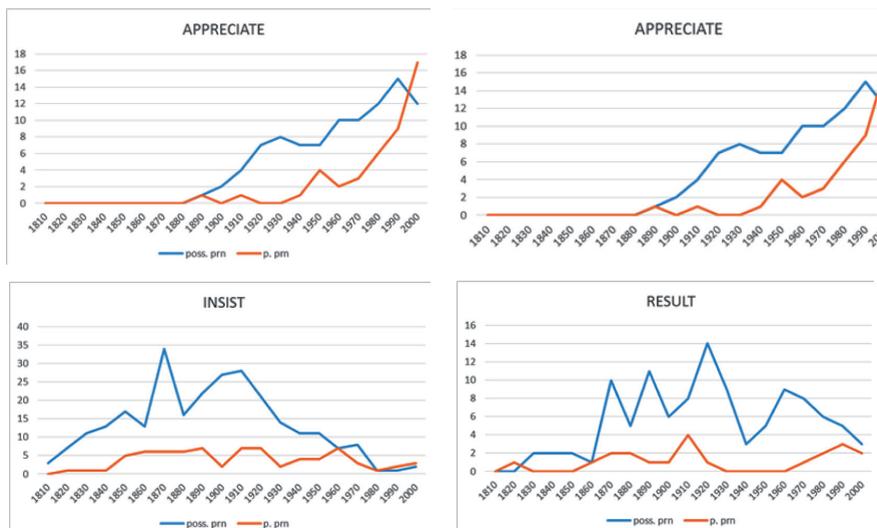

Рис. 1. Данные по запросу в СОНА

Результаты

Применение перечисленных подходов позволило сформировать объемное представление об изучаемом явлении и сформулировать следующие выводы, которые могут быть предложены обучающимся для более успешного выполнения ими учебных задач.

1. Современный герундий оформился как исторически детерминированный «гибрид» существительного и глагольного образования, сохранивший комбинаторные признаки имени, но обладающий выраженной семантикой процесса. Логическое осмысление события, требующее от говорящего выполнить атрибуцию процесса к выполняющему этот процесс лицу, является источником традиционного **использования притяжательного падежа / притяжательного местоимения для именной части конструкции**. На этом факте может быть основана дискурсивно-ориентированная рекомендация использования именного компонента именно в этой форме **для ситуаций формального общения**: для них характерно повышенное внимание к прозрачности

выражения и экономия усилий на интерпретацию, что должно быть обеспечено говорящим. Приведенный выше тезис об архаичности герундиального оборота является своеобразной поддержкой к данной рекомендации – как известно, исторически валидные тексты-источники демонстрируют серьезное тяготение к формальной речи.

2. В то же время, отмеченная историками и подтверждаемая данными корпусных исследований тенденция к усилению позиций структуры с общим падежом / личным местоимением в объектном падеже, совпадает с соображением функционалистов о том, что сегодня именно существительное в общем падеже чаще выдвигает на передний план агенса герундиального действия. Необходимо учитывать, что корпусные данные являются узус-ориентированными и отражают уменьшение частотности строгих формальных репрезентаций субъекта герундиального действия в связи с: 1) качественными изменениями в системе английского языка, а также 2) переменами в образе жизни англоговорящего сообщества, на которое неизбежно повлияли экономические и политические события, определявшие небольшой в историческом отношении период последних полутора сотен лет.

В частности, в современном английском языке все три неличные формы – инфинитив, герундий и причастие – оказались способны к созданию синтаксической конструкции, при этом именные компоненты инфинитивных и причастных оборотов в преобладающем большинстве случаев выражаются существительным в общем падеже, так что по меньшей мере количественно модель с общим падежом для всех трех форм оказывается доминирующей. Требования грамматической системы таковы, что если в качестве агенса герундий использует неодушевленные существительные или однородные одушевленные существительные, именная часть оборота будет выражена только общим падежом.

Отойдя от фактов системы, обратимся к изменениям, стимулированным экстралингвистическими факторами, но определившим дискурсивные потребности говорящих и слушающих. Используя понятийный аппарат французского лингвиста А. Фрея, критически относящегося к статическому кодифицирующему подходу при анализе поведения языка, противопоставим им динамический функциональный подход, в рамках которого доминанты речи понимаются как наиболее удовлетворительные решения коммуникативных задач. А. Фрей утверждает,

что, сложным образом взаимодействуя и нередко противореча друг другу, потребности говорящих – ассимиляция, дифференциация и ясность, экономия и экспрессивность – управляют использованием языка и придают его единицам новое качество [Фрей 2006].

Представляется, что именно ассимиляция, основанная на аналогии, т. е. стремлении к регулярности и однородности системы, и экономия (неизменяемость и краткость), объединившись, уже сегодня основательно потеснили герундиальную конструкцию и вывели на передний план полу-герундий. Если к этому добавить совершенно особую социальную ситуацию сегодняшнего дня, которую стало принято обозначать словом глобализация, **прогноз для герундиального оборота** достаточно пессимистичен: скорее всего, **в повседневном общении ему суждено «пасть жертвой» закона забвения** (т. е. устранения из системы того, что не выполняет какой-либо дискурсивной функции).

С точки зрения педагога-практика, использование перечисленных результатов требует предварительной сортировки примеров, включаемых в упражнения, где контексты должны обладать высокой степенью однозначности. При этом обучающиеся должны понимать, что герундиальные и полугерундиальные обороты не просто не равноценны формально, их вариативность и синонимия является результатом причинно-следственных связей между развитием языка и человеческого общества.

3. Представленные выше наблюдения носят, тем не менее, ограниченный характер: каждая методология, взятая в отдельности, демонстрирует серьезную ограниченность и не позволяет дать исчерпывающий ответ на поставленный вопрос. Хотя **предпочтение** и следует отдавать **функциональной лингвистике**, задачей которой является объяснение явлений, составляющих эффективные приемы речи, через отношение взаимной зависимости ситуации и коммуникантов, доработки требует формула запроса в корпуса, необходимо также получение данных по всему набору структурно-семантических моделей и проведение мини-диахронических срезов, создающих более тонкую социокультурную и прагматическую настройку для случаев использования герундиальных и полугерундиальных структур. Таким образом, поставленный в статье вопрос сохранит статус дискуссионного и позволит вернуться к нему для окончательного решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бруннер К. История английского языка / пер. с нем. : в 2 т. 4-е изд. М.: ЛКИ, 2010. Т. 2. [Brunner, K. (2010). *Istorija anglijskogo jazyka (A History of the English Language)*. Moscow: LKI. (In Russ., a translation from German)].
- Гордон Е. М., Крылова И. П. Грамматика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1986. [Gordon, E. M., Krylova, I. P. (1986). *Grammatika sovremennogo anglijskogo jazyka (A Grammar of Present-day English)*. Moscow: Vysshaja shkola. (In English)].
- Каушанская В. Л. [и др.] Грамматика английского языка. Л.: Просвещение, 1973. [Kaushanskaja, V. L. et al (1973). *Grammatika anglijskogo jazyka (A Grammar of the English Language)*. Leningrad: Prosveshhenie. (In English)].
- Гузеева К. А., Костыгина С. И. Грамматика английского языка. Герундий. СПб.: Союз, 2004. [Guzeeva, K. A., Kostygina, S. I. (2004). *Grammatika anglijskogo jazyka. Gerundij (English Grammar. The Gerund)*. St. Petersburg: Sojuz. (In English)].
- Дроздова Т. Ю., Берестова А. И. The Verbals. СПб.: Химера, 1999. [Drozdova, T. Ju., Berestova, A. I. (1999). *The Verbals*. St. Petersburg: Himera. (In English)].
- Иванова И. П., Чахойян Л. П., Беляева Т. М. История английского языка. СПб.: Авалон, Азбука-классика, 2006. [Ivanova, I. P., Chahojan, L. P., Beljaeva, T. M. (2006). *Istorija anglijskogo jazyka. (A History of the English Language)*. St. Petersburg: Avalon, Azbuka-klassika. (In Russ.)].
- Расторгуева Т. А. История английского языка. М.: Астрель : АСТ, 2001. [Rastorgueva, T. A. (2001). *Istorija anglijskogo jazyka (A History of the English Language)*. Moscow : Astrel' : AST. (In English)].
- Фрей А. Грамматика ошибок / пер. с франц. М.: Комкнига, 2006. [Frej, A. (2006). *Grammatika oshibok (A Grammar of Mistakes)*. Moscow: Komkniga. (In Russ., a translation from French)].
- Swan, M., Walter, C. How English Works. A Grammar Practice Book. Oxford University Press, 2001.
- Biber, D., Conrad, S., Leech, G. Longman Student Grammar of Spoken and Written English. Pearson Education Limited, 2002.
- Concise Dictionary of English Etymology. Oxford University Press. 2003.
- Hogg, R., Denison, D. A History of the English Language. Cambridge University Press, 2006.
- The Oxford Dictionary of English Grammar. 2nd edition. Oxford University Press, 2014.

УДК 81'42

Е. А. Северина

старший преподаватель кафедры второго иностранного языка Института иностранных языков им. М. Тореза Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: ratriniada@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ ГИБРИДИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ФЕЛЬЕТОНА

В статье рассматриваются наиболее типичные случаи языковой гибридации жанра современного немецкоязычного фельетона. В актуальной немецкоязычной прессе жанр фельетона выступает популярной формой медиасообщений. Анализ языковых средств, формирующих выразительность, экспрессивность, ироничность и саркастичность фельетона, указывает на их комплексное применение, что свидетельствует о гибридном характере современного немецкоязычного фельетона. Подобное комплексное взаимодействие языковых средств позволяет оказывать на массового реципиента различные виды воздействия – манипулятивное, прагматическое и суггестивное.

Ключевые слова: фельетон; гибридация; прагматическое воздействие; демократизация немецкого языка; карикатура.

E. A. Severina

Senior Lecturer, Department of Second Foreign Language, M. Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University;
e-mail: ratriniada@mail.ru

LINGUISTIC STRATEGIES OF HYBRIDIZATION OF MODERN GERMAN-LANGUAGE FEUILLETON

The article focuses on genre hybridization of the modern German-language feuilleton. In the current German-language press, the feuilleton genre is a popular form of media communication. An analysis of the language means forming expressiveness, irony, and the sarcastic tone of a feuilleton indicates their complex use, which points to the hybrid nature of the modern German-language feuilleton. Such complex interaction of linguistic means makes it possible to exert various types of influence on the mass recipient – manipulative, pragmatic and suggestive.

Key words: genre hybridization; feuilleton; pragmatic features of the feuilleton; pragmatic impact; caricature.

Введение

Динамическое развитие институциональной коммуникации в сторону массовых коммуникаций требует интенсивного развития жанров медиадискурса. Это обусловлено рядом обстоятельств – переходом на ресурс телекоммуникационной сети Интернет, использование массовым реципиентом различных источников для получения актуальной информации, потребностями в аудиовизуальной продукции и др. Мы полагаем, что «непрерывный рост значения мультимедийной составляющей в нашей жизни приводит к тому, что жанровые рестрикции обретают всё более условный характер и понятие гибридизации становится характерной чертой современной коммуникации» [Маркова 2015, с. 132]. Вышеперечисленные изменения оказывают влияние на различные типы среды, в том числе информационную, что приводит к формированию единого медиапространства.

Преобладание дистанционных технологий меняет привычные способы взаимодействия в системе массовых коммуникаций и требует трансформаций с учетом дигитальных решений – развития жанров виртуальной коммуникации, изменения способов хранения и передачи информации, гибридизации существующих жанров. Указанные изменения касаются современного немецкоязычного фельетона, который «выпал» из внимания ученых, работающих в русле жанроведческих теорий и концепций.

Фельетон, как особый жанр институциональной коммуникации, приобрел в последние десятилетия специфические черты. Так, точность фактов, описание злободневных вопросов, оперативная подача материала при одновременном сохранении легкости и ненавязчивости газетно-журнального стиля, осуществляется при помощи различных семиотических кодов – вербального, невербального и паралингвистического. Данные изменения позволяют рассматривать жанр современного немецкоязычного фельетона в качестве аудиовизуального продукта, отвечающего ожиданиям сегодняшних читателей. Следует, однако, отметить, что гибридизация проявляется, прежде всего, на языковом уровне – через смешение элементов разговорной и литературно-письменной речи, через сочетание единиц разговорной и специальной лексики, через одновременное использование вводных конструкций, присущих книжно-письменной речи, через интенсивное употребление эллиптических конструкций, отступление

от грамматических норм, во многом обусловленных процессами глобализации и цифровизации различных видов пространства, а также через интенсивное использование средств сатиры и юмора.

Вербальные признаки гибридации в современном немецкоязычном фельетоне

Современный немецкоязычный фельетон затрагивает преимущественно социально значимые, общественно важные, злободневные темы, важные для социума. Многоаспектность актуальных проблем требует одновременной реализации нескольких функций, прежде всего, информационной и воздействующей. При этом фельетонист обеспечивает немецкоязычное общество социально важной информацией, освещает насущные вопросы, придерживаясь правила оперативной подачи фактического материала, сохраняя также эмоциональноэкспрессивную оценочность медиасообщения. Вышеуказанные функции крайне редко встречаются в тексте порознь, однако при необходимости автор может сделать акцент на фактах, придав тексту информационный характер, или усилить ироничное и сатирическое изложение определенных общественных и бытовых проблем. Это варьирование оказывает существенное влияние на выбор и применение языковых средств. В результате одновременного использования нейтральной стилистически окрашенной лексики возникает смешение стилей, что можно рассматривать в качестве маркера процесса языковой гибридации.

Сопряжение «экспрессии» и «стандарта» [Костомаров 1971, с. 53] превращает фельетон в информационно-манипулятивный канал, служащий возникновению у читателя определенной точки зрения на событие или социальное явление объективной реальности. В качестве примера рассмотрим отрывок из фельетона «Das Letzte. Selbst ist der Mann» (ср. рус.: «Последняя капля. Сам себе хозяин»):

Wer will schon lange auf neue Glühbirnen oder einen Zebrastreifen warten?

Die Mühlen der Bürokratie mahlen bekanntlich langsam – und treiben auch Kommunalpolitiker oft zur Verzweiflung. Viele Leser dieser Zeitschrift kennen das Szenario: Anwohner fordern einen Zebrastreifen oder eine neue Ampel. Der Rat fasst dazu einen Beschluss. Dann liegt das Ansinnen bei der Verkehrsbehörde. Dort wird der Verkehr gezählt, geprüft, gerechnet, abgewägt. Und selbst wenn die Behörde am Ende grünes Licht gibt, kann es Jahre dauern, bis der ersehnte Fußgängerüberweg kommt.

Kurzer Dienstweg

So lange wollte ein junger Mann im hessischen Städtchen Eppertshausen nicht warten. Kurzerhand nahm er etwas Farbe zur Hand und pinselte eigenhändig einen Zebrastreifen auf die Straße. <...> Die sechs weißen, ungenehmigten Farbstreifen wurden von der Stadt schnell beseitigt» [Höck 2017].

Кто-нибудь хочет долго ждать новую электрическую лампочку или пешеходную зебру?

Как известно, «жернова» бюрократии мелют долго и вгоняют в отчаяние местных чиновников. Многим читателям этой газеты знаком сценарий: жители требуют новую «зебру» или новый светофор. Совет принимает решение. Затем запрос направляют в дорожное управление. Там обращение подсчитывается, проверяется, рассчитывается, взвешивается. И только, когда, наконец, ведомство даст зеленую улицу, а это может длиться годы, появится желанный пешеходный переход.

Более короткий план действий

Молодой человек из Гессенского городка Эппертсхаузен не захотел так долго ждать. Не мудрствуя лукаво, он взял немного краски и сам намалевал разметку зебры на улице. <...> Эти шесть белых, несанкционированных полос были городом спешно удалены.

Темой данного фельетона являются бюрократические проволочки, с которыми неоднократно сталкиваются граждане. За основу фельетона взяты фактические события – отсутствие пешеходного перехода (зебры) в положенном месте. Смещение стилей наблюдается, прежде всего, на лексическом уровне. Фельетонист внедряет клишированные фразы, характерные для передачи информации на общественно-политические темы, например: *Anwohner fordern; der Rat fasst einen Beschluss; das Ansinnen liegt bei der Verkehrsbehörde* при одновременном использовании эмоционально окрашенной метафоры – *die Mühlen der Bürokratie*.

Комплексное использование таких лексем порождает сатирический эффект, который привлекает внимание массового реципиента, как к самой проблеме, так и к ее языковой презентации, заставляя таким образом читать текст до конца. Для усиления сатирического эффекта в приведенном выше отрывке употребляются риторические вопросы, например: *Wer will schon lange auf neue Glühbirnen oder einen Zebrastreifen warten?* Риторические вопросы используются публицистом для актуализации проблемы и одновременного построения

«доверительных отношений» с читателем. Исходя из заданных вопросов, адресат может судить о сходствах и /или различиях между собственной и журналистской (авторской) точками зрения, об актуальности темы и о том, является ли она социально значимой.

Воздействующая функция немецкоязычного фельетона проявляется в интенсивном применении средств сатиры и юмора. Признаки языковой гибридизации в этом случае выражаются в одновременном употреблении на фоне литературной речи элементов устной разговорной речи, например: *pinselte eigenhändig einen Zebrastreifen auf die Straße; die sechs weißen, unangenehmigen Farbstreifen*.

В приведенном выше отрывке текста прагматическое воздействие осуществляется также при помощи использования фразеологизмов. Фразеологизм *j-m grünes Licht geben* («дать кому-то зеленую улицу») в немецкоязычном социуме означает разрешение на осуществление каких-либо действий в прямом и переносном значении. Напомним, что зеленый цвет в общепринятой системе цветообозначений имеет позитивное значение, ассоциируется с благоприятным стечением обстоятельств.

Принято считать, что данное устойчивое выражение пришло в немецкий язык из английского языка: *to give a green light*. Этимологически фразеологизм восходит к профессиональной речи железнодорожников – «непрерывная цепь зеленых огней семафоров перед идущим поездом открывает ему путь безо всяких задержек» [Зеленина 2010, с. 353]. Во французском языке также имеется подобное устойчивое выражение *donner le feu vert à qn*, однако дословно оно означает «давать кому-то зеленый огонь» [Дедюрина 2017, с. 76].

Привлечение образной лексики, фразеологических единств способствует формированию экспрессивности в фельетоне, что служит дополнительным фактором привлечения внимания массового реципиента. Одновременная реализация информационной и воздействующей функций приводит к гибридизации на стилистическом уровне, которая концентрирует внимание читателя на острой общественно значимой проблеме. В немецкоязычном фельетоне преимущественно гибридизация выражается в смешении разговорного и официально-делового стилей.

Фельетон как отражение процессов гибридизации современного немецкого языка

Процессы глобализации оказывают существенное влияние на развитие немецкого языка. Ученые полагают, что «лексический состав – та область языка, в которой наиболее очевидно и непосредственно фиксируются разнообразные изменения, происходящие в культуре социума» [Муравская 2014, с. 3]. По этой причине изменения находят свое выражение, прежде всего, в лексической гибридизации. Принято считать, что «с возникновением глобального интернет-пространства возросла скорость работы журналистов, изменились сроки и частота сдачи материалов» [Киуру 2017, с. 244].

Указанное обстоятельство влияет на выбор языковых средств для фельетона. В исследуемых нами немецкоязычных фельетонах это выражается в процессах так называемой демократизации немецкого языка – *die Demokratisierung der Sprache* [Scheller-Boltz 2010, с. 46], которая проявляется в переходе от выражений, свойственных официально-деловому стилю, к лексическим единицам, чаще используемым в живой, естественной, непринужденной речи. В качестве примера рассмотрим отрывок из фельетона: *Einkaufen ist des Mannes Folter* (ср. рус.: «Покупки – пытка для мужчин») в газете Stern:

Dunkelbraun ist sie, sieht nach Plastik aus, ist aber Leder, und hat etwa 600 Euro gekostet. Seit einiger Zeit hängt sie in unserem Kleiderzimmer. Außer bei der Anprobe im Laden hab‘ ich die Jacke noch nie angehabt. Ich kriege die Krätze, wenn ich daran denke, sie anziehen zu müssen.

Dennoch habe ich sie gekauft. Noch heute höre ich das Gezwitscher der Verkäuferin, die sagte: “Die steht Ihnen aber besonders gut.” Nicht, dass ich mich geschmeichelt gefühlt und sie deswegen gekauft hätte. Ich hatte einfach die Nase voll vom Rumlaufen – rein in den Laden, anprobieren, war nix, wieder raus. Mich nervt das fürchterlich. Und das Einkaufen sowieso» [Kaiser 2008].

Она темно-коричневая, выглядит как клеенка, но это кожа и стоила 600 евро. С недавних пор висит у нас в гардеробной. Кроме примерочной, я ее больше не надевал. У меня начинается чесотка, если я только подумаю, что ее нужно надеть.

Тем не менее я ее купил. Как сейчас слышу щебетанье продавщицы: «Она Вам особенно идет». Не то чтобы мне это польстило и стало причиной покупки. Просто я уже был сыт по горло этой беготней – в магазин, меряем, ничего не подходит, снова на выход. Меня это ужасно нервирует. Как и покупки в целом.

Фактором усиления коммуникативной активности адресата является апеллятивность современного немецкоязычного фельетона. Вслед за Е. В. Комлевой, мы рассматриваем «апеллятивность» как «основу планируемого автором воздействия текста и базу для его восприятия реципиентом» [Комлева 2015, с. 3]. В данном случае апеллятивность реализуется с помощью включения в текст фельетона разговорных выражений, присущих устному общению, например: *sieht nach Plastik aus; außer bei der Anprobe im Laden hab' ich; höre ich das Gezwitscher der Verkäuferin*, а также устойчивых выражений: *ich kriege die Krätze; ich hatte einfach die Nase voll vom Rumlaufen*. Их комплексное употребление на фоне языка СМИ придают фельетону динамичность, которая служит сокращению дистанции между автором и читателем.

Воздействие на массового реципиента достигается путем комбинирования выражений, содержащих как нейтральные, так и стилистически окрашенные лексемы, в том числе жаргонизмы и сниженную лексику. Наиболее наглядно это проявляется в диалогических репликах. В связи с демократизацией немецкого языка отмечается возросшее использование заимствований. Мы наблюдаем возникновение в процессе гибридизации жанров также смешение языков (контаминацию) [см. Букеева 2014, с. 34]. Для современного немецкого языка в целом характерно употребление англо-американизмов, а также их интенсивное использование в так называемых лексических гибридах. Данная языковая проблема вызывает большой резонанс в современном немецком социуме, что находит свое выражение в немецкоязычных фельетонах. Обратимся к конкретному тексту:

Muttersprache im Wandel

Die Nachrichten zeigen Fake News, Magazine sind voller Beauty-Tipps und die Gyms gut besucht von Menschen, die ihre Bodys shapen. Was ist den bloß los mit den Usern der deutschen Language? Wir sind alle ganz Lehnwort-verrückt. Begriffe wie chillen, shoppen, nice oder challenge klingen heutzutage nach Professionalität und Fortschritt» [Roth].

Родной язык в обмен. Новости показывают фейковые новости, журналы полны бьюти-советов, а в тренажерные залы ходят люди, которые следят за своей формой. Что же происходит с пользователями немецкого языка? Мы все сошли с ума на почве употребления заимствований. Такие понятия, как «чиллинг», «шоппинг», «найс», «челендж» отдают сегодня профессионализмом и продвинутостью.

Для того чтобы расставить акценты и раскрыть суть вопроса, автор текста намеренно использует большое количество заимствований из английского языка, ср. нем.: *Fake News; User; Beauty-Tipps; Gyms; challenge* и др. Подобное нагромождение англо-американской лексики способствует созданию зримого образа отрицательного явления, которое может затрагивать интересы некоторых социальных групп, а нередко и всего общества в целом.

«Вкрапление» английских заимствований в текст современного немецкоязычного фельетона придает ему сатирическую окраску, что помогает автору привлечь внимание адресата к содержанию текста и убедить массового реципиента в неуместности использования англицизмов при наличии аналогичных понятий в немецком языке. В приведенном выше отрывке фельетона автор употребляет английские заимствования для описания негативных явлений социальной жизни с тем, чтобы немецкоязычный читатель перестал воспринимать англо-американские заимствования в качестве более престижных: *klingen heutzutage nach Professionalität und Fortschritt*.

В немецкоязычном фельетоне гибридикация нередко поддерживается визуальным компонентом, например при помощи карикатуры. Карикатура призвана усилить воздействие фельетона на массового читателя. Фельетон *Muttersprache im Wandel* сопровождается карикатурой, на которой изображено женское лицо, губы окрашены в цвет немецкого флага, в то время как язык имеет полное цветовое соответствие с флагом Великобритании. Карикатура призвана подкрепить мысли автора о прекращении бездумного использования заимствований.

Заключение

Процессы гибридикации представлены в немецкоязычном фельетоне на разных языковых уровнях. В анализируемом нами жанре они выражаются, прежде всего, в смешении информационного и развлекательного стилей, в смешении английского и немецкого языков, в одновременном использовании стилистических окрашенных лексических единиц на фоне официально-деловой или книжной лексики. Такое целенаправленное использование языковых средств для достижения комплексного воздействия на читателя позволяют рассматривать современный немецкоязычный фельетон в качестве гибридного жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Букеева М. Е. Гибридизация жанров презентационного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 5 (691). С. 30–38. [Bukeeva, M. E. (2014). Hybridization of genres of presentation discourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 5 (691), 30–38. (In Russ.)].
- Дедюрина Е. Ю. Особенности фразеологической синонимии на материале глагольных словосочетаний французского языка // Материалы научной сессии. Ч. 2. Серия Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака. 2017. С. 75–78. [Dedyurina, E. Yu. (2017). Osobennosti frazeologicheskoy sinonimii na materiale glagol'nyh slovosochetaniy francuzskogo yazyka (*Features of phraseological synonymy on the material of French verb phrases*). *Materialy nauchnoj sessii. Ch. 2. Seriya Yazyk i dejstvitel'nost'*. Nauchnye chteniya na kafedre romanskih yazykov im. V. G. Gaka (pp. 75–78). (In Russ.)].
- Зеленина Е. В. Фразеологические единицы с компонентом «Зелёный цвет» английского и немецкого языков и их отражение в языковой картине мира // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. Вып. 1. С. 350–358. [Zelenina, E. V. (2010). Phraseological units with the component “Green” of the English and German languages and their reflection in the linguistic picture of the world. *Proceedings of Tula State University*, 1, 350–358. (In Russ.)].
- Киуру К. В. Современный медийный дискурс: дигитализация медиатекста и проблема жанрообразования // Профессиональная культура журналиста цифровой эпохи: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Екатеринбург, 19 мая 2017 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2017. С. 243–245. [Kiuru, K. V. (2017). *Sovremennyy medijnyj diskurs: digitalizaciya mediateksta i problema zhanroobrazovaniya* (*Contemporary media discourse: digitalization of media text and the problem of genre education*). *Professional'naya kul'tura zhurnalista cifrovoj epohi: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*, (pp. 243–245). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (In Russ.)].
- Комлева Е. В. (2015). Функционально-семантическая категория апеллятивности как фактор текстообразования (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... д-ра фил. наук. СПб. 2015. [Komleva, E. V. (2015). *Funkcional'no-semanticheskaya kategoriya apelyativnosti kak faktor tekstoobrazovaniya* (na materiale sovremennogo nemeckogo yazyka) (*Functional-semantic category of appellation as a factor of text formation (based on the material of modern German language)*: thesis of PhD in Philology. Saint Petersburg. (In Russ.)].

- Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. М.: Изд-во МГУ. 1971. [Kostomarov, V. G. (1971). *Russkij yazyk na gazetnoj polose. Nekotorye osobennosti yazyka sovremennoj gazetnoj publicistiki. (Russian language on the newspaper page. Some features of the language of modern newspaper journalism)*. Moscow: Izd-vo MGU. (In Russ.)].
- Маркова С. С. Языковые проявления гибридизации жанра современной публичной речи // Вестник САФУ Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2015. Вып. 6. С. 131–138. [Markova, S. S. (2015). Linguistic manifestations of hybridization of the genre of modern public speech. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Humanitarian and Social Sciences*, 6, 131–138. (In Russ.)].
- Муравская И. А. Лексической заимствование как фактор изменения когнитивных структур (на материале англицизмов в медиадискурсе): автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 2014. [Muravskaya, I. A. (2014). *Leksicheskoj zaimstvovanie kak faktor izmeneniya kognitivnyh struktur (na materiale anglicizmov v mediadiskurse)*. (Lexical Borrowing as a Factor in Changes in Cognitive Structures, on the Material of Anglicisms in Media Discourse): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Höck, C. F. Das Letzte. Selbst ist der Mann // Demo-online. 2017, Juni 12. URL: <https://www.demo-online.de/blog/selbst-mann>.
- Kaiser, H. Einkaufen ist des Mannes Folter // Stern. 2008. Januar 27. URL: <https://www.stern.de/familie/glosse-einkaufen-ist-des-mannes-folter-3222754.html>.
- Roth, E. Denglich // Deike Press. URL: <https://www.deike-online.de/produktart/illustrierte-artikel-texte/45245/glosse-denglich>.

УДК 811.111

О. В. Смурова

кандидат биологических наук;
старший преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка
факультета английского языка Московского государственного лингвистического
университета;
e-mail: olsmurova@yandex.ru

СПОСОБЫ УСИЛЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ДИНАМИКИ ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

В статье исследуются способы повышения информационной значимости оценочного компонента эпистемических высказываний, используемые в современном английском языке. Работа основывается на концепции функционально-коммуникативной грамматики и иллюстрируется примерами из Британского национального корпуса (BNC) и Корпуса современного американского английского (COCA). Показано, что механизмом усиления динамизма эпистемического высказывания служит рематизация эпистемического показателя, осуществляемая различными способами и с разной степенью эффективности.

Ключевые слова: данное – новое; информационная структура; коммуникативная структура; полипредикативность; рематизация; степень коммуникативного динамизма; тема – рема; эпистемическая оценка.

O. V. Smurova

PhD., Senior Lecturer at the Department of Grammar and History of English, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: olsmurova@yandex.ru

WAYS OF INCREASING THE COMMUNICATIVE DYNAMICS OF EPISTEMIC UTTERANCES

The article explores means of increasing the degree of communicative dynamism of the qualitative component in epistemic utterances in modern English. The work is based on the concept of functional communicative grammar and is illustrated by examples from the British National Corpus (BNC) and the Corpus of Contemporary American English (COCA). The author argues that the mechanism of enhancing the dynamism of an epistemic utterance is rhematisation of epistemic modality operators. It is shown that rhematisation of modal operators is carried out in different ways and with varying degrees of intensity.

Key words: given – new; information structure; communicative structure; polypredicativity; rhematisation; degree of communicative dynamism; theme – rheme; epistemic evaluation.

Введение

Любое оценочное высказывание имеет специфическую семантическую структуру, состоящую из двух компонентов: *субъективно-оценочного* и носящего объективный характер *дескриптивного*. В эпистемических высказываниях оценке со стороны говорящего подвергается степень достоверности какой-либо ситуации внешней действительности, отраженной в дескриптивном компоненте высказывания. В оценочном компоненте эпистемического высказывания выражается степень уверенности говорящего в достоверности этой ситуации, т. е. субъективное мнение говорящего. С семантической структурой эпистемического высказывания связана как его синтактика, так и его коммуникативная структура. Коммуникативная структура высказывания (актуальное членение) обеспечивает очередность и качество восприятия информации адресатом, устанавливая отношения между компонентами высказывания с прагматической точки зрения, с учетом новизны информации и положения информационных компонентов в его синтаксической структуре.

Исследования коммуникативной структуры берут начало в работах лингвистов Пражской лингвистической школы. Так, согласно В. Матезиусу, актуальное членение предложения имеет семантическую природу. В информационной структуре высказывания В. Матезиус выделяет *основу* высказывания, т. е. то, о чем говорится в высказывании, и *ядро* – то, что сообщается об основе [Mathesius 1983]. В работах функционалистов школы М. Халлидея компоненты информационной структуры высказывания обозначаются как данное (*Given*) и новое (*New*). Отличие данного от нового состоит в том, что последнее не восстанавливается из контекста [Halliday 1967].

Понимая любой пример использования языка как текст, М. Халлидей считает, что и для устного, и для письменного текста характерны линейные (синтагматические) взаимодействия, поскольку любой текст линейно развертывается во времени. Следовательно, в любом тексте можно выделить исходный пункт – тему высказывания (*Theme*), за которой следует рема (*Rheme*) – центр коммуникации. В обычном случае соблюдается принцип подачи информации от исходного пункта к центру коммуникации (т. е. от темы к реме).

Хотя новое (*New*) обычно служит содержанием ремы, необходимо подчеркнуть, что тема-рематическое членение и информационная

система «данное – новое» – это разные системы, совокупность которых составляет коммуникативную структуру высказывания. Темарематическое членение высказывания характеризует структурное расположение его информационных компонентов, тогда как компоненты информационной системы служат «наполнителями» этой структуры. Они различаются *степенью коммуникативного динамизма*, под которым понимается степень участия компонента высказывания в развитии коммуникации [Firbas 1987, с. 270]. Отметим, что указанный термин встречается в работах ученых Пражской лингвистической школы, функционалисты школы М. Халлидея используют термин «degree of newsworthiness» (степень вклада в новизну) [Matthiessen and Halliday 2009, с. 66].

В каком-то смысле информационную систему «данное – новое» и темарематическое членение можно рассматривать как план содержания и план выражения коммуникативной структуры, соответственно.

Взаимодействие темарематической и информационной систем в коммуникативной структуре высказывания обеспечивает эффективность общения коммуникантов, позволяя, с одной стороны, максимально реализовать речевые интенции говорящего, а с другой – облегчить восприятие высказывания адресатом. На уровне прагматики *тема, рема, данное и новое* выступают как синтаксические функции, обеспечивающие распределение информации в высказывании как в коммуникативной единице. Так, в английском языке первую позицию в клаузе обычно занимает тема, которая ориентирована на говорящего, тогда как последняя позиция в клаузе означает ориентацию на адресата и содержит новую информацию (*новое*). Как пишет Дж. Мартин, «the English clause for example uses first position to highlight the speaker's angle on the experience being constructed while last position is hearer oriented, highlighting information that is in some respect new» [Martin 1992, с. 12].

Семантическая структура эпистемического высказывания характеризуется эксплицитным модусом, в котором находит свое выражение оценочный компонент. На уровне синтактики структуре с эксплицитным модусом соответствует сложноподчиненное предложение с придаточным дополнительным, где главная часть отражает модус, а придаточное – пропозицию. В такой полипредикативной структуре оценочный компонент, составляя главное предложение, занимает позицию темы, что противоречит его положению ядра

в информационной системе эпистемического высказывания. Следовательно, между тема-рематической и информационной системами в коммуникативной структуре эпистемического высказывания имеется противоречие, вызывающее необходимость рематизации оценочного компонента.

Целью данной статьи является исследование способов рематизации оценочного компонента эпистемического высказывания, позволяющие усилить коммуникативную динамику высказывания.

В исследовании в качестве источников примеров использовались два крупнейших корпуса современного английского языка: *The Corpus of Contemporary American English (COCA)* и *The British National Corpus (BNC)*.

Методологией настоящей статьи является функциональная семантика и концепция функционально-коммуникативной грамматики.

Особенности коммуникативной структуры эпистемических высказываний

В качестве непосредственных эпистемических показателей в полипредикативных эпистемических высказываниях могут выступать средства различных уровней языка:

- а) морфологические (*It **may** be that he will come late*);
- б) лексические (*It is **possible** that he will come late*);
- в) синтаксические (фразы с местоимением 1-го лица и глаголом с семантикой полагания, например, ***I suppose** that he will come late*).

Позиция информационного компонента в тема-рематической структуре связана с разной степенью его коммуникативной значимости. По мнению Я. Фирбаса, информационный компонент, связанный с темой, характеризуется самой низкой коммуникативной значимостью: «The information conveyed by the Theme contributes least to the further development of the communication within the sentence» [Firbas 1987, p. 138]. Рема, напротив, имеет высокий уровень коммуникативной значимости и максимальный уровень коммуникативного динамизма. Сдвиг информационного компонента высказывания в сторону ремы должен приводить к повышению степени его коммуникативного динамизма и, соответственно, к усилению динамики самого высказывания как коммуникативной единицы. Высказывания с высокой динамичностью способствуют повышению эффективности коммуникации и, значит, должны обладать более высокой частотностью.

Исследования, проведенные на двух крупнейших корпусах современного английского языка (СОСА и BNC), показали, что «свернутая форма» эпистемических высказываний, структурно представляющая собой не сложноподчиненное, а простое предложение, является гораздо более частотной, чем полипредикативная синтаксическая структура высказываний. В свернутых эпистемических высказываниях предикативность в оценочном компоненте не имеет формального выражения. В таких высказываниях морфологические средства эпистемической оценки входят в диктум (в объективную часть высказывания), а лексические средства выступают в виде синтаксически независимых вводных слов:

- а. He **may** come late.
- б. **Perhaps** he'll come late.

Что касается синтаксических средств, то они способны «сворачиваться» в теги или хеджи. Поскольку подобные элементы полностью утрачивают оценочный характер, мы не рассматриваем их в данной статье.

В следующих разделах статьи мы покажем, что как вход в диктум, так и синтагматическая изоляция являются способами рематизации оценочного компонента эпистемического высказывания. Способ рематизации зависит от принадлежности эпистемического показателя к определенному уровню языковой системы. Однако независимо от того, каким способом осуществляется рематизация, эпистемические показатели в свернутых формах обладают более высокой степенью коммуникативного динамизма, чем в полипредикативных структурах.

Способы усиления динамики высказываний с морфологическими эпистемическими показателями

Самыми частотными средствами выражения эпистемической оценки в свернутых синтаксических структурах являются средства морфологического уровня языка – модальные глаголы. Поскольку модальные глаголы в английском языке не существуют вне сказуемого, основным способом повышения степени коммуникативного динамизма для них является их способность вдвигаться в диктум. Необходимо отметить, что диктальные модальные глаголы с эпистемическим значением, как и глаголы эксплицитного модуса, оперируют пропозицией, поскольку находятся в позиции выше, чем позиция субъекта пропозиции. Более высокая позиция модального глагола по отношению

к субъекту в логической форме предложения обеспечивает его эпистемическую интерпретацию [Butler 2003]. Расположение диктального модального глагола по отношению к информационной и тема-рематической системам в коммуникативной структуре высказывания показано на Рисунке 1.

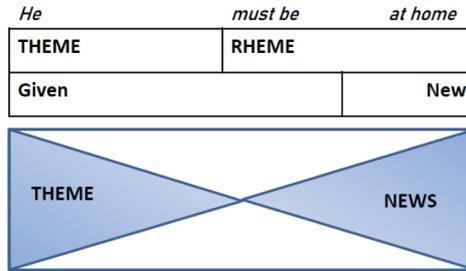

Рис. 1. Диктальный модальный глагол в коммуникативной структуре высказывания

На рис. 1 информационная структура высказывания представлена, по М. Халлидею, в виде волны с двумя пиками, связанными с говорящим и адресатом, и с срединным провалом: «The systems of THEME and INFORMATION can thus be seen as assigning peaks of prominence to the beginning and end of the English clause» [Martin 1992, p. 12]. Контрастное чередование пиков и провалов в тексте обеспечивает его динамику и облегчает обработку информации адресатом: «Creating contrasts between prominence and non-prominence in meaning as an aid in the processing of text» [Matthiessen 1992, p. 42].

На рис. 1 показано, что диктальный модальный глагол становится компонентом ремы, что повышает его коммуникативную значимость. Хотя динамика высказывания в целом усиливается за счет его сокращенной формы, степень коммуникативного динамизма самого модального глагола увеличивается незначительно, так как положение диктального модального глагола относительно информационной системы «данное – новое» оказывается близким к зоне информационного «провала».

Еще один способ повышения динамики эпистемических высказываний с морфологическими показателями, сопровождающийся более значительным увеличением степени коммуникативного динамизма самого показателя, демонстрирует модальный глагол *may*, который

является самым частотным из всех эпистемических модальных глаголов. Для *may*, в силу его высокой встречаемости и легкой опознаваемости как эпистемического показателя, характерны прототипические эффекты. В частности, из конструкции *may + be* развивается специализированный оценочный показатель *maybe*, маркирующий невысокую степень уверенности говорящего и характеризующийся очень высокой частотностью. Так, в корпусе СОСА имеется 374739 вхождений *maybe*; этот показатель встречается в 142 раза чаще, чем фраза *It may be that* (2639 случаев). Показатель *maybe* в эпистемических высказываниях функционирует как вводное слово (парентеза). Парентезы не входят ни в синтаксическую структуру, ни в состав тема-рематического членения высказывания. Эпистемические высказывания с парентезами обладают высоким динамизмом. Причины повышения динамизма эпистемического высказывания при присоединении вводных слов мы рассмотрим в следующем разделе.

Топикализация и рематизация эпистемических парентез

Парентезы с эпистемическим значением (*certainly, definitely, undoubtedly, surely, perhaps, probably, maybe* и др.) чаще всего занимают начальную или конечную позицию в структуре высказывания.

Выход элемента синтаксической структуры на первую позицию понимается как *топикализация* этого элемента [Слюсарева 1981]. Оценочный компонент независимо от того является он вводным словом или входит в синтаксическую структуру высказывания, обладает высокой степенью информативности и, следовательно, высокой коммуникативной нагрузкой – большей, чем у последующих компонентов синтаксической структуры, которые в дальнейшем располагаются с нарастанием рематичности. Н. А. Слюсарева считает, что при топикализации элемента высказывания происходит его *рематизация* в том случае, если «вынесенный на первое место элемент высказывания обладает максимумом информативности» [Слюсарева 1981, с. 118].

Способность эпистемических парентез составлять самостоятельные высказывания, в которых они используются как предложение-ответ подтверждает их рематичность. Согласно методу выделения ремы, предложенному Э. Хэтчер [Hatcher 1956] и разработанному пражскими лингвистами, ремой является то, что служит кратким ответом на реальный или гипотетический вопрос:

(1) «Suicidal?» – «**Possibly**. It's hard to do a proper assessment, since he won't talk».

(2) ALCIPPE: A gallant deed (COCA).

DORANTE: A deed of love?

ALCIPPE: **Presumably** (COCA).

Таким образом, коммуникативный динамизм эпистемических высказываний с вводными словами в начальной позиции обеспечивается рематичностью первого элемента высказывания, сочетающейся с его высокой проекционной силой, за счет которой повышается напряженность ожидания следующей фразы высказывания.

В финальной позиции вводные слова, десемантизируясь, функционируют как дискурсивные маркеры, главной функцией которых является прагматическая функция установления раппорта между говорящим и адресатом. Вводные слова в финальной позиции также способны имплицировать просьбу к адресату о подтверждении предположения говорящего. Особенно эта функция характерна для вводного слова *surely*, которое в такой функции встречается в высказываниях с вопросительной коммуникативной установкой: *My Lord, there can be no question, surely?* (BNC).

Синтаксическая структура такого вопроса также не является типичной, использование слова *surely* можно рассматривать как прием фокализации ремы основного высказывания, что также повышает коммуникативный динамизм высказывания.

Эпистемические наречия и частицы как рематические маркеры

Эпистемические **наречия**, в отличие от эпистемических вводных слов, всегда занимают медиальную позицию в высказывании. Функционируя как члены предложения, эпистемические наречия относятся к какому-то одному слову или словосочетанию. На прагматическом уровне они концентрируют внимание адресата на том слове или словосочетании высказывания, к которому относятся, осуществляя коммуникативно-синтаксическую функцию рематизации. В примерах ниже наречие *probably* не только выражает степень уверенности говорящего, но и служит указателем центра коммуникации, выделяя рему высказывания:

(3) He says Kenneth **probably** knows more about it than he does and is sure Dr McKenzie at the Cromwell Hospital will be able to answer any questions (COCA).

(4) The Birmingham week, immediately before the ATP Championships, when few of the Frankfurt qualifiers want to play anyway, is **probably the worst** in the calendar for attracting a qualifying field (BNC).

Из наречий в английском языке могут развиваться **частицы**. К образованию частиц приводит процесс семантического выветривания наречий, в результате которого их значения «размываются» и становятся более абстрактными. Как и наречия, частицы могут служить рематическими маркерами.

В современном английском языке функционирует развившаяся из соответствующего наречия частица *easily*. Collins COBUILD American English Dictionary дает следующее толкование значению частицы *easily*: «You use easily to emphasize that something is very likely to happen, or is very likely to be true», т. е. слово *easily*, функционируя как частица, служит эпистемическим показателем: *It is easily the most expensive garment Cayce owns, and would be virtually impossible to replace* (COCA).

Употребление частицы *easily* не является однородным, так как *easily* также может функционировать как усилительная частица, сочетаясь с модальным глаголом эпистемической возможности: *Shopping for new management when her career was in a slump could be risky. She might easily end up with someone lower on the food chain than Amy* (COCA).

Другим примером усилительной частицы может служить *well*: *It might well have been invented by some creative pack, perhaps the same one who truly invented the cannon catapults* (COCA).

Усилительные частицы имеют тенденцию встречаться в устойчивых сочетаниях с модальными глаголами в постпозиции по отношению к ним.

Усилительные частицы служат рематическими маркерами смыслового глагола предиката, тогда как собственно-эпистемические частицы оперируют пропозицией. При сочетании с модальным глаголом собственно-эпистемическая частица располагается в препозиции по отношению к нему: *But an unwritten law, one she hadn't known about and didn't quite understand, halted the crowd behind the gate when it easily might have overwhelmed Burt and Robert* (COCA).

Заметим, что усилительные частицы встречается гораздо чаще, чем собственно-эпистемические. Так, В COCA мы встретили комбинацию *might easily* 56 раз, *could easily* – 670 раз и комбинацию

may easily – 6 раз, тогда как комбинация *easily might* встретилась 7 раз, а *easily could* – 239 раз, *easily may* – 2 раза.

Взаимодействие частиц с коммуникативной структурой высказывания резко отличается от взаимодействия с ней вводных слов. Так, введение в высказывание *He can't write a song by Friday* усилительной частицы *possibly*, повышает его эмотивность: *He can't possibly write a song by Friday*. Высказывание с вводным словом *possibly*, напротив, воспринимается даже как менее эмотивное, чем исходное: *Possibly, he can't write a song by Friday*.

Очевидно, что эмотивность высказывания, а, следовательно, и его коммуникативный динамизм связаны не с семантикой слова *possibly*, а с его коммуникативно-синтаксической функцией. Частица *possibly* является обладающим повышенной экспрессией рематическим маркером, тогда как вводное слово выполняет функцию ремы, присоединенной к другой тема-рематической структуре: R1 – (T2–R2). Отсюда можно сделать вывод, что рематические маркеры имеют более высокую степень коммуникативного динамизма, чем синтагматические изолированные элементы синтаксической структуры.

В качестве рематических маркеров с высокой степенью коммуникативного динамизма в эпистемических высказываниях функционируют отрицательные частицы *hardly* и *scarcely*. Подвергнувшись десемантизации, отрицательные частицы приобретают значение более высокого уровня абстракции, и являются участниками синтаксической структуры высказывания на более морфологизированном уровне, чем наречия:

(5) Harry sent a great cascade of fake Galleons onto the ground where they joined the goblets, and now there was **scarcely** room to place their feet, and the glowing gold blazed with heat, so that the vault felt like a furnace (BNC).

(6) Reger's heart doesn't seem to be getting better, but it could **hardly** get worse (COCA).

Как эпистемические показатели частицы *hardly* (= probably not; not likely) и *scarcely* (= probably not or certainly not) ослабляют достоверность пропозиции, а как рематические маркеры – притягивают пик коммуникативной нагрузки в высказывании, что доказывается их способностью выступать как предложение-ответ: *Do you think we'll do it? – Hardly*.

Заключение

Исследование показало, что усиление коммуникативной динамики эпистемических высказываний происходит при перестройке их коммуникативно-синтаксической структуры, которая осуществляется разными способами, зависящими, в первую очередь, от того, к какому уровню языковой системы принадлежит эпистемический показатель. Изменение положения эпистемического показателя в структуре высказывания приводит к изменению его коммуникативно-синтаксической функции, что оказывает влияние не только на степень его коммуникативного динамизма, но и на его семантику. В частности, семантическое содержание лексических эпистемических показателей детерминируется их коммуникативно-синтаксическими функциями в высказывании. Механизмом, лежащим в основе всех способов усиления динамизма эпистемического высказывания, служит рематизация оценочного компонента, которая в зависимости от типа эпистемического показателя характеризуется различной интенсивностью и приводит к неодинаковой степени увеличения коммуникативной динамики высказывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Слюсарева Н. А.* Проблемы функционального синтаксиса. М.: Наука, 1981.
[Slyusareva, N. A. (1981). Problemy funkcional'nogo sintaksisa (*Problems of Functional Syntax*). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Butler, J.* A Minimalist Treatment of Modality / Ed. by J. Rooryck // *Lingua*, 2003. Vol. 113. № 10. P. 967–996.
- Firbas, J.* On the delimitation of the theme in functional sentence perspective // *Functionalism in linguistics*, eds. R. Dirven and V. Fried. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 1987. P. 137–156.
- Halliday, M.* Notes on transitivity and theme in English. Part 2 // *Journal of Linguistics*. 1967. P. 199–244.
- Hatcher, A.* Syntax and Sentence // *Word*. 1956. Vol. 12. No 2. P. 234–250.
- Martin, J.* English Text: System and Structure. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 1992.
- Mathesius, V.* Functional linguistics // *Praguiana: Some basic and less known aspects of the Prague Linguistic School*, eds. J. Vachek and L. Dušková, Amsterdam and New York: John Benjamins, 1983. P. 121–142.
- Matthiessen, C.* Interpreting the textual metafunctions // *Advances in systemic linguistics: Recent theory and practice* / M. Davies and L. Ravelli (eds.) London and New York: Pinter Publishers, 1992. P. 37–81.
- Matthiessen, C., Halliday, M.* Systemic Functional Grammar: A first step into the theory. Beijing: Higher Education Press, 2009.

УДК 811.111

Т. С. Сорокина

доктор филологических наук, профессор;
профессор кафедры грамматики и истории английского языка факультета
английского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: sotan1462116@gmail.com

НЕКАНОНИЧЕСКИЕ АНГЛИЙСКИЕ РЕЗУЛЬТАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ: МЕТАФОРА И МЕТОНИМИЯ

В данной статье рассматривается роль метафоры и метонимии при создании неканонических результативных конструкций на примере структур с прилагательным и предложным сочетанием. Автор приходит к выводу, что метафора может взаимодействовать с метонимией или демонстрировать слияние с ней, однако именно метафора создает непрототипичность при гештальтном восприятии неканонических конструкций. Наиболее абстрактные метафоры и метонимии в неканонических конструкциях – это своего рода схемы, регулирующие мыслительный процесс. При этом метафора всё же остается основной ментальной операцией, способом познания, структурирования и объяснения мира.

Ключевые слова: результативные конструкции; метафора; метонимия; неканонические структуры; взаимодействие; слияние; гештальт.

T. S. Sorokina

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor, Professor at the Department of Grammar and History of English, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: sotan1462116@gmail.com

NON-CANONICAL ENGLISH RESULTATIVE CONSTRUCTIONS: METAPHOR AND METONYMY

The article is a case study that discusses metaphor and metonymy in non-canonical resultative constructions of the AP and PP type. The observations show that metaphor can interact with metonymy or they both demonstrate conflation yet it is metaphor that creates non-prototypical gestalt marking of non-canonical constructions. The High-Level Metaphors and Metonymies in non-canonical constructions are sort of schemas governing the process of thinking. Nevertheless, metaphor is believed to be the basic mental operation, means of cognition, construing and interpretation of the world.

Key words: resultative constructions; metaphor; metonymy; non-canonical structures; interaction; conflation; gestalt.

Введение

Метафора и метонимия являются объектом пристального внимания когнитивистов как в теоретическом, так и в прикладном аспекте. Так, Лакофф и Джонсон [Lakoff, Johnson 1980] трактовали метафору как когнитивный «перенос» (mapping), т. е. набор соответствий между дискретными концептуальными доменами, а метонимию как «перенос» между двумя недискретными концептуальными доменами. Однако не всегда можно четко различить метафору и метонимию, что объясняется общностью их концептуальной природы: и та и другая входят в концептосферу человека и, следовательно, могут приобретать конвенциональный характер. Имеется целый ряд предложений, как установить четкие различия между метафорой и метонимией. Так, метафора отграничивалась от метонимии по следующим аспектам: 1) дискретность / недискретность доменов и 2) характер отношений между сферой-источником и сферой-мишенью. Дж. Лакоффом и М. Тернером предложено учитывать различия, связанные со структурой и с сохранением логических связей в ментальных пространствах. Предполагается, что в метафоре логические связи сферы-источника переносятся на соответствующие связи сферы-мишени, а референциальная функция метонимии помогает установить связь между разными элементами одной и той же структуры. В то же время современная когнитивная лингвистика (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова и др.) трактует метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования и объяснения мира. В соответствии с теорией концептуальной метафоры метафорические модели заложены в концептосфере человека. Таким образом, исследование реализации метафор приобретает важное значение для познания процессов функционирования человеческого сознания.

Цель данной статьи – выявление роли метафоры и метонимии при формировании канонических и неканонических результативных грамматических структур, в частности, AP и PP конструкций в английском языке. В работе используется нотация, принятая в грамматике конструкций (Construction Grammar): AP RC – результативная конструкция с результативной фразой, выраженной прилагательным, в PP конструкции результативная фраза представлена предложным сочетанием с существительным.

Методология

Методологией, принятой для предлагаемой дискуссии, является конструктивная грамматика (Construction Grammar), когнитивная лингвистика и теория концептуальной метафоры.

Обсуждение. Результаты

Результативные конструкции являются прототипическими репрезентантами концепта «состояние», точнее, его субконцепта «результативное состояние».

Результативные конструкции в свое время явились предметом исследования конструктивной грамматики – Construction Grammar (C_xG). Первоначально теория грамматики конструкций была представлена Ч. Филмором [Filmore 1989] и в дальнейшем получила развитие в трудах А. Гольдберг [Goldberg 1995] и Г. Боаса [Boas 2003]. «Теория грамматики конструкций в современном прочтении возникла в результате совмещения сразу нескольких актуальных направлений лингвистической науки, таких как падежная грамматика, когнитивная грамматика, когнитивная семантика и теория концептуальной метафоры. По определению Р. Лэнекера, когнитивная грамматика призвана структурировать и объективировать концепты, а все грамматические структуры – это сложные символы, посредством которых происходит репрезентация различных стереотипных ситуаций с использованием языковых средств. При этом, согласно принципу композиционности, они могут теоретически бесконечно комбинироваться и образовывать всё более сложные структуры, концептуально восходящие ко все более сложным структурам знания» [Пастухова 2016, с.14]. Однако для грамматики конструкций (C_xG) более существенным является не принцип композиционности, а понимание конструкции как единого целого, не выводимого из суммы его частей, где важны как лексика, так и синтаксис, как глагол, так и наполнение результативной фразы конструкции. Для C_xG конструкция имеет ключевое значение потому, что «именно она требует искомого семантического взаимодействия, которое часто приводит к сдвигу исходных значений» [Лингвистика конструкций 2010, с. 63]. Эти сдвиги значений внутри конструкций происходят по законам метонимии и метафоры, или метафоры и метонимии вместе – в разных последовательностях и комбинациях.

Рассматривая семью результативных конструкций, Г. Боас [Boas 2003] разделил их на конвенциональные (conventionalized) (а) и неконвенциональные (non-conventionalized) (б):

- a. She shattered the vase to pieces
He hammered the metal flat
John ran himself to exhaustion
Jim jogged his Nikes threadbare
- б. He sneezed the napkin off the table.

По его мнению, в случае (а) мы имеем прототипический событийный фрейм с результативной фразой, выражающей конечный результат, в случае (б) – непрототипический событийный фрейм, который не ассоциируется с традиционной результативной структурой и противоречит общепринятым ожиданиям носителей языка в соответствии с их знаниями о мире. Хотя Г. Боас не употребляет термин «неканонические» применительно к неконвенциональным структурам, в действительности имеется в виду концептуальная метафора, которая трактуется Е. Рахилиной как принцип аналогии, действующий в семантике [Лингвистика конструкций 2010, с. 295]. По мнению Кобозевой, согласно этому принципу переносу подвергается не изолированное имя, а целостная концептуальная структура (схема, фрейм, модель, сценарий), активизируемая некоторым словом в сознании носителя языка благодаря связи данного слова с данной конвенциональной структурой [Кобозева 2002].

Результативные AP и PP – конструкции, подвергшиеся метонимическому и метафорическому переносу, явились объектом исследования в [Mendoza & Luzondo 2014; Luzondo 2014; Mendoza & Galera 2014; Pena 2016]. Авторы приходят к выводу о том, что создание результативных конструкций и, прежде всего, лексическое наполнение глагола и результативной фразы управляется двумя когнитивными процессами: метафорой и метонимией. При этом каноническими (стандартными) считаются те конструкции, которые не используют метафору, но могут задействовать метонимию. Для неканонических конструкций метафора полагается обязательной. Наличие метафоры маркируется как фигуральное (figurative) прочтение в противовес буквальному (literal).

Если рассмотреть с этих позиций примеры Г. Боаса (см. выше), то лишь один из приведенных случаев окажется каноническим (*He hammered the metal flat*), все остальные как содержащие метафору будут признаны неканоническими (нестандартными). Термин

«неконвенциональный» (non-conventionalized) применительно к ставшему уже хрестоматийным случаю *He sneezed the napkin off the table*, скорее, отражает степень *метафоризации* и *приемлемости* (acceptability) данной конструкции, что явилось предметом дискуссии последователей C_xG на начальном этапе развития этой теории.

Возвращаясь к результативным конструкциям, исследованным в вышеуказанных работах, зададимся следующими вопросами:

- 1) какие виды метафоры и метонимии характеризуют результативные конструкции в английском языке;
- 2) какие конструкции – AP или PP преобладают в каждой группе;
- 3) какие структурно-семантические модели репрезентации результативного состояния наблюдаются в каждой группе.

Для этого рассмотрим сами конструкции: канонические и неканонические.

Канонические конструкции

(1) *John kicked the ball into a net* (PP RC). Это стандартная конструкция, в ней не представлены ни метафора, ни метонимия.

(2) *The dog licked the wound clean* (AP RC). Метафора и метонимия не наблюдаются.

(3) *He hammered the metal flat* (AP RC). Метонимия INSTRUMENT FOR ACTION реализуется с участием конверсии: hammer (n) → hammer (v).

(4) *He ate the plate clean* (AP RC). Метонимия CONTAINER FOR CONTENT.

(5) *We slept five people in each room* (PP RC). Метонимия A CAUSAL ACTION FOR AN ACTIVITY использует изменение транзитивности глагола: непереходный → переходный.

Как следует из анализа вышеприведенных примеров метонимия в (3–5) еще не означает их неканонического прочтения.

Неканонические конструкции

(6) *He talked himself blue in the face* (PP RC). Метафора A COMMUNICATIVE ACTION IS AN EFFECTUAL ACTION.

(7) *They laughed the poor guy out of the studio* (PP RC). Метафора AN EXPERIENCIAL ACTION IS AN EFFECTUAL ACTION.

(8) *He broke a glass to pieces* (PP RC). Метафора A CHANGE OF STATE IS A CHANGE OF LOCATION.

(9) *They laughed themselves to death* (PP RC). Метафора AN ACTIVITY IS AN EFFECTUAL ACTION.

(10) *The witch turned him from a prince into a frog* (PP RC). Метафора A CAUSED CHANGE OF STATE IS A CHANGE OF LOCATION.

(11) *Each room slept five people* (PP RC). Метафора PLACES ARE DOERS.

(12) *He had to hit me into submission* (PP RC). Слияние двух метафор: 1) CAUSED CHANGE IS CAUSED MOTION и 2) STATES ARE LOCATIONS.

(13) *Sara kicked some sense into me* (PP RC). Слияние двух метафор: 1) CAUSED CHANGE IS CAUSED MOTION и 2) DEVELOPING A NEW PROPERTY IS ACQUIRING AN OBJECT.

(14) *Ann ran her Nikes threadbare* (AP RC). Метафора AN ACTIVITY IS AN EFFECTUAL ACTION + метонимия INSTRUMENT FOR ACTION.

(15) *He jumped the horse over the fence* (PP RC). Метафора AN ACTIVITY IS AN EFFECTUAL ACTION + метонимия A CAUSAL ACTION FOR AN ACTIVITY.

(16) *He sneezed the napkin off the table* (PP RC) по Гольдберг [Goldberg 1995] не содержит дополнительного метафорического смысла, т. е. является каноническим прочтением. Однако Р. Мендоза [Mendoza & Galera 2014] усматривает здесь метафору AN ACTIVITY IS AN EFFECTUAL ACTION.

Трудности разграничения метафоры и метонимии можно проиллюстрировать на следующем примере: *He hammered the metal flat* (AP RC), в котором С. Пенья [Sandra Peña Cervel 2016] усматривает не метонимию, а метафору A PROCESS IS MOTION ALONG A PATH. Определенные затруднения вызывает и однозначное определение типа метафоры. Так, А. Лузондо в примерах типа *They laughed themselves to death* (PP RC) и *God loves us into life* (PP RC) усматривает метафору AN ACTIVITY IS AN EFFECTUAL ACTION, однако С. Пенья интерпретирует эти метафорические употребления как STATES ARE LOCATIONS. Кроме того, А. Лузондо полагает, что только PP-конструкции (но не AP-конструкции) допускают метафору STATES ARE LOCATIONS. Поэтому случаи типа *Paula laughed herself silly* не могут рассматриваться как имеющие метафору этого типа.

Наблюдения показывают, что неканонические конструкции:

- 1) с необходимостью требуют метафоры (хотя метафоры труднее поддаются систематизации),
- 2) допускают как слияние двух метафор, так и сочетание метафоры и метонимии.

Таким образом, метонимия без метафоры не делает конструкцию неканонической, но метафора без метонимии вполне обеспечивает неканоническое прочтение результативных конструкций.

Отвечая на поставленные вопросы, отметим следующее:

1) как в канонических, так и в неканонических конструкциях встречаются одни и те же два типа метонимии (High-Level Metonymy): INSTRUMENT FOR ACTION и A CAUSAL ACTION FOR AN ACTIVITY;

2) для неканонических конструкций наиболее характерны два типа метафор высокого уровня (High-Level Metaphor): AN ACTIVITY IS AN EFFECTUAL ACTION и A CHANGE OF STATE IS A CHANGE OF LOCATION;

3) в канонических конструкциях встречаются оба типа структур – AP и PP, в неканонических конструкциях наблюдается *абсолютное* преобладание структуры PP, в которой результативная фраза выражена существительным / местоимением с предлогом (реже без предлога);

4) структурно-семантические модели [NP V(trans) NP PP] и [NP V(intrans) NP PP] наблюдаются в обеих группах результативных конструкций, различие составляет транзитивность глаголов в AP-конструкциях: [NP V (trans) NP AP] для канонических структур и [NP V(intrans) NP AP] для неканонических структур; вместе с тем одно лишь изменение транзитивности глагола еще не делает структуру неканонической, т. е. не придает ей метафорического прочтения;

5) неканонические результативные конструкции демонстрируют значительно большее разнообразие структурно-семантических моделей, чем канонические (7 и 3 соответственно).

В неканонических результативных конструкциях метафора и метонимия могут быть «неразлучны»: принято говорить о двух явлениях – взаимодействии (interaction) и слиянии (conflation) метафоры и метонимии. Так, в случае *Each room sleeps five people* метафора PLACES ARE DOERS возникает из метонимии A CAUSAL ACTION FOR AN ACTIVITY как источника: метафора развивается на основе транзитивности глагола *sleep* и метонимического переноса. Иными

словами, в процессе *взаимодействия* метонимия является предпосылкой для метафоры при превращении канонической конструкции в неканоническую.

Слияние метафоры и метонимии наблюдается в случаях типа *He jumped the horse over the fence*, где изменение транзитивности глагола *jump* приводит одновременно и к метонимии A CAUSED EVENT FOR AN ACTIVITY и к метафоре AN ACTIVITY IS AN EFFECTUAL ACTION.

На мой взгляд, слияние метафоры и метонимии наблюдается и в случае *So how had he charmed a bank into handing over so much money* (F. Forsythe. *Avenger*), который приводится в [Козлова 2019] как пример метонимического переноса в целях когнитивной экономии в языке. Действительно, глагол *charm* образован путем конверсии от существительного *charm* (конверсия часто сопровождается метонимией), однако помимо метонимии INSTRUMENT FOR ACTION здесь имеет место непрототипический событийный фрейм, который подвергается метафорическому переносу AN ACTIVITY IS AN EFFECTUAL ACTION.

Выводы

1. Неканонические результативные конструкции в английском языке создаются единолично метафорическим переносом непрототипического событийного фрейма.

2. Метафора может взаимодействовать с метонимией или демонстрировать слияние с ней, однако именно метафора создает впечатление непрототипичности при гештальтном восприятии неканонических конструкций.

3. Неканонические конструкции в силу разнообразного наполнения глагольной части и результативной фразы реализуются большим числом структурно-семантических моделей, чем канонические структуры.

4. Основные типы метафор и метонимий, задействованные в неканонических конструкциях, – это наиболее абстрактные High-Level Metaphors / Metonymies, т. е. своего рода схемы, регулирующие мыслительный процесс.

5. При этом метафора всё же остается основной ментальной операцией, способом познания, структурирования и объяснения мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Кобозева И. М.* К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международного семинара «Диалог 2002» / ред. А. С. Нариньяни. М.: Наука, 2002. Т. 1. С. 188–196. [Kobozeva, I. M. (2002) A Cognitive Approach to a Formal Representation of Metaphor. In *Komp'juternaja lingvistika i intelektual'nye tehnologii: Trudy mezhdunarodnogo seminara «Dialog 2002»*, 188–196. Moscow: Nauka. (In Russ.)]. URL: www.dialog-21.ru/archive_article.asp?param=7339&vol=6077 (дата обращения: 07.09.2020).
- Козлова Л. А.* Когнитивная экономия и ее манифестация в языке и коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 4. С. 37–45. [Koslova, L. A. (2019). Cognitive economy and its manifestation in language and communication. *Issues of cognitive linguistics*, 4, 37–45. (In Russ.)].
- Рахилина Е. В.* Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. [Rakhilina, E. V. (2010). *Lingvistika konstrukcij (Construction Linguistics)*. Moscow: Azbykovnik. (In Russ.)].
- Boas, H. C.* A Constructional Approach to Resultatives [Text] / H. C. Boas. Stratford: CSLT Publications, 2003.
- Goldberg, A.* Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure [Text] / A. Goldberg. The University of Chicago Press, 1995.
- Fillmore, C. Y.* Grammatical Construction Theory and the Familiar Dichotomies [Text] / C. Y. Fillmore // *Language Processing in Social Context*, eds. R. Dietrich and C. F. Graumann. Amsterdam: Elsevier, 1989. P. 17–38.
- Lakoff, G., Johnson, M.* Metaphors We Live By [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. University of Chicago Press, 1980.
- Langacker, R.* Abstract motion [Text] / R. Langacker // *Proceedings of the annual meeting of the Berkeley linguistic society*. Berkley: Berkley linguistic university, 1986. P. 455–471.
- Luzondo, A.* Constraining factors in the family of resultative constructions [Text] / A. Luzondo // *Review of Cognitive Linguistics*. Vol. 12:1, 2014. P. 30–63.
- Ruiz de Mendoza, F., & Luzondo, A.* Figurative and non-figurative motion in the expression of result in English // *Language and Cognition*. Cambridge, Cambridge University Press: 04 December 2014. DOI: <https://doi.org/10.1017/lang-cog.2014.41> (дата обращения 09.09.2020).
- Ruiz de Mendoza, F. J., Galera, A.* Cognitive modeling. A Linguistic Perspective. Text] / F. J. Ruiz de Mendoza, A. Galera. John Benjamins, Amsterdam /Philadelphia, 2014.
- Sandra Peña Cervel.* High-level cognitive operations and the resultative construction: A case study // *Revista Canaria de Estudios Ingleses*. 2016. Vol. 73. P. 133–150.

УДК 82-311.9

Е. А. Макуни

преподаватель кафедры второго иностранного языка института иностранных языков им. М. Тореца Московского государственного лингвистического университета;

e-mail: mak.evgenja@gmail.com

О СПЕЦИФИКЕ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ АВТОРСКИХ КОММЕНТАРИЕВ В СВЕТЕ РАЗЛИЧНЫХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ГИПЕРТЕКСТА

В статье рассматриваются различные подходы к описанию комментариев к художественному тексту как лингвистического гипертекста и проводится анализ некоторых примеров авторских комментариев из произведений современной художественной литературы. В результате исследования выявляется недостаточность подобного описания для характеристики некоторых видов комментариев, поскольку они представляют собой переходный вариант между традиционным комментарием и гиперлитературой.

Ключевые слова: лингвистический гипертекст; художественный текст; авторский комментарий.

E. A. Makuni

Lecturer at the Department of Second Foreign Language, M. Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University;

e-mail: mak.evgenja@gmail.com

THE SPECIFIC FEATURES OF FICTIONAL COMMENTARIES IN TERMS OF DIFFERENT APPROACHES TO THE STUDY OF THE LINGUISTIC HYPERTEXT

The article focuses on different approaches to defining fictional commentaries to literary texts as a phenomenon of linguistic hypertext and examines the use of fictional commentaries in modern fiction. The research shows that such approaches could be insufficient in the case of some types of commentaries because they could not be classified as traditional commentaries or as hypertext fiction and they act as a transitional stage between these two kinds of hypertext.

Key words: hypertext; fictional commentary; literary text.

Введение

В современной лингвистике понятие гипертекста обычно связывают с функционированием текста в компьютерной среде и веб-пространстве. Однако гипертекстуальность характерна не только для электронного текста, но и текста печатного, и многие ученые исследуют художественный текст и комментарии к нему как лингвистический гипертекст.

В данной статье мы бы хотели остановиться на некоторых видах лингвистических комментариев к художественному тексту, которые нельзя однозначно рассмотреть в подобном ключе, при этом проанализированы будут только печатные тексты. Хотя исследуемые нами литературные произведения современной художественной литературы могут быть представлены в электронном виде с соответствующей системой навигации по тексту, основная их часть существует именно в виде печатного издания и ориентирована на читателя, имеющего дело с бумажной версией книги.

Лингвистический гипертекст

В настоящее время есть множество определений лингвистического гипертекста, но мы приведем лишь те, которые подходят для категоризации описываемого нами явления. Например, Т. И. Рязанцева предлагает следующее определение: «Нелинейный процесс чтения и письма; особая разновидность письменной речи» [Рязанцева 2010, с. 49]. По мнению Н. А. Шехтмана, гипертекст – это «форма организации текстового материала, при которой его единицы представлены не в линейной последовательности, а как система явно указанных возможных переходов, связей между ними» [Шехтман 2014, с. 5]. Н. А. Шехтман утверждает, что читатель, следуя этим связям, может читать материал в любом порядке, при этом генерируя разнообразные линейные тексты [там же, с. 5].

Н. Ф. Ковалева рассматривает лингвистический гипертекст как «нелинейно организованный объём политематической информации толковательного плана, вынесенный за рамки основного содержания текста в виде блоков, которые могут быть связаны между собой при помощи гиперссылок» [Ковалева 2004, с. 7].

Еще более полное определение явления дает С. С. Панфилова, она утверждает, что гипертекст может рассматриваться в том числе

и в рамках печатной книги как «традиционного носителя художественного текста» [Панфилова 2009, с. 7]. В таком контексте исследования гипертекст понимается как «нелинейная структура, где информация публикуемого художественного текста по разным каналам коррелирует с информацией вторичных нехудожественных текстов, окружающих базовый художественный текст в границах отдельного издания» [там же, с. 8]. Однако С. С. Панфилова рассматривает авторские комментарии исключительно как внедрение автором в смысловую структуру художественного текста текста нехудожественного [Панфилова 2008, с. 258].

Для К. В. Давыдовой гипертекст – это «организованный определенным способом текст, внутри которого сосуществует несколько текстов: несущий текст и интертекст, причем эти связанные между собой тексты рассматриваются как целое» [Давыдова 2006, с. 6]. Она делит художественные гипертекстовые фрагменты на два основных типа – гипертекстовый фрагмент с «жесткой» структурой, интертекст которого «вербализует внутреннюю речь», и гипертекстовый фрагмент с «мягкой» структурой, который содержит интертекстовые вкрапления, такие как «интертекст-цитаты, интертекст-эпиграфы, интертекст пословицы / поговорки» [там же, с. 7].

В рамках первого подхода гипертекст понимается как основной текст и гипотексты (или интертексты), которые либо его окружают как, например, сноски, комментарии, примечания, эпиграфы, либо которые внедрены в основной текст – цитаты или комментарии автора, «вплетенные» в повествование.

Существует другой подход к рассмотрению гипертекста в рамках художественной литературы, когда сам текст произведения исследуется как гипертекст. В частности, ученые говорят о существовании гиперлитературы, художественного текста, который состоит из множества гипотекстов, позволяющих читателю творить текст наравне с автором, смешивая эти гипотексты в произвольном порядке. В таком ключе рассматриваются произведения Дж. Джойса, М. Павича, В. Набокова и многих других авторов [Рязанцева 2010, с. 45–46].

Например, Н. А. Федорова говорит о том, что в подобной литературе гипертекста роль автора редуцируется, потому что роль читателя из пассивной превращается в активную, и на него ложится часть ответственности за текст, который получится в итоге его прочтения [Федорова 2008, с. 111]. М. Л. Райен оставляет за автором текста только

«функции некоего условного контроля продвижения читателя по тексту, а также прерывания потока наррации», при этом читатель выбирает сам последовательность чтения [цит. по: Федорова 2008, с. 110].

Все указанные исследователи, как правило, сходятся в одном: гиперлитература подразумевает свободную волю читателя в том, в каком порядке ему читать текст. Все определения книжного «лингвистического гипертекста» совпадают в следующих пунктах:

1. Единицы гипертекста или гипотексты, встречающиеся в книге, нелинейны и выражены в виде ссылок, сносок и комментариев [Петухов 2010, с. 231], С. С. Панфилова включает в такого рода гипертексты еще и все дополнительные тексты, такие как предисловие, вступительная статья и т. д. Либо само литературное произведение рассматривается как гипертекст – набор гипотекстов, которые позволяют читателю выбирать порядок ознакомления с ними [Панфилова 2009, с. 7–8].

2. Дисперсность или дискретность подачи информации. Сам текст делится на фрагменты, «войти в которые можно из любого звена нарратива» [Петухов 2010, с. 231].

3. Текст позволяет читателю активно взаимодействовать с ним.

Таким образом, существует два подхода к пониманию гипертекстовой литературы: либо это литература, внутри которой содержится сразу несколько текстов: сам несущий текст и нелинейно организованные интертексты (или гипотексты), которые окружают художественный текст и несут в себе дополнительную, как правило, справочную информацию, либо это гиперлитература, где мы не можем говорить об однозначной связности и последовательности текста, потому что читатель творит текст наравне с автором и может читать произведение в любом порядке. Это важный момент, потому что ни то, ни другое описание гипертекстовой литературы не может в полной мере описать явление, анализируемое в данной статье.

Комментарии к тексту

Комментарии к тексту бывают весьма разнообразны, и необходимо пояснить, какие типы комментариев существуют и как они соотносятся с гипертекстовой литературой. И. В. Арнольд предлагает следующую классификацию комментариев к тексту: «прямой» (авторский) комментарий, т. е. та информация, которую автор передает читателю напрямую в виде примечаний или отступлений в тексте,

«изображенный» комментарий (принадлежащий персонажу), где автор передает читателю информацию устами персонажей, и «комментарий со сменой адресата», т. е. комментарий, сделанный специалистом, например переводчиком или редактором, когда произведение автора комментирует третье лицо [Арнольд 2014, с. 268, 272–273].

«Комментарии со сменой адресата» являются комментариями именно в лингвистическом или текстологическом понимании, т. е. как «часть аппарата издания, в которой дается широкое толкование текста произведения в целом со стороны историко-литературной, историко-текстологической, издательской либо отдельных его фрагментов» [Мильчин 2003]. Такие комментарии обычно вынесены за пределы основного текста и оформлены в виде сносок, примечаний, эпиграфов и т. д. И их можно рассматривать как единицы гипертекста.

Что касается авторских комментариев, то тут ситуация немного сложнее. Авторский комментарий может быть как внутритекстовым, так и внетекстовым [Арнольд 2014, с. 265]. Но всё равно – это комментарии, «принадлежащие автору произведения, играющие роль части аппарата издания (толкуют основной текст произведения в целом или его фрагменты) и одновременно являющиеся для издателя и читателя неотторжимой частью основного текста произведения» [Мильчин 2003]. То есть авторские комментарии могут быть рассмотрены как единицы гипертекста, если они вынесены за пределы основного текста, либо как неотделимая часть самого произведения. Или само произведение состоит только из авторских и «изображенных» комментариев, позволяющих выбрать порядок ознакомления с ними, и рассматривается в рамках гиперлитературы.

Если говорить об «изображенных комментариях», то это комментарии персонажей – они являются непосредственной частью текста и находятся в нем. Но как тогда рассматривать комментарии, которые несут в себе черты всех вышеперечисленных типов комментариев?

Для начала приведем несколько примеров подобного рода комментариев. В фантастических романах Сэнди Митчелла, посвященных похождениям комиссара Кайафаса Каина, содержится большое число сносок и редакторских комментариев, которые не являются напрямую авторскими. Сами комментарии, примечания и расшифровки сделаны якобы от лица инквизитора Эмберли Вейл, которая выступает редактором мемуаров Каина, написанных от первого лица. Эти сноски дают некоторые пояснения по поводу происходящего – иногда

это исторические или географические справки, а иногда личное мнение инквизитора Вейл по поводу происходящего с Каином. Книги С. Митчелла могут содержать до двухсот подобных комментариев, вынесенных за пределы текста и выделенные визуально.

– Полковник. Комиссар. – Донали посмотрел на Кастин и меня через секунду после того, как я уже понял, что он скажет дальше. – У вас есть транспорт и отряд солдат. Попытайтесь ли вы доставить этих людей домой?

Меня несколько покорило, что он назвал ксеносов людьми. Думаю, дипломатическая натура Донали заставляла его смотреть на это несколько иначе²⁰, но в то же время я не видел повода отказаться, как ни старался его найти.

²⁰Это профессиональная болезнь дипломатов, проводящих много времени в контакте с ксенокультурой, неофициально известная как «очуждеть». Длительное погружение в инородное мировоззрение иногда приводит к тому, что они начинают отождествлять себя с существами, с которыми ведут переговоры. Но в данном случае кажется очевидным, что со стороны Донали это была просто дань вежливости [Митчелл 2007, с. 16].

В данном примере комментариев, с одной стороны, поясняет происходящее, дает социокультурное объяснение, но, с другой – он является неотъемлемой частью художественного текста, потому что сделан от лица вымышленного персонажа и относится к вымышленному миру книги, т. е. он является одновременно и «изображенным», и «комментарием со сменой адресата».

Следующий пример показывает, что подобные комментарии могут содержать не только пояснения по поводу непосредственно происходящего, но и обрисовывают более широкую картину, рассказывают о том, что произошло в прошлом или будущем:

– Если не считать местных гарнизонов Сил Планетарной Обороны, – заметил энергичный молодой комиссар, которого я не узнавал. <...> Несмотря на излучаемый им почти щенячий энтузиазм, который раздражал тем, что напоминал слишком живо лейтенанта Суллу⁶⁰, самого энергичного из командиров наших взводов, я склонен был все же прислушаться к этому юному дарованию.

⁶⁰Несмотря на тот высокий пост, который она впоследствии заняла, отношение Каина к Сулле всегда выражалось в лучшем случае в антипатии, отраженной и в его мемуарах. Она же – какая ирония! – всю свою жизнь оставалась в полном неведении об этом подлинном мнении Каина и считала его чем-то вроде своего наставника [Митчелл 2011, с. 220].

Кажется, что подобные комментарии – это вариант «литературной игры» с читателем, и такая позиция справедлива, но, по нашему мнению, главной особенностью таких комментариев является их «мимикрирование» под комментарии обычные. Они сохраняют функции простого комментария, но работают только в рамках самой книги. Таким образом, встает вопрос: как рассматривать подобные комментарии? Проблема заключается в том, что эти комментарии порой нарушают саму суть гипертекста – нелинейность событий.

Подходы к изучению «художественного» гипертекста подразумевают, что читатель волен выбирать порядок чтения, более того, сама книга не несет в себе линейной последовательности. Но в приведенных нами примерах мы этого не наблюдаем – наоборот, автор жестко ограничивает читателя, потому что последний обязан прочитать комментарий или сноску, чтобы понять происходящее в сюжете.

Если же говорить о подходе к комментариям как гипертексту как к некой форме вкраплений чужого текста или нехудожественного текста, то такой подход здесь тоже себя не оправдывает – эти комментарии представляют собой чистую фикцию. Все ссылки даются на вымышленные лица или события, языки, как правило, несуществующие или выдуманные, такие комментарии несут чисто формальную связь с реальным миром. Обычного рода комментарии, сноски, ссылки и т. д. читатель волен проигнорировать, например, когда он знает значение поясняемого автором слова или явления, поскольку автор и читатель существуют в одном социокультурном пространстве, но тут читатель оказывается в безвыходном положении. Он не может быть в курсе придуманных автором событий, и он вынужден опираться на предложенные автором пояснения. Но при этом эти пояснения даются не в рамках самого текста, а вынесены за его пределы. Но их нельзя полноценно считать авторскими комментариями, потому что по своей форме это «изображенные» комментарии.

Приведем еще несколько примеров из других литературных источников. Роман Сюзанны Кларк «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл» рассказывает историю противостояния двух волшебников в Англии XIX в. в период Наполеоновских войн. Отличительной чертой этого романа является комбинация вымышленного мира и мира альтернативной истории. Книга содержит около двухсот примечаний, написанных неизвестным редактором, которые уточняют исторические реалии и факты описываемых событий. Вот одна из таких исторических справок:

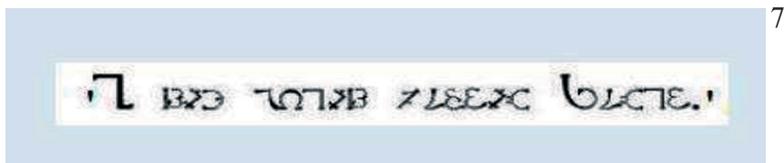
Стрендж с гордостью подумал, что он – первый волшебник, входящий в Страну фей за последние триста лет¹⁴⁴. Мысль чрезвычайно порадовала его, даже захотелось, чтобы кто-нибудь увидел его подвиги, оценил по достоинству.

¹⁴⁴Последним из английских волшебников по своей воле Страну фей посетил доктор Мартин Пейл. Он много путешествовал по этим землям. А до него последний визит в Волшебную страну состоялся в середине XVI в. [Кларк 2016, с. 115].

В приведенном отрывке комментарий является непосредственной частью художественного текста, потому что сделан от лица вымышленного комментатора и основан на вымышленной истории, при этом читатель вынужден обратиться к сноске, если он хочет понять подоплеку непосредственных событий.

Еще один пример мы встречаем в романе «Делай деньги» Терри Пратчетта из цикла о Плоском мире. В романах Т. Пратчетта содержится около 700 единиц подобных комментариев:

- ...Вместо этого Икс спросил:
- Знаете ли вы древние языки?
- Я немного разбираюсь в азах мычания, – сказал Мокриц.

– Он для тебя достаточно древний? – сказала Дора Гая, и у Мокрица по позвоночнику пробежали мурашки. Язык големов обычно звучал чудовищно в человеческих устах, но, когда на нем заговорила Дора Гая, получилось нечто невыносимо притягательное. Словно серебро в воздухе.

Я могу говорить на официальном големском (големск.) [Пратчетт 2016, с. 36].

Големский язык – это несуществующий язык, который Терри Пратчетт придумал для своих романов. Поэтому без пояснения автора читателю приведенный текст будет совершенно непонятен. Нужно отметить, что в романах Т. Пратчетта комментарии написаны от лица реального автора, но при этом они содержат вымышленные подробности, что позволяет отнести данные комментарии одновременно и к «изображенным», и к авторским.

На наш взгляд, к рассматриваемым в данном контексте примерам можно присоединить еще один вид – авторский эпиграф. Обычно эпиграфы рассматривают в рамках интертекста, даже при условии их включения в гипертекстовый фрагмент. Но такое включение невозможно, если сам эпиграф также становится частью художественного текста, потому что выдуман автором и дает отсылку к несуществующему для нас произведению.

Для иллюстрации этого явления приведем пример из книги «Игра предателя» уже упомянутого цикла С. Митчелла:

Самая большая опасность на поле боя – это младший офицер с компасом и картой.

Генерал Сулла.

Учитывая личный интерес, проявленный к нашей небольшой разведывательной вылазке самим лордом-генералом, а также число локаций, которые нам предстояло посетить, я смог даже легче, чем предполагалось, убедить Кастин и Броклау все-таки выделить для этой задачи целый взвод с полным отрядом «Стражей» в придачу [Митчелл 2010, с. 18].

В качестве эпиграфа автор приводит цитату одного из персонажей книги. Таким образом, здесь нельзя говорить об интертекстовом явлении, поскольку все перекрестные ссылки ведутся в рамках одной книги и одного вымышленного мира.

Заключение

Существующие подходы к описанию лингвистического гипертекста недостаточны при изучении комментариев, сносок и эпиграфов, находящихся на стыке «изображенных» комментариев, авторских комментариев и комментариев «со сменой адресата». Это явление нельзя рассматривать как нелинейно организованные блоки информации или художественного текста, потому что сам текст книги и привязанные к нему комментарии, сноски и эпиграфы жестко упорядочены и не дают возможности для произвольного порядка их чтения. Мы также не можем рассматривать их как блоки нехудожественного текста, вынесенные за пределы основного текста, потому что это исключительно художественные отрывки, не представленные никакими реальными книгами или справочниками, а придуманные исключительно автором. Эти комментарии не являются интертекстовыми вкраплениями

в основной текст, потому что они сознательно вынесены за пределы текста и не всегда попадают в категорию интертекстов.

На наш взгляд, подобные тексты нуждаются в комплексном описании и не только в рамках понятия гипертекста. Нам бы не хотелось, чтобы приведенные нами примеры рассматривались только как элемент «литературной игры», как пример некоторого искусственно созданного стилистического приема, поскольку такого рода явления можно найти в книгах многих современных авторов (в частности, у Т. Пратчетта, С. Митчелла, С. Кларк, Дж. Страуда, Дж. Ффорде, В. Брайта, В. Свержина, В. Камши, О. Громыко и многих других).

Нам видится, что подобного рода комментарии лучше всего охарактеризовать как некий переходный элемент между традиционным комментарием и «гиперлитературой», поэтому не стоит ограничиваться для его категоризации только гипертекстом. Но вопрос, как наиболее точно рассматривать это явление в рамках гипер-, интер- и метатекстуальности, пока остается открытым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: ЛИБРОКОМ», 2014. [Arnol'd, I. V. (2014). *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* (*Semantics. Stylistics. Intertextuality*). Moscow: LIBROKOM (In Russ.)].
- Давыдова К. В. Гипертекстуальность как свойство художественного текста: На материале английских художественных текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. [Davydova, K. V. (2006). *Gipertekstual'nost' kak svojstvo hudozhestvennogo teksta. (Hypertextuality as a feature of fictional texts)*: abstract of PhD thesis in Philology. Volgograd. (In Russ.)].
- Кларк С. Джонатан Стрендж и мистер Норрелл: роман. М.: Азбука, 2016. [Clark, S. (2016). *Jonathan Strange and Mr Norrell*. Moscow: Azbuka. (In Russ.)].
- Ковалева Н. Ф. Комментарии к тексту как лингвистический гипертекст: На материале современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004. [Kovaleva, N. F. (2004). *Kommentarii k tekstu kak lingvisticheskiy gipertekst: na materiale sovremennogo anglijskogo yazyka (Commentaries to the text as linguistic hypertext)*: abstract of PhD thesis in Philology. Samara. (In Russ.)].
- Мильчин А. Э. Комментарии // Издательский словарь-справочник. М.: ОЛМА-Пресс, 2003. С. 207. [Mil'chin, A. E. (2003). *Kommentarii (Commentaries)*. (p. 207). *In Izdatel'skij slovar'-spravochnik*. Moscow: OLMA-Press. (In Russ.)].

- Russ.]). URL: <http://find-info.ru/doc/dictionary/publishing/index.htm> (дата обращения: 03.06.2020).
- Митчелл С. За императора! Роман : пер. с англ. Д. Фролова. М.: Азбука-классика, 2007. [Mitchell, S. (2007). *For the Emperor!* Moscow: Azbuka-klassika. (In Russ.)].
- Митчелл С. Игра предателя: роман : пер. с англ. Д. Фролова. СПб.: Изд-во Фантастика Книжный Клуб, 2010. [Mitchell, S. (2007). *The Traitor's Hand*. Saint Petersburg: Fantastika Knizhnyj Klub. (In Russ.)].
- Митчелл С. Зов долга: роман : пер. с англ. Д. Фролова. СПб.: Изд-во Фантастика Книжный Клуб, 2011. [Mitchell, S. (2011). *Duty Calls*. Saint Petersburg: Fantastika Knizhnyj Klub. (In Russ.)].
- Панфилова С. С. Авторский комментарий к художественному тексту как явление лингвистического гипертекста // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. Вып. 38 (82)–1. С. 256–262. [Panfilova, S. S. (2008). Author's notes to a literary text as a phenomenon of linguistic hypertext. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 38 (82)–1, 256–262. (In Russ.)].
- Панфилова С. С. Смысловая структура англоязычного художественного текста в аспекте гипертекстуальности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. [Panfilova, S. S. (2009). *Smyslovaya struktura angloyazychnogo hudozhestvennogo teksta v aspekte gipertekstual'nosti (Semantic Structure of Fictional Texts in English in terms of Hypertext)*: thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Петухов С. В. Гипертекст: творчество без границ // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. Вып. 10. С. 228–231. [Petuhov, S. V. (2010). The hypertext: creativity without borders. *Scientific journal of Dorji Banzarov Buryat State University*, 10, 228–231. (In Russ.)].
- Пратчетт Т. Делай деньги: роман. М.: Эксмо, 2016. [Pratchett, T. (2016). *Making Money*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)].
- Рязанцева Т. И. Гипертекст и электронная коммуникация. М.: ЛКИ, 2010. [Ryazanceva, T. I. (2010). *Gipertekst i elektronnaya kommunikaciya (Hypertext and electronic communication)*. Moscow: LKI. (In Russ.)].
- Федорова Н. А. Литература после седьмого дня. Автор и читатель в литературе гипертекста // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Аспирантские тетради. 2007. Вып. 21 (51). С. 108–112. [Fedorova, N. A. (2007). Literature after the Seventh Day. The author and the Reader and Hypertext. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 21 (51), 108–112. (In Russ.)].
- Шехтман Н. А. От повествования к гипертексту и нарративу: монография. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2014. [Shekhtman, N. A. (2014). *Ot povestivovaniya k gipertekstu i narrativu: monografiya (From narration to hypertext and narrative: Monograph)*. Orenburg: Izd-vo OGPU. (In Russ.)].

УДК 82-1/-9

Е. А. Попова, Е. Е. Подольская

Попова Е. А., кандидат филологических наук;
доцент кафедры второго иностранного языка Института иностранных языков
им. М. Тореза Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: o_genia@yandex.ru

Подольская Е. Е., старший преподаватель кафедры второго иностранного языка
Института иностранных языков им. М. Тореза Московского государственного
лингвистического университета;
e-mail: solete1977@mail.ru

ГИБРИДИЗАЦИЯ ЖАНРОВ И СТИЛЕЙ В ТВОРЧЕСТВЕ Х. Х. МИЛЬЯСА: ОТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО РОМАНА К «РАССТАТЬЕ»

Статья представляет собой обзор гибридной прозы испанского писателя и журналиста Х. Х. Мильяса в период с 1975 по 2019 гг. и анализ ее основных формальных и содержательных особенностей. В работе рассматриваются гибридные жанры крупной прозы автора (антироман, метароман, «я-роман» / самосочинение), а также особый жанр микропрозы – «расстатья» как изобретение Х. Х. Мильяса, основанное на переплетении публицистического дискурса с художественным. Делается вывод о важности изучения феномена гибридности в современной испанской литературе через произведения указанного автора как наиболее яркого представителя испанского постмодернизма.

Ключевые слова: Х. Х. Мильяс; гибридный жанр; антироман; метапроза; «я-роман»; «расстатья».

Е. А. Popova, E. E. Podolskaya

Popova E. A., PhD (Philology), Assistant Professor at the Department of Second Foreign Language, M. Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University;
e-mail: o-genia@yandex.ru

Podolskaya E. E., Senior Lecturer, Department of Second Foreign Language, M. Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University;
e-mail: solete1977@mail.ru

GENRE AND STYLE HYBRIDS IN J. J. MILLÁS'S WORKS: FROM EXPERIMENTAL NOVELS TO "ARTICUENTOS"

The article represents an overview of the hybrid prose written by J. J. Millás, a Spanish writer and journalist, from 1975 to 2019, and analyzes its basic formal and content features. The article deals with the hybrid genres of the author's macroprose

(anti-novel, meta-novel, "I-novel" / self-composition), as well as a special genre of microprose – "articuentos" as Millás's invention which denotes the interweaving of journalistic discourse and fiction. In conclusion, the article considers the importance of studying the author's works to understand the phenomenon of hybridity in modern Spanish literature.

Key words: J. J. Millás; hybrid genre; anti-novel; meta-prose; "I-novel"; "articuento".

Введение

Дестабилизация и гибридизация жанровых форм выступают характерными признаками литературного процесса в Испании с 70-х гг. XX в., когда конец эпохи Франко и начало «Переходного периода» (*Transición*) принесли с собой надежду на то, что литературные шедевры, не опубликованные из-за жесткой цензуры, смогут, наконец, увидеть свет. Безусловно, жанровая гибридность не является изобретением испанского авангарда указанного периода (достаточно вспомнить, например, «новый роман» во французской прозе, «Улисса» Д. Джойса или мемуары В. В. Набокова). Тем не менее, как отмечают испанские литературоведы А. Л. Прьето де Паула и М. Ланга Писарро, именно в это время, наряду с историческими хрониками и эссе, модным в Испании становится экспериментальный роман – «гибрид литературных жанров, основной чертой которого выступают формальные новшества» (*híbrido de géneros literarios caracterizado básicamente por invenciones formales*) [Prieto de Paula, Langa Pizarro 2007, с. 140].

Одним из испанских авторов, практически все произведения которого построены на жанрово-стилевой гибридизации, утверждающей равноправие повествований в рамках одного дискурса, является писатель и журналист Хуан Хосе Мильяс (родился в 1946 г. в Валенсии, с 1952 г. проживает в Мадриде). На сегодняшний день в его творческой копилке 21 роман и несколько сборников рассказов, статей и репортажей, переведенные на 23 языка и завоевавшие более десятка престижных премий. Критики, филологи и журналисты активно и разносторонне изучают феномен Х. Х. Мильяса на испанском языке: наиболее известны работы, посвященные поэтике отдельных его произведений ([Cuadrat 1995; Sobejano Esteve 2000; Ayala-Dip 2007; Rabí do Carmo 2008; Valls 2009; Koh 2011; Contadini 2013; Imperiale 2013; Harto Espinosa 2018; Llorente 2019] и др.), однако в России его имя известно мало: в отечественной испанистике нами были найдены тезисы доклада на международной конференции [Хорева 2013], одна научная статья [Соколова 2016], и один газетный очерк [Селевёрстов

2016], касающиеся особенностей малой прозы автора. При этом научных работ по творчеству Мильяса-романиста, написанных на русском языке (или переведенных на русский язык), на сегодняшний день нет.

Актуальность исследований, касающихся писательской и журналистской деятельности Х. Х. Мильяса, в отечественной испанистике не подлежит сомнению, поскольку он, смешивая алгоритмы, типичные для разных жанров и видов дискурса и используя широкую палитру разноуровневых стилистических приемов, предлагает читателю критически осмыслить реальность, взглянуть на повседневные вещи и события с неожиданного ракурса. Цель настоящей статьи – обзор основных вех творчества указанного автора и выявление особенностей его стиля, в котором, в первую очередь, «переплетаются» художественный и публицистический дискурс. В связи с этим предпринимается попытка проанализировать структуру и содержание ряда ключевых произведений его крупной прозы с 1975 по 2019 гг., а также способов, посредством которых Х. Х. Мильяс создает гибридный жанр микропрозы – «расстатьи».

Анти- и метароман: экспериментальная проза в творчестве Х. Х. Мильяса

К экспериментальным гибридным формам, получившим популярность в современной испанской литературе, начиная с переходного периода, исследователи, в первую очередь, относят анти- и метапрозу [Prieto de Paula, Langa Pizarro 2007, с. 140]. Необходимо, однако, отметить, что жанровые трансформации четко прослеживаются уже в 1972 г. в романе Г. Торренте Бальестера «La saga / fuga de J. B.» («Сага / fuga о Х. Б.»), где автор рассматривает историю Испании в пародийном ключе, смешивая времена во внутреннем монологе главного героя и включая в повествование фантастические элементы.

Эстетике Торренто Бальестера созвучен и первый роман Х. Х. Мильяса «Serbero son las sombras» («Церберы-тени». – *3д. и далее перевод наш*), вышедший в 1975 г. и удостоенный премии **Sésamo**. Это история подростка, который находит тело своего брата в шкафу. В ней читатель попадает в вымышленный мир теней, созданный главным героем в письмах к отцу, которые становятся монологом одиночества.

Несмотря на первоначальное отсутствие коммерческого успеха, данное произведение, по мнению критиков, способствовало формированию таких черт романа «Переходного периода», как тенденция

к краткости, замкнутые сюжеты, «переплетение» реального мира с вымышленным за счет нарушения временной последовательности, экспериментов с языком и психологических экспериментов, а также альтернативных концовок и визуальных техник, унаследованных от телевидения и кино (ретроспектива, монтаж, интертекстуальность) [Prieto de Paula, Langa Pizarro 2007, с. 140].

Мильтяс-романист, с одной стороны, формально следует принципам постмодернизма, с другой – содержательно в произведении прослеживается связь с французским экзистенциализмом, вопросами морали итальянского реализма, триллерами Э. По и сюжетной линией «Письма отцу» Ф. Кафки. Уже с первого произведения в творчестве Х. Х. Мильтяса вырисовывается тема, которая станет основой его произведений, – одиночество человека в мире и поиск идентичности.

Итак, роман «*Cerberos son las sombras*» обозначил поиск новых способов повествования и содержательный отход от тенденций постмодернизма при сохранении ряда их формальных признаков. Одни исследователи ([Ayala-Dip 2007]), говоря о первом этапе творчества Х. Х. Мильтяса, который академик Г. Собехано Эстеве называет «поэматическим» (poemático) [Sobejano Esteve 2000, с. 320], обращаются к трем его романам – «*Visión del ahogado*» («Видение утопленника», 1977), «*El jardín vacío*» («Пустой сад», 1981) и «*Letra muerta*» («Мертвая буква», 1984). В первом события описаны с кинематографической точностью в стиле криминальной хроники; второй иллюстрирует использование ресурсов памяти для изучения прошлого и настоящего; в третьем показан процесс обезличивания главного героя через противопоставление реальности и текста. Другие литературоведы ([Koh 2011]) включают в указанный период и роман «*Papel mojado*» («Мокрая бумага», 1983), признавая при этом, что данное произведение выступает поворотным моментом в его творчестве.

Необходимо отметить, что Х. Х. Мильтяс еще будет возвращаться к постмодернистской форме антиромана, ярким примером которой является «*El órden alfabético*» – одна из двух его книг, переведенных на русский язык как «В алфавитном порядке» (1998). Автор погружает читателя в абсурдный мир благодаря способности языка изменять реальность. Роман иллюстрирует, на наш взгляд, лучшие традиции гибридной прозы Мильтяса: «Это отрицание отрицания, возвращение от хаоса и эклектики к иерархии и метафизике модернизма, а точнее, сюрреализма, с его экспрессией, выплескиванием подсознательных страхов и комплексов, нарративе о личном...» [Рецензии на книги... 2015].

С появлением романа «Papel mojado» (1983), имевшего огромный успех, литературоведы связывают начало нового этапа в творчестве Х. Х. Мильяса и переход к метапрозе (*metafición*) [Cuadrat 1995; Valls 2009; Koh 2011]. Сам термин принадлежит американскому писателю, литературоведу и критику У. Х. Гэссу, который утверждал, что многие антироманы в действительности представляют собой метаповествования [Gass 1970, с. 25]. Почти через 15 лет данный термин начинает использоваться для обозначения особого типа нарратива: в исследовании П. Во метапроза, или «проза о прозе», определяется как литературное творчество, которое осознанно и систематически привлекает внимание к статусу художественного произведения, задавая вопросы о взаимоотношении вымысла и реальности [Waugth 1984, с. 2].

Важным для понимания развития писательского таланта Х. Х. Мильяса является, на наш взгляд, тот факт, что теория метапрозы включает в себя понятие саморефлексии, тем самым подчеркивая заложенность в повествовательной стратегии определенного типа сфокусированности на себе самой. Отсюда, по мнению исследователя металитературы О. О. Осовского, вытекает «уместность отнесения к числу метапрозаических компонентов таких хорошо известных литературных категорий и приемов, как ирония / самоирония, пародия / автопародия, биографичность / автобиографичность» [Осовский 2010, с. 175].

О формировании именно этих признаков пишет испанский критик Ф. Вальс применительно ко второму периоду творчества Х. Х. Мильяса: «После первого этапа (...) [Мильясу] удастся преодолеть экспериментальность в том виде, в котором ее понимали в конце 1960-х и начале 1970-х гг., и его произведения становятся менее напряженными, чему способствует присутствие юмора и парадокса в большем объеме» (*Tras la primera etapa ... consigue superar el experimentalismo, tal y como se entendía en los últimos años sesenta y primeros setenta, y su obra se hace más distendida, a lo que contribuye una mayor presencia del humor y de la paradoja*) [Valls 2009, с. 168].

Так, в романе «Papel mojado», который выглядит как пародия на детектив, рассказчик критикует свое творчество, с помощью черного юмора ставя под сомнение пределы реальности, смысл существования детективного жанра как такового и достоверность собственного произведения, сам рассказчик которого – никто иной как персонаж романа, написанного другим персонажем. По меткому замечанию Л. Хатчеон, «пародировать – не значит разрушать прошлое; фактически,

пародировать – значит, с одной стороны, хранить прошлое и с другой – подвергать его сомнению» [Hutcheon 1989, с. 3]; данный тезис в полной мере применим к книге «Papel mojado», в которой пародия становится инструментом саморефлексии и критического осмысления действительности рассказчиком, а вслед за ним – и читателем.

Метароман «El desorden de tu nombre» (1988) – еще одно произведение, переведенное на русский язык (с названием «У тебя иное имя»), представляет собой хитросплетение образов писателя, читателя и героев через текст, сюжет которого основан на чтении рассказчиком чужих повестей и комментариях писателя-невротика к собственной книге, где он же является одним из героев. С помощью интертекста автор объединяет основное повествование, галлюцинации главного героя, процесс написания литературного произведения, диалоги и монологи о нем и комментированное чтение произведений других авторов.

Парадоксальным образом, вышеупомянутый роман «В алфавитном порядке», написанный на 10 лет позже, благодаря тому же приему интертекстуальности читается как приквел к книге «У тебя иное имя». С другой стороны, с точки зрения поднимаемых тем, последняя считается началом так называемой трилогии одиночества (*trilogía de la soledad*), в которую также входят книги «La soledad era esto» («Это и было одиночество», 1990) и «Volver a casa» («Возвращение домой», 1990).

Черты метапрозы свойственны и многим другим романам писателя, формально уже относящимся к последующим этапам его творчества (сюжеты романов, написанных после 1990 г., приобретают всё больше фантастических черт, а с начала 2000-х гг. в них формально усиливается гибридность и содержательно – автобиографичность [Koh 2011, с. 121, 178]). К таким романам можно отнести, например, «No mires debajo de la cama» («Не смотри под кровать», 1999), в котором герои сюжета и «внешний» читатель одновременно читают одну и ту же книгу; «Dos mujeres en Praga» («Две женщины в Праге», 2002) и «La mujer loca» («Сумасшедшая», 2014) – описание вымышленной реальности в стилистике репортажа; «Laura y Julio» («Лаура и Хулио», 2006), где герои то становятся плоскими, «бумажными» персонажами, то обретают объём и превращаются друг в друга.

**Автофикционализм как отличительная черта
поздних произведений Х. Х. Мильяса**

Автофикционализм (от *autofiction* – «самосочинение», неологизм, возникший в конце 70-х гг. XX в. во французской дискуссии вокруг гибридных жанров [Муравьева 2018, с. 246]), предполагающий гибридизацию форм романа и автобиографии, выступает еще одной чертой поэтики Мильяса, которую безоговорочно выделяют критики. Так, в 2007 г. в свет вышла его книга «El Mundo» («Мир»), получившая престижную литературную премию Planeta и впоследствии названная «художественной автобиографией» (*autobiografía novelada*) [Koh 2011, с. 216].

Несмотря на то, что сам Х. Х. Мильяс считал ее заключительной для определенного этапа жизни и творчества [Premio Nacional de Narrativa... 2008], сегодня, 13 лет спустя, можно сказать, что «El Mundo» является его первым «я-романом», или «романом Себя», согласно терминологии известного французского писателя Ф. Фореста, автора фикционально-автобиографической концепции [Forest 2001]. По мнению Фореста, самосочинения – это не только и не столько способ любования вариантами «я» в литературном зеркале, позволяющий индивиду уйти от реальности, сколько возможность выражения правды и свободы (цит. по: [Муравьева 2018, с. 254]). Данная концепция в полной мере применима не только к «El Mundo», но и к недавнему роману Х. Х. Мильяса – «La vida a ratos» («Жизнь по чуть-чуть», 2019).

По словам автора, решение представить роман «El Mundo» на премию Planeta было одним из самых удачных в его жизни: «Благодаря этому роману я пережил опыт, который иногда получают писатели и который мы очень ценим, – чувство, что он был написан будто под диктовку» (*Con esta novela tuve esa experiencia que de vez en cuando tenemos los escritores y que agradecemos mucho: la sensación de que estaba escrita casi al dictado*) [Entrevista a Juan José Millás ... 2008]. В «El Mundo», основанном на реальных событиях и воспоминаниях автора, по словам Х. Х. Мильяса, стираются границы между художественной литературой и биографией: «Я толком не знаю, где поставить акцент; материал этой книги взят из моего воображения и из реальности, которые переплелись, пока я ее писал» (*No sé muy bien dónde cargar el acento; los materiales de este libro provienen tanto de la imaginación como de la realidad y se han ido trenzando en la medida en que escribía la novela*) [Rabí do Carmo 2008].

Кроме черт «я-романа», в котором главный герой Хуанхо (сокращение от имени автора – Хуан Хосе) рассказывает о своем детстве и взрослении, здесь присутствуют и другие признаки гибридной прозы: книга состоит из четырех частей и эпилога с нарушенной хронологией, а главный герой, рассказчик и автор «сливаются» внутри повествования.

С годами гибридная проза Х. Х. Мильяса становится всё более многогранной, о чем свидетельствует его последний, вышедший в 2019 г. метароман «La vida a ratos», в котором в канву «внешнего» повествования посредством интертекстуальности «вплетен» «я-роман». Здесь читатель является таким же главным героем, как и рассказчик, поскольку вместе с ним обнаруживает тайную историю – дневник нескольких лет жизни человека по имени Хуан Хосе Мильяс, или Хуанхо, – свободного, ироничного невротика-ипохондрика, каким человек предстает только наедине с собой.

Посещение психоаналитика, писательские мастер-классы, прогулки по городу, который не перестает ставить его в неожиданные ситуации, семья и друзья, – «всё кажется обычным, пока вы не свернете за угол реальности, где вас ожидает ослепительный, необыкновенный сюрреализм» (*todo parece anodino hasta que, al volver una esquina de la realidad, aparece lo extraordinario, lo surrealista, y nos deslumbra*) [La vida a ratos: resumen 2020]. В романе «La vida a ratos» прослеживаются все типичные черты крупной гибридной прозы Мильяса: стираются границы между реальностью и вымыслом, «размываются» временные границы и «переплетаются» жанры и стили для осмысления одиночества человека и его внутреннего противостояния обществу при внешней благополучности.

С одной стороны, указанные характеристики свойственны произведениям не только Х. Х. Мильяса, но и многих других писателей-посмодернистов (и в частности – французских автофикционалистов). С другой, как справедливо утверждает Л. Е. Муравьева, «опыт совмещения романа с автобиографией ... не может быть интерпретирован исключительно как отказ от прежних конвенций и изобретение принципиально нового слова в постоянно обновляющейся жанровой иерархии. Поиск этических и онтологических оснований для вернувшегося в литературу «я» нуждается в новых теориях, которые смогли бы совместить взрывающую каноны гибридную поэтику с трансформацией событийного, персонального и культурного опыта;

сопоставить ее с другими национальными и культурными практиками» [Муравьева 2018, с. 259–260]. Автороманы Х. Х. Мильяса представляются одной из наиболее обоснованных попыток такого рода в современной Испании.

«Расстатьи» Х. Х. Мильяса – «гибрид» литературы и журналистики

В сегодняшней литературе идея гибридности развивается и приобретает новые смыслы. Если в 70-е гг. XX в. гибридные жанры «несли на себе печать некоторой условной игры» и часто воспринимались как «умозрительный жанровый конструкт» [Муравьева 2018, с. 249], то сегодня они всё меньше напоминают пародию на канон. С начала 2000-х гг. популярным становится смешение чистых жанровых форм по установленному алгоритму, – «докуфикшн» (*docufiction* – «гибрид» романа и документального свидетельства), «экзофикшн» (*exofiction* – вымышленная биография реальной исторической личности) и др.

Более того, как отмечает Л. Е. Муравьева, в русле идеи гибридности в европейской литературе появляются тексты, основанные на смешении не только и не столько жанров, сколько дискурсов: например, французский писатель Филипп Вассе создает в 2010-х гг. серию так называемых «Личных дневников», смешивающих литературный и научно-экономический дискурс [там же, с. 251]. Указанный факт имеет прямое отношение и к творчеству Х. Х. Мильяса как создателя «расстатей» (*articuentos*) – произведений, написанных на грани между художественным микрорассказом (300–350 слов) и аналитической колонкой газеты *El País* в 32 строки. В этих текстах он касается острых вопросов и злободневных ситуаций, размышляет о проблемах, вызванных поведением человека.

Нельзя не согласиться с В. Селевёстовым, предложившим именно такой перевод для изобретенного Х. Х. Мильясом гибридного дискурса: «Для русского языка было бы благозвучнее назвать этот жанр «статья-рассказ», однако в таком случае теряется смысл, вкладываемый Мильясом в оригинальное понятие: *articuento* = *artículo* («статья») + *cuento* («история, рассказ, сказка»)» [Селевёрстов 2016]. Таким образом, название призвано подчеркнуть главную особенность микропрозы Х. Х. Мильяса: с одной стороны, это «статьи-мнения» определенного объема, которые регулярно появляются в прессе на одной и той же странице, представляют собой колонку *Opinión* и являются

точкой зрения автора о том, что происходит в Испании и в мире. По форме – это типичная колонка журналиста.

С другой стороны, по своим характеристикам «расстатьи» напоминают художественные тексты – фантазмагорические микро-истории, притчи или басни. Мысль, переданная с помощью черного юмора, иронии или парадокса как бы «перекрывает» саму новость, показывая ясное видение реальности. Автор предисловия к книге «*Articulentos completos*» («Полное собрание расстатей», 2001) Ф. Вальс называет стиль Х. Х. Мильяса прекрасным примером критической литературы и высказывает мнение, что колонка «расстатей» в газете *El País*, которую он начал вести в 1990 г., ярче характеризует его как писателя, чем крупная проза [Valls 2009].

Используя повседневные ситуации и обыденные предметы, автор придает своим микротекстам фантастический характер посредством игры значений слов (например, в рассказе «*Los muertos y el tráfico*» (букв. «Мертвецы и дорожное движение») это существительное *fiambre* – «холодная мясная закуска» и «труп»), метафорических контекстуальных синонимов (*pedazos, restos, mondas, desperdicios, retales* в рассказе «*Retales de conversación*» – букв. «Обрывки беседы»), подтекста, несущего основную смысловую нагрузку («¿Somos felices?» – «Мы счастливы?», «*Están locos*» – «Они сумасшедшие», «*El Infierno*» – «Ад», «*Confusión*» – «Путаница» и др.), принципа интертекстуальности и других приемов.

«Расстатьи» также отличаются особой композицией и приемами аргументации. Отечественный испанист В. М. Соколова выделяет следующие черты данного гибрида [Соколова 2016, с. 77–79]:

- автор сосредоточивается на описании одного события и сразу переходит к самой истории без преамбул;
- автор отталкивается либо от свежей информации, либо от анекдотической ситуации, придавая ей новый смысл посредством собственных размышлений;
- в «расстатях» преобладают аргументы индуктивного характера: в конце следует умозаключение, которое позволяет применить общие критерии к распространенным ситуациям;
- «расстатьи», как правило, имеют «открытый» характер: автор не предлагает читателю окончательного вывода, так что читатель должен сам выявить скрытый смысл, прийти к определенному мнению.

Таким образом, можно утверждать, что «расстатьи» Х. Х. Мильяса демонстрируют работу человеческого сознания в постоянном поиске самых тонких способов связать реальное с нереальным, парадоксальным образом раскрывая при этом механизмы разграничения правдивого и ложного. Подобный формат, с одной стороны, выступает отражением общественного мнения об определенных событиях и проблемах, которые происходят в стране и мире, т. е. выполняет социальную и педагогическую функции. С другой стороны, колонка Х. Х. Мильяса имеет больше элементов, характерных для художественной литературы, чем для публицистического дискурса.

Заключение

Начиная с 1975 г., каждый писатель в Испании мог сделать собственный выбор относительно траектории движения в литературе. Одни выбрали продаваемый жанр исторического романа, другие стали авторами сценариев, третьи отдали предпочтение жанрам-гибридам. Писатель и журналист Х. Х. Мильяс, по мнению литературоведов, в полной мере использовал возможности обеих сфер для того, чтобы повысить уровень критического мышления у себя и своих читателей [Koh 2011, с. 368].

В мире литературы Х. Х. Мильяс появился в 1975 г. с романом «*Cerberos en las sombras*», а через 8 лет вышел уже четвертый его роман – «*Papel mojado*» – один из ключевых в писательской карьере. В этот период автор активно вводит в свое повествование юмор, сатиру и технику метапрозы. Триумф романа «*Papel mojado*» стал благоприятной основой для написания трех резонансных книг, известных как «трилогия одиночества».

С 1990 г. Х. Х. Мильяс содержательно начинает углубляться в вопросы персональной идентичности, а также занимается журналистикой, что влияет как на формальное, так и на тематическое усложнение его творчества. В конце XX в. появляются его первые «расстатьи», а среди романов знаковым становится «*El orden alfabético*» (1998) – постмодернистский по форме и экзистенциальный по содержанию.

После 2000 г. писатель всё больше уходит в журналистскую работу, что, однако, не мешает ему продолжать гибридные эксперименты как в крупной прозе, так и в рассказах. В романах последних двух десятилетий Х. Х. Мильяс, поднимая старые темы и применяя классические алгоритмы метапрозы, преломляет сквозь призму реальности

и фантазии собственную биографию. В книгах «El Mundo» (2007) и «La vida a ratos» (2019) он использует прием автофикционализма, повествуя о личной жизни и глядя на Хуанхо как на ребенка и взрослого, с точки зрения иной личности.

Наконец, уже почти три десятилетия его «расстатьи» – замкнутая структура из тридцати двух строк авторской колонки в газете, по словам критиков, являются «пространством свободы» (*un espacio de libertad*) и «идеальной территорией для экспериментов» (*un territorio ideal para la experimentación*) [Valls 2009, с. 175]. Краткость и лаконичность, с одной стороны, и глубина и многообразие смыслов, достигнутых с помощью необычных по своей частоте и интенсивности стилистических приемов – с другой, делают изучение данного жанра, как и творчества Х. Х. Мильяса, в целом, необходимым для понимания феномена гибридности в современной испанской литературе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Муравьева Л. Е. Кризис гибридных жанров: Филипп Форест и возвращение «я-романа» во французскую литературу // Вопросы литературы. 2018. Вып. 4. С. 243–263. [Murav'eva, L. E. (2018). The crisis of hybrid genres: Philipp Forest and the “I-novel” return to the French literature. *Voprosy literatury*, 4, 243–263. (In Russ.)].
- Осовский О. О. Явление метапрозы в контексте литературоведческих исканий последних десятилетий // Вестник ТГГПУ. 2010. Вып. 2. С. 174–177. [Osovskij, O. O. (2010). Metaprose phenomenon in the context of literary investigation of the latest decades. *TSHPU Bulletin*, 2, 174–177. (In Russ.)].
- Рецензии на книги: Хуан Хосе Мильяс // Электронная библиотека LiveLib, 21.01.2015. [Recenzii na knigi: Huan Hose Mil'yas (Book reviews: Juan José Millás). LiveLib. 2015, January 21. (In Russ.)]. URL: <https://www.livelib.ru/review/444927-v-alfavitnom-poryadke-huan-hose-milyas> (дата обращения: 10.05.2020)].
- Селевёров В. Хуан Хосе Мильяс и его расстатьи // The Wall, 19.12.2016. [Selevyorstov, V. (2016). Juan José Millás and his article-stories. *The Wall*. 2016, December 19. (In Russ.)]. URL: <https://thewallmagazine.ru/juan-jose-millas-i-ego-rasstatyi/> (дата обращения: 10.05.2020).
- Соколова В. М. «Статьи-рассказы» (“Articuentos”) Хуана Хосе Мильяса – новый жанр: между литературой и журналистикой // Филологические науки. 2016. Вып. 2. С. 74–80. [Sokolova, V. M. (2016). “Article-story” by Juan José Millás – a new genre: between Literature and Journalism. *Philological Sciences*, 2, 74–80. (In Russ.)].

- Хорева Л. Г.* Малая проза Х. Х. Мильяса в контексте концептов теоретиков постмодернизма М. Фуко и Ж. Бодрийяра // Тезисы XLVIII Международной филологической конференции. СПб., 18–27 марта 2019 г. [Horeva, L. G. (2019). J. J. Millás's short prose in the context of concepts given by theorists of postmodernism. *Tezisy XLVIII Mezhdunarodnoj filologicheskoy konferencii*. Saint Petersburg. (In Russ.)]. URL: <http://conference-spbu.ru/conference/40/reports/11111/> (дата обращения: 10.05.2020).
- Ayala-Dip, J. E.* Elogio de la tristeza // El País. 2007, Noviembre 10. URL: https://elpais.com/diario/2007/11/10/babelia/1194655813_850215.html (дата обращения: 10.05.2020).
- Contadini, L.* Las novelas de la Transición de Juan José Millás // *Impossibilia*. 2013. Núm. 5. Pp. 32–46.
- Cuadrat, E.* Una aproximación al mundo novelístico de Juan José Millás // *Cuadernos Hispanoamericanos*. 1995. Núm. 541–542. Pp. 207–216.
- Entrevista a Juan José Millás // *Marie Claire*. 2008, Noviembre 17. URL: <http://www.marie-claire.es/entrevista-a-juan-jose-millas> (дата обращения: 10.05.2020).
- Forest, Ph. and Gaugain, C.* Les romans du Je. Nantes: Ed. Pleins feux, 2001.
- Gass, W. *Fiction and the Figures of Life*. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1970.
- Harto, Espinosa L.* Análisis Libro «Mi Verdadera Historia». Juan José Millás. Madrid: Universidad Complutense, 2018.
- Hutcheon, L.* Historiographic Metafiction Parody and the Intertextuality of History // *Intertextuality and Contemporary American Fiction*. Ed. O'Donnell, P., and Robert Con Davis. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989. Pp. 3–32.
- Imperiale, S.* Espacios y metamorfosis en «La soledad era esto» de Juan José Millás // Colóquio Luso-Brasileiro «Semiótica do Espaço». Lisboa, 5.09–7.09.2013. URL: https://www.academia.edu/4527414/2013_Espacios_y_metamorfosis_en_La_soledad_era_esto_de_Juan_Jos%C3%A9_Mill%C3%A1s (дата обращения: 10.05.2020).
- Koh, S. G.* El juego de identidad en la obra de Juan José Millás. Tesis doctoral. Madrid: Universidad Autónoma de Madrid, 2011.
- La vida a ratos: resumen // Biblioteca electrónica “Qué libro leo”. 2020. URL: <http://quelibroleo.com/la-vida-a-ratos> (дата обращения: 10.05.2020).
- Llorente, M.* Juan José Millás: neurosis y costumbres (no solo literarias) // El Mundo. 2019, Abril 16. URL: <https://www.elmundo.es/cultura/laesferade-papel/2019/04/16/5cadd44321efa030638b469a.html> (дата обращения: 10.05.2020).
- Premio Nacional de Narrativa – 2008: Juan José Millás. URL: <http://www.adn.es/cultura/20081013/NWS-0471premio-nacional-2008-millas.html>, 13/10/2008 (дата обращения: 10.05.2020).
- Prieto, de Paula A. L., Langa Pizarro M.* Manual de literatura española actual: De la Transición al tercer milenio. Madrid : Imprenta Fareso, 2007.

Rabí, do Carmo A. Juan José Millás, ganador del premio planeta 2007, Los viajes interiores // El Comercio. 2008, Mayo 18. URL: <http://www.elcomercio.com.pe/edicionimpresa/Html/2008-05-18/los-viajes-interiores.html> (дата обращения: 10.05.2020).

Sobejano, Esteve G., Gracia, J., Mainer, J. C. Juan José Millás // Historia y crítica de la literatura española / coord. por F. Rico. 2000. Vol. 9, T. 2. Pp. 320–331.

Valls, F. Entre el artículo y la novela: la poética de Juan José Millás // Cuadernos de Narrativa. Juan José Millás / coord. por I. Andres-Suárez y A. Casas. Madrid: Arco / Libros, 2009. Pp. 167–184.

Waugh, P. Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction. L. ; N.Y.: Routledge, 1984.

УДК 821.134.2

К. А. Ананьева, И. В. Бибикова

Ананьева К. А., старший преподаватель кафедры второго иностранного языка Института иностранных языков им. М. Тореза Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: sunnykrista@mail.ru

Бибикова И. В., преподаватель кафедры второго иностранного языка Института иностранных языков им. М. Тореза Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: irina.v.bibikova@yandex.ru

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ИСПАНИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

В статье рассматривается отражение социальных проблем Испании в современной поэзии. В качестве примеров для анализа выбраны стихотворения Мигеля Гане из сборника 2018 г. *Ahora que ya bailas* («Ты уже научилась танцевать», посвященного (по словам автора) женщинам, поскольку именно они сегодня сталкиваются со значительным количеством социальной несправедливости. Делается вывод о том, что в стихах М. Гане находят свое отражение и более широкие социальные проблемы, которые касаются как женщин, так и мужчин; как детей, так и взрослых.

Ключевые слова: современная поэзия; социальные проблемы; современная Испания; гендерное неравенство; литературные приемы.

K. A. Ananyeva, I. V. Bibikova

Ananyeva K. A., Lecturer, Department of Second Foreign Language, M. Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University;
e-mail: sunnykrista@mail.ru

Bibikova I. V., Lecturer, Department of Second Foreign Language, M. Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University;
e-mail: irina.v.bibikova@yandex.ru

REFLECTION OF SPANISH SOCIAL PROBLEMS IN MODERN POETRY

The article looks at the social problems that Spain deals with nowadays. We have decided to analyze poems written by a modern poet Miguel Gane who published his book "Ahora que que bailas" in 2018. The author insisted that the book was dedicated

to women since they are the ones who mostly face social inequality. However, these poems also touch upon a very large number of socially important topics relative both to men and women, children and adults.

Key words: modern poetry; social problems; modern Spain; gender inequality; literary techniques.

Введение

Для многих людей Испания всегда ассоциируется с солнцем, радостью, вкусной едой, морем, отдыхом и беззаботностью, однако не все знают, что эта страна сегодня переживает не самые простые времена и сталкивается со значительным количеством социальных проблем, которые находят свое отражение в кинематографе, музыке и современной поэзии. Данная статья посвящена анализу стихов, написанных Мигелем Гане – современным испанским поэтом, по образованию юристом, он родом из Румынии. Уже много лет он живет в Мадриде и невероятно точно и остро очерчивает в своих стихах проблемы современного испанского общества.

Структурно статья делится на два логических блока: анализ стихотворения «Дети» (*Niños*), которое представляет собой обзор вышеупомянутых проблем, и анализ ряда стихов, посвященных вопросу гендерного неравенства.

Анализ стихотворения «Дети» (*Niños*)

Детство традиционно считается самым светлым этапом жизни человека, поскольку дети не обременены грузом проблем, жизненных тягот и забот. Они только учатся познавать мир, который взрослые часто стараются преподнести им как идеальное место, лишенное опасностей, сложностей и несправедливости. Возможно, поэтому мы не хотим взрослеть...

Мигель Гане, тем не менее, дает название «Дети» своему самому пронзительному стихотворению, полному горечи и боли. В нем он обращается не к детям, а ко взрослым, которым предстоит набраться смелости и объяснить этим наивным, непосредственным, маленьким испанцам, как непросто порой жить в современном мире.

Двенадцать раз автор обращается к читателю, двенадцать раз он просит «объяснить, поговорить, сказать, рассказать или дать определение» (*explicale, háblale, dile, cuéntale, defínele / dile el significado ...*) [Gane 2018, с. 178–180]. Все приведенные обращения используются

в форме второго лица единственного числа («ты»), что, с одной стороны, является приемлемым в испанской культуре даже при общении с незнакомыми людьми. С другой стороны, благодаря выбору такой формы читатель, пусть и невольно, воспринимает призывы автора близко к сердцу, принимает их на свой счет.

Что же, по мнению Мигеля Гане, взрослые должны рассказать детям о современной Испании? Что вот-вот узнают Хавьер, Кристиан, Джоан, Фернандо, Ибрагим, Педро, Марина, Мартина, Лаура, Эду, Карлос и Хосе? Следует отметить, что, говоря о различных проблемах, автор апеллирует как к тому, что происходит во «взрослом» мире, так и к тому, что наиболее понятно каждому ребенку, а именно – к жизни их сверстников. Проблемы, поднимаемые в данном стихотворении, можно разделить на следующие подгруппы:

- 1) злоупотребление служебными полномочиями, использование прессы в политических играх, неонацизм и национализм;
- 2) иммиграция и сепаратизм;
- 3) бедность населения;
- 4) гомофобия;
- 5) насилие и преступность.

Далее мы последовательно рассмотрим каждую из перечисленных подгрупп.

Телевидение. Зачем дети смотрят телевизор? Скорее всего, в первую очередь их интересуют мультфильмы, однако сегодня включать этот «черный ящик» становится все опаснее. Дети увидят там многое, но не мультфильмы:

- дебаты политиков, которые готовы пообещать им «золотые горы», используя детей как политическое оружие и манипулируя ими (*Háblale a Javier sobre la manipulación mediática que encendió la tele el uno de octubre para ver los dibujos de siempre / Dile que hay quienes usan su condición de niño como argumentario político*);

- трансляцию митинга на площади Сибелес, посвященного воспеванию культа диктатора Франсиско Франко, на котором сотни людей, подняв правую руку в фашистском приветствии, поют старый гимн Испании (*Cuéntale a Cristian que centenares de personas corean, brazo en alto, una oda a la muerte en Cibeles*) [Gane 2018, с. 178];

- прямой репортаж с акции протеста, на которой полиция избивает людей, сидящих на земле с поднятыми руками (*Háblale a Edu*

sobre paz cuando te pregunte por qué la policía pega a gente sentada en el suelo con los brazos en alto) [там же, с. 180].

Подобные факты настолько поражает психику ребенка или подростка, что он невольно хочет бороться с такой ситуацией, в связи с чем мы видим призыв автора не делать этого незаконными методами. Обращаясь ко взрослым, М. Гане просит их объяснить детям, что привод в полицию – это не поражение в компьютерной игре, а обычная палка может стать настоящим оружием (*Dile a Joan que una carga policial no es un juguete, que una porra es un arma*) [Gane 2018, с. 178].

Футбол. Испанские мальчишки (да и девчонки) с детства «болеют» за какую-либо команду: «Реал Мадрид», «Атлетико Мадрид», «Барса» и др. Вместе они обсуждают игроков команды, матчи, позицию любимого клуба в турнирной таблице. Тем сложнее объяснить ребенку, почему мальчик, «болеющий» за ту же команду, что и он, и названный тоже не совсем испанским именем, не живет в хорошей квартире, не ходит в школу, а вынужден бежать из своей страны, от голода и войны, рискуя жизнью и так и не добравшись до заветной и, как ему кажется, безопасной Испании (*Explicale tú a Ibrahim que Aylan, el niño que yacía muerto en esa playa era del mismo equipo de fútbol que él*) [там же, с. 179].

На уроках географии дети узнают, что их страна, их Родина, состоит из семнадцати автономных областей, каждая из которых обладает своими культурными особенностями и уникальными чертами, которые в равной степени важны и должны быть уважаемы. После уроков вместе с родителями они смотрят футбольный матч между «Реал Мадридом» и «Барселеной» на мадридском стадионе Бернабеу, – и вдруг знания, полученные на уроке географии, затмеваются криками болельщиков «долой Каталонию», «ненавижу Испанию» (*Defínele a Pedro el significado de “patria” después de ver a un señor en el Bernabeu levantar una bandera, gritar “puta Cataluña” y odiar a quienes son sus hermanos / Explicale a Marina por qué gritas “puta España” y odias a quienes son tus hermanos*) и дракой между родителями одноклассников (*Dile a Fernando que su padre no era el que golpeo ayer al padre de Joan*) [Gane 2018, с. 178–179]. Как же теперь дети должны понимать слово «Родина»?

«*Мой дом – моя крепость*». Ребенок чувствует себя защищенным в привычной ему обстановке, в своем доме. С детства родители прививают ему духовные ценности; учат, что деньги не главное, но в один прекрасный день им придется объяснить, почему они вынуждены

покинуть свой дом, переехать, потому что цена за аренду или квартплата повысилась до недосягаемой суммы (*Cuéntale a Martina qué es el dinero cuando se tenga que ir de la casa en la que ha vivido desde el día en el que nació porque el coco llama a su puerta con traje y corbata*) [Gane 2018, с. 179].

Любовь. Это понятие, вероятно, сложнее всего и одновременно так просто объяснить ребенку, потому что взрослым нужно своим примером показывать, как это – любить. В жизни, однако, не всегда оказывается легко проявлять любовь и уважение к окружающим, что дети, конечно же, прекрасно видят. Испания – одна из стран, в которой разрешены однополые браки и усыновление детей однополыми парами. Не оценивая данное явление как таковое, мы не можем проигнорировать проблему, о которой говорит автор в связи с такими семьями. Речь идет о насмешках со стороны сверстников, вызванных неприятием их родителями однополых отношений, что в конечном итоге приводит к страданию детей (*Defínele a José el significado de la homofobia cuando te pregunte por qué todos se rien de Inma en el cole por tener dos mamás*) [там же, с. 180].

Можно ли утверждать, что в традиционных семьях каждый ребенок видит взаимоуважение и понимание? К сожалению, одной из наиболее острых проблем Испании сегодня является гендерное насилие, которое чаще всего происходит по отношению к женщине. Его последствия неутешительны: женщины вынуждены оставить семью, переехать, а часто просто убежать (*Explícale a Carlos qué es la violencia de género cuando te pregunte: “Papi, ¿por qué mami se va de casa?”*). Нередки случаи смертельного исхода в результате домашнего насилия (*Háblale a Laura sobre el amor después de haber visto cómo el padre de su mejor amiga, María, mataba a su madre*) [там же, с. 180], и если во времена Франко такие случаи замалчивались, то сегодня они имеют широкий общественный резонанс, который, хотя и не всегда, помогает решить эту проблему. Во втором блоке настоящей статьи мы более детально рассмотрим, как гендерное насилие отражается в ряде стихотворений М. Гане.

Проблемы гендерного насилия

Темы взаимоотношений полов и гендерного насилия занимают в творчестве Мигеля Гане значительное место. В сборнике «Ahora que ya bailas» данной тематике посвящено множество стихотворений,

таких как «Libre» («Свободная»), «Vivas» («Живые» – в женском роде), «Mujeres» («Женщины»), «Sexo débil» («Слабый пол»), «“No” es no» («Нет – значит нет») и др. В них автор не только привлекает внимание к проблемам, с которыми повсеместно сталкиваются женщины в Испании, но и высказывает собственную резкую позицию в отношении подобных проявлений гендерного неравенства.

Стилистические приемы повтора, параллелизма и анафоры, обценная лексика и броские лаконичные названия наиболее точно передают критическое отношение поэта к сложившейся неправомерной ситуации, которую он оценивает не только с позиции лирика, но и с точки зрения адвоката, ежедневно сталкивающегося с последствиями гендерного насилия. Стихотворения М. Гане в действительности представляют собой горькую социальную сатиру, обнажая несправедливость и унижительный характер укоренившихся в испанском обществе традиций, подобно «Капричос» Франсиско де Гойи или фильмам Педро Альмодовара.

Рассмотрим стихотворение «Libre», в котором поднимается проблема вербального насилия над женщиной. Используя параллельные конструкции и ненормативную лексику (*puta, zorra, guarra, cerda* и др.), Мигель Гане последовательно раскрывает те ситуации, в которых мужчины осуждают и оскорбляют женщину, позволившую себе нечто, выходящее за рамки мужского представления о женской свободе (например, отказ в близости или в отношениях). Поэт использует эмоциональный повтор глагола *insultar* («оскорблять») для того, чтобы подчеркнуть непрерывное постоянство мужского превосходства: *Te han insultado, te insultan y – tristemente – te volverán a insultar* – «Тебя всегда оскорбляли, оскорбляют и, к сожалению, продолжают оскорблять» [Gane 2018, с. 59–60]. Тем не менее последнее слово стихотворения – *libertad* («свобода») говорит о том, что в любом случае женщина остается свободной, даже подвергаясь подобным унижениям.

Стоит отметить, что вербальное насилие над женщиной не всегда выражено лексически прямо. Например, в стихотворении *Vivas* читатель сталкивается с наиболее страшным проявлением подчиненного положения женщины – убийством, причины которого кроются в перифразах *Eres mía* – «Ты – моя»; *La maté porque si no está conmigo, no va a estar con nadie* – «Я убил ее, потому что, если она не со мной, то ни с кем» [там же, с. 54–55].

Подобные реплики являются крайне маскулинными и широко распространены не только в Испании. До определенного момента

такие заявления со стороны мужчины воспринимаются женщиной как нечто романтическое, как неоспоримое доказательство сильного чувства, однако рано или поздно стремление полностью подчинить себе «слабый пол» выходит на первый план и проявляется в более резких выражениях и рукоприкладстве, психологическом и экономическом насилии.

Так, например, с одной стороны, по утверждению издания «Испания по-русски», данная страна «является пионером в установлении критериев, связанных с юридическим определением такого социального бедствия, как гендерное насилие, и искоренением его; на протяжении многих лет государство формировало высокие стандарты помощи пострадавшим женщинам» [Поддержка и защита женщин в Испании... 2018]. С другой стороны, в выпуске журнала «Вокруг света» за март 2020 г. мы находим информацию о том, что, несмотря на множество усилий со стороны Евросоюза по улучшению положения женщин, во многих еще отзываются законы времен диктатуры Франко, по которым испанки могли открыть счет в банке или получить паспорт только с разрешения мужа [Папченко 2020]. И хотя на данный момент в Испании «самое женское» правительство в мире (из 23 министров 11 являются женщинами), на бытовом уровне испанки продолжают страдать от пренебрежительного обращения и домашнего насилия.

Начиная с 2000 г., правительство Испании предпринимает ряд мер, направленных на достижение равенства между полами. Одной из таких мер стал принятый в 2007 г. *Ley de Igualdad de Género* – «Закон о равенстве между полами», открыв новый этап решительной борьбы женщин за свои права [¿Qué es en que consiste la igualdad de género? 2018]. Для претворения в жизнь указанной политики государства в Испании была создана должность агента по равенству полов, ведущих разъяснительную и контролирующую работу как на уровне правительств округов и городов, так и в компаниях и других учреждениях. Одним из результатов подобной работы является, например, увеличение камер видеонаблюдения и фонарей при благоустройстве улиц, так как женщины могут испытывать страх подвергнуться нападению в темное время суток.

В целом, на улицах испанских городов случаи вербального и психологического насилия над женщинами нередки до сих пор. Об этом упоминает и Мигель Гане в стихотворении «Mujeres», в котором перечисляет основные виды такого воздействия: крики вслед, свист из

машин и на улицах, прикосновения без разрешения и др., вызывающие страх и вынуждающие сворачивать с пути, особенно при виде группы парней в темное время суток (*que tengas miedo al volver a casa de madrugada, que tengas que cambiarte de acera cuando veas un grupo de chicos por la noche, que te piten los coches, que te silben por la calle, que te toquen sin permiso*) [Gane 2018, с. 51]. Снова используя анафорический параллелизм, поэт словно составляет «черный список» тех неудобств и несправедливости, с которыми каждый день сталкиваются сотни испанок, выходя из дома.

Еще одним примером деятельности агентов по равенству полов является создание в Мадриде сети специализированных центров для женщин, которые называются «Пространства равенства» [Папченко 2020]. В них, в том числе, ведется работа среди детей и подростков, направленная на искоренение устоявшихся гендерных стереотипов. Подобная работа представляется крайне важной для современного испанского общества, так как одной из основных причин, по которой происходят убийства и насилие над женщиной, является замалчивание подобных случаев и отрицание текущей ситуации. Об этом пишет и Мигель Гане в своем стихотворении «Vivas»; *Y todo esto pasa en un país que calla*. – «И всё это происходит в стране, которая молчит». Поэт утверждает, что молчание в таких случаях ничем не отличается от самого насилия (*Y si algo sé sobre el silencio es que duele tanto como un golpe*) [Gane 2018, с. 57].

Тема замалчивания и ухода от существующей проблемы остро стоит и в стихотворении «Mujeres», где автор обвиняет самого себя в отказе помогать тем, кто очутился в подобной ситуации: *Siento las veces que callé cuando todo esto te estaba pasando* [там же, с. 53]. Читатель понимает, что в этом образе проявляются черты типичного мужчины, который, хотя сам никого не оскорбляет и не применяет силу в отношении женщины, ничем не лучше того, кто так поступает, поскольку своим молчанием и попустительством он провоцирует всё новые подобные случаи.

Можно заметить, что собирательный мужской образ, присутствующий в поэзии Мигеля Гане, наделен множеством отрицательных черт. Для его создания используется лексико-семантическое поле слабости, как физической, так и духовной: *tienen miedo de tu libertad* – «они боятся твоей свободы»); *tipos cuyo centro de gravedad está por debajo de su cintura* – «типы, у которых центр притяжения находится

ниже пояса»; *tipos a quienes lo que les falta de cerebro* – «типы, у которых отсутствует мозг»; *y tú la has asesinado por cobarde* – «ты убил ее, потому что трус»); *y menos fuertes se irán para no volver* – «те, кто слабее, уйдут, чтобы не возвращаться»; *algo ha muerto en el alma y las entrañas de cada uno de los hombres de este mundo* – «что-то умерло в душе и теле каждого мужчины в этом мире» [Gane 2018].

Образ слабого мужчины, противопоставленный сильной, решительной женщине: *valiente* – «храбрая», *guerrera* – «воительница», *libre* – «свободная», *con garras de leonas* – «с когтями льва», *llena de heridas incurables* – «вся в незаживающих ранах» [там же, с. 51–53], вызывает когнитивный диссонанс, и именно так достигается эффект эмоционального воздействия с целью побудить читателя менять свое мнение и отношение к женщине. Наиболее ярко антитеза «слабый мужчина – сильная женщина» выражена в стихотворении «Sexo débil» («Слабый пол»). Автор высмеивает устоявшееся выражение «слабый пол» как нечто лишённое смысла по отношению к женщине и аргументирует это тем, что так нельзя назвать тех, кто боролся за право голоса и право на аборт, за свободу от религиозных предрассудков и от патриархальных устоев. Поэт также упоминает конкретных исторических личностей, например математика Марию Кюри, художницу Фриду Кало или группу «13 роз» (*Las Trece Rosas* – имя, данное в Испании группе из тринадцати девушек, семь из которых были несовершеннолетними, казненных франкистским режимом после окончания Гражданской войны во время массовых репрессий [¿Quiénes eran las trece rosas? 2019]), перенося качества их характеров на женский пол в целом с помощью определенного артикля *las*, показывая нам таким образом, что нельзя уважать и превозносить заслуги одних, полностью обесценив при этом других. Эвфемизм *sexo débil*, использующийся в названии и несколько раз в строфах, становится горькой насмешкой над теми, кто до сих пор считает женщину слабой [Gane 2018, с. 76–77].

Наиболее резко и отчетливо звучит позиция Мигеля Гане в стихотворении «“No” es no». Используя прием перечисления для упоминания распространенных мужских фраз и мыслей о физической близости и сексуальном насилии, поэт очень жестко характеризует это анафорической градацией: *Se llama acoso, se llama abuso, se llama presión*. – «Это называется преследованием, это называется насилием, это называется принуждением» [Gane 2018, с. 61]. Неумение и нежелание слышать женщину породили во многих культурах концепт «нет

означает да», однако это мачистское убеждение должно быть искоренено, считает Мигель Гане: *Deja de insistir, de avergonzarte y de joder a quien no tienes derecho.* – «Прекрати настаивать, стыдить, прекрати спать с теми, с кем не имеешь права» [Gane 2018, с. 62]. В финальной строфе этого стихотворения для усиления эмоционального воздействия и для создания эффекта лозунга-призыва автором используется графический прием разрыва строки [Ремнева, Чернец и др. 2009], подчеркивающий значимость каждого слова:

porque

«но»

es

no [Gane 2018, с. 62].

Читая подобные произведения Мигеля Гане, мы убеждаемся в том, что современной поэзии очень близки социальные темы. В современном обществе бытует мнение, что женщины уже добились всего, чего хотели: у них есть право принимать участие в политической жизни страны, они могут получать образование, работать, совершать научные открытия. Каждый год принимаются все новые законы, направленные против гендерного неравенства. Однако на практике мы встречаем множество примеров так называемого стеклянного потолка – барьера, ограничивающего продвижение женщин по карьерной лестнице по причинам, не связанным с их профессиональными качествами. У подавляющего большинства мужчин до сих пор существует стереотип о приоритетной роли женщины в воспитании детей. Огромное количество мужчин продолжают воспринимать женщину исключительно как сексуальный объект [Джеймс 2019].

Именно о таких предрассудках и моделях поведения пишет Мигель Гане, стараясь привлечь к данной проблематике как можно больше внимания. Во многих своих стихотворениях он говорит об унижениях и домогательствах, которые женщины вынуждены терпеть ежедневно, не в силах изменить устоявшийся порядок вещей в одиночку. Тем не менее выход из данной ситуации есть, и строками *Que si te necesitas aquí estaré para luchar, pero no por ti, sino contigo.* – «Если я буду нужен тебе, я буду рядом, чтобы бороться, но не против тебя, а вместе с тобой» [Gane 2018, с. 3] поэт показывает нам пример: права женщин должны быть обозначены и соблюдаемы не только и не столько на бумаге, сколько в действительности, в реальной жизни на улице и в домах.

Заключение

В результате проведенного анализа стихотворений Мигеля Гане мы можем прийти к выводу о том, что Испания сегодня сталкивается с рядом проблем, многие из которых являются следствием диктатуры, которую страна пережила с 1939 по 1975 гг. На протяжении многих лет в стране господствовали абсолютная власть, нацистские идеи, прорежимные средства массовой информации, «замалчивание» домашнего насилия. К уже существующим проблемам добавились и новые, например выселение из-за высокой арендной платы, непосильной обычному испанцу, сепаратистские настроения отдельных автономных областей, иммиграция из стран Африки и Аравийского полуострова.

Несмотря на сложность нынешней ситуации, хочется верить, что благодаря возросшему объёму социальной поэзии, влияющей на общество, описанные проблемы со временем навсегда останутся в прошлом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Джеймс Ю. Как в Испании протестуют против приговора о сексуальном насилии // Би-би-си Русская служба. 9.11.2019. [James, Yu. Kak v Ispanii protestuyut protiv prigovora o seksual'nom nasilii (*How people in Spain protest against the sentence for sexual harassment*). *BBC Russian*. 2019, November 09. (In Russ.)]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-50352489> (дата обращения: 25.05.2020).
- Папченко А. Рабочий момент: не все равно // Вокруг света, 2.03.2020. [Papchenko, A. (2020). Rabochij moment: ne vse ravno (*A Routine Issue: We Do Care*). *Vokrug sveta*, March 02. (In Russ.)]. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/329305/> (дата обращения: 25.05.2020).
- Поддержка и защита женщин в Испании. 25 ноября – Международный день борьбы за ликвидацию жестокости по отношению к женщинам // Испания по-русски. 25.11.2018. [Podderzhka i zashchita zhenshchin v Ispanii. 25 noyabrya – Mezhdunarodnyj den' bor'by za likvidaciyu zhestokosti po otnosheniyu k zhenshchinam (*Support and Protection of Women in Spain. November 25 – International Day for the Eradication of Violence against Women*). Ispaniya po-russki. 2018, November 25. (In Russ.)]. URL: <https://espanarusa.com/ru/pedia/article/645310> (дата обращения: 25.05.2020).
- Ремнева М. Л. [и др.] Графические приемы в стихотворном тексте // Лингвокультурологический тезаурус «Гуманитарная Россия». 2009. [Remneva, M. L. et al. (2009). Graficheskie priemy v stihotvornom tekste

- (Graphic Techniques in Poetic Text). Lingvokul'turologičeskij tezaurus «Gumanitarnaya Rossiya». (In Russ.) URL: www.philol.msu.ru/~tezaurus/library.php?view=c&course=4&raz=5&pod=1 (дата обращения: 25.05.2020).
- Gane, M. Ahora que ya bailas. Barcelona: Aguilar, 2018.
- ¿Qué es y en qué consiste la Ley de Igualdad de Género? // Ayuda en Acción. 2018, Mayo 21. URL: <https://ayudaenaccion.org/ong/blog/mujer/ley-igualdad-genero-2/> (дата обращения: 25.05.2020).
- ¿Quiénes eran las 13 rosas? // La Vanguardia. 2019, Octubre 04. URL: <https://www.lavanguardia.com/politica/20191004/47800680346/las-trece-rosas-las-13-rosas-franquismo-valle-de-los-caidos-vox-ortega-smith-diaz-ayuso.html> (дата обращения: 25.05.2020).

УДК 008

Т. Н. Калугина

старший преподаватель кафедры английского языка № 8 Московского государственного института международных отношений (Университет);
e-mail: tnk77@mail.ru

БРИТАНСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ КАК КОМПОНЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ XXI ВЕКА

В статье рассматривается влияние политических реформ, современных общественно-культурных реалий и модных тенденций на британское высшее образование. Включение рыночных инструментов в сфере высшего образования и развитие общественных движений способствуют возникновению кризиса в сфере высшего образования, а борьба за этническое разнообразие имеет далеко идущие культурные последствия. В качестве эмпирического материала используются публикации британских средств массовой информации за 2016–2020 гг.

Ключевые слова: европейское пространство высшего образования; британские университеты; этническое разнообразие; студенты BAME.

T. N. Kalugina

Senior Lecturer, English Language Department № 8, Moscow State Institute of International Relations (University);
e-mail: tnk77@mail.ru

BRITISH UNIVERSITIES AS A TRANSFORMATION COMPONENT OF CULTURAL VALUES OF THE 21ST CENTURY INTERNATIONAL HIGHER EDUCATION SYSTEM

The article examines the impact of political reforms, modern socio-cultural realities and fashion trends on British higher education. The use of market instruments in higher education and the development of social movements contribute to a crisis in higher education, and the struggle for ethnic diversity has far-reaching socio-cultural consequences. Publications of the British media for 2016–2020 are used as empirical material.

Key words: European Higher Education Area; British universities; ethnic diversity; BAME students.

Введение

Высшее образование – сфера воспроизводства и развития человеческого фактора, ресурс цивилизационных изменений и важная часть общественного развития. Резкий рост информационных технологий,

доступ к информации и транспарентность национальных границ – источник новых проблем и вызовов, характерных для XXI века, которые, в свою очередь, формируют стратегию культурной политики, определяют место и роль высшей школы в ее эффективной реализации.

Новые социально-экономические реалии оказывают существенное воздействие на модернизацию современного образования. Целью образования становится создание среды трансформации общественных отношений, развитие межкультурного взаимодействия и становление мультикультурного общества, разработка новых форм социального поведения, воспитание гражданской идентичности и сохранение этнического разнообразия.

Создание европейского пространства высшего образования (ЕВПО) в рамках Болонского процесса позволило укрепить нормативную силу ЕС, повысить конкурентоспособность «европейского» образования, привлечь талантливых студентов в европейские университеты. Рост престижа европейского образования способствовал не только развитию академической мобильности, но и «утечке мозгов» в Европу. Неудивительно, что многие страны рассматривали интеграцию своих национальных образовательных систем в европейское образовательное пространство как их модернизацию. По мере развития межвузовского сотрудничества в рамках Болонского процесса образование переориентировалось с госзаказа на потребности рынка труда. Расширялась автономия вузов, совершенствовались механизмы управления вузами, развивалось сотрудничество высших учебных заведений с бизнес-структурами и потенциальными работодателями, квалификации приводились в соответствие с потребностями рынка.

Переориентация университетских программ обучения, более тесные связи с бизнес-сообществом, необходимость поиска дополнительных источников финансирования приводят к возникновению в реалиях современной экономики знаний формуле «научные исследования – образование – инновации». Основными положительными моментами расширения европейского образовательного пространства стало повышение качества образования, доступ к образованию и использование современных информационных технологий в процессе обучения. К негативным последствиям западные исследователи ЕВПО относят инструментализацию европейского образования и его европеизацию в рамках Болонского процесса, под которой подразумевается усиление политического аспекта образования [Antunes 2019; Asderaki 2019].

Кризис британской системы высшего образования

Британские университеты занимают лидирующие позиции по числу иностранных студентов. В 2019 г. треть всех иностранных студентов ЕС (485645 человек), обучающихся по программам бакалавриата и магистратуры, проходили обучение в британских вузах. Британские университеты традиционно разделяются на три типа: старейшие университеты (Ancient Universities), которые отличаются академической направленностью обучения; университеты нового поколения (Red Brick Universities), которые получили статус университета после Первой мировой войны и характеризуются практической направленностью обучения; университеты новейшего поколения, получившие свой статус после 1963 года, и нацеленные на развитие экспорта образовательных услуг и продвижение межвузовского взаимодействия в рамках ЕВПО.

Общее количество студентов высших учебных заведений Соединенного Королевства составило 2 383 970 человек в 2018/19 году, увеличившись на 2 % по сравнению с 2017/18 годом (Higher education students statistics 2020). Это объясняется ростом числа иностранных студентов из стран, не входящих в ЕС. Основными импортерами британского высшего образования являются Китай – 120385 человек (35 % иностранных студентов из стран, не входящих в ЕС) и Индия – 26685 человек.

Британское высшее образование считает передачу знаний и умений основной целью образования. Его главной характеристикой является «направленность на практику» [Чертовских 2015, с. 16]. Одновременно британское научное сообщество сумело осознать самодостаточность знания как его особое качество и сферу бесконечного изучения тайн природы и человека.

Интерес представляет тот факт, что несмотря на то, что британское образование пользуется спросом у иностранных студентов, большинство местных студентов ограничиваются обучением по программе бакалавриата и лишь только один из пяти решает продолжить обучение в магистратуре.

Следуя логике рыночных реформ, перевод британских университетов на модель, основанную на конкуренции, неизбежно привел к делению университетов на «победителей» и «проигравших». Нынешнее правительство Великобритании, в которое входят представители Консервативной и Либерально-Демократической партий, сняло

ограничение количества студентов на курс. Такая попытка поощрения межвузовской конкуренции имела весьма неожиданные последствия. Во-первых, число поступающих регулярно превышает количество преподавателей, что привело к повышению академической нагрузки профессорско-преподавательского состава и снижению качества образования. Во-вторых, пытаясь привлечь большее число студентов, университеты тратят огромные суммы на рекламу. Например, университет Центрального Ланкашир (University of Central Lancashire) в 2017–2018 учебном году потратил на маркетинг 3,4 млн фунтов стерлингов (*The Guardian* 14.02.2020). Привлекая свою целевую аудиторию, вуз использует разнообразные информационные-имиджевые ресурсы: официальный сайт, размещение рекламы на билбордах и автобусах, рекламные брошюры. Активная реклама превращает вуз в бренд, «который гарантирует качество образования и высокую конкурентоспособность» [Дьякова 2019, с. 29].

В-третьих, британские университеты, занимающие высокие позиции в рейтингах университетов по стране, задействуют свои ресурсы для агрессивного расширения и привлечения студентов и профессорско-преподавательского состава из университетов среднего уровня, что отрицательно сказывается на уровне преподавания. Сейчас среди британских университетов, особенно «новых», отмечается тенденция повысить свой рейтинг за счет неразборчивого привлечения иностранных студентов, расширение научной деятельности профессорско-преподавательского состава за счет снижения качества преподавания, и участия в межвузовских научных проектах в рамках ЕВПО [Brooks 2019; Тарасова 2018; Володин, Володина 2019]. И, наконец, инструментализм высшего образования, стремление ориентироваться на потребности рынка, негативно отразился на программах обучения, снизив количество часов или исключив те дисциплины, которые необходимы для культурного и всестороннего развития, но не пользуются спросом у современных студентов, таких как история или культурология. Не удивительно, что результатом такой политики стал инструментализм высшего образования, нездоровая конкуренция вузов и, в конечном итоге, кризис образования.

Современная система образования построена на принципах «академического капитализма» [Судибор 2018]: образование последовательно превращается из ценности в товар, а студенты – в потребителей. Принимая во внимание высокую плату за обучение, британский

студент ожидает, что диплом о высшем образовании будет гарантировать ему высокооплачиваемую профессию. Но выход Великобритании из Евросоюза, глобальная экономическая рецессия, вызванная эпидемией коронавируса, не способствовали росту британской экономики и увеличению квалифицированных рабочих мест. Наоборот, экономическая нестабильность в преддверии Брексита, спровоцировавшая вывод бизнеса в Европу и сокращение рабочих мест, привела к разочарованию британских студентов в современном высшем образовании, как не соответствующем их ожиданиями в плане дальнейшего трудоустройства.

Брексит также отрицательно отразился на британских университетах. Опрос представителей ассоциации университетов Великобритании (Universities UK) показал, что 80 % британских вузов обеспокоены последствиями выхода из ЕС без сделки. Прежде всего это касается изменения сотрудничества с зарубежными партнерами, участия в совместных научно-исследовательских проектах, доступа к финансированию научных исследований, сокращение академической мобильности. Проблема получения студенческой визы для продолжения обучения в Великобритании коснется 130000 европейских студентов. Министр высшего образования Мишель Донелан (Michelle Donelan) объявила, что, как следствие, студенты Великобритании, ЕС и стран ЕЭЗ будут классифицированы как иностранные, начиная с 2021/22 учебного года. С них будет взиматься полная плата за обучение (в некоторых случаях до 20 000 фунтов стерлингов), они будут лишены доступа к ссуде на плату за обучение и больше не будут иметь право на получение средств из фондов, обеспечивающих потребности студентов (*The Guardian* 04.07.2020).

Прохождение курсов британскими студентами в европейских странах по программе студенческого обмена Erasmus + также становится неопределенным в связи с визовыми требованиями и финансированием их обучения. Больше половины университетов отмечают сокращение заявок от европейских студентов на прохождение обучения в Великобритании, а 60 % заявили, что уже потеряли существующих или потенциальных сотрудников из-за рубежа (*The Guardian* 16.09.2019). Правительство Бориса Джонсона надеется установить более тесное и амбициозное партнерство с ЕС в сфере образования. После выхода из Евросоюза такое партнерство Великобритания может заключить только с позиции страны, входящей в Европейскую ассоциацию свободной торговли или страны, имеющей смежные границы с ЕС. И хотя

британское правительство категорически отказывается рассматривать возможность «ассоциированного членства», оно является ключевым условием для грантополучателей Европейского исследовательского совета, желающих заниматься исследовательской работой в Великобритании. Прекращение сотрудничества в рамках программы Horizon 2000 или Framework Programme 9 несет угрозу значительной утечки мозгов в страны ЕС или другие, осуществляющие сотрудничество в рамках этих программ [Deketelaere 2019].

Университет – зеркало культурных трансформаций общества

Развитие движения за социальное равенство в доступе к качественному высшему образованию коснулось даже таких университетов как Оксфорд и Кембридж. Элитизм старейших британских университетов не вызывает сомнений. Эти университеты считаются «кузницей» британских и зарубежных политиков высшего эшелона. Степень Оксфордского университета по философии, политике и экономике получили британские премьер-министры Эдвард Хит, Гарольд Уилсон и Дэвид Камерон, президент США Билл Клинтон, премьер-министры Австралии Малколм Фрейзер и Боб Хоук. Из сегодняшней британской политической элиты выпускниками Оксфорда являются министр здравоохранения Джереми Хант, канцлер Филип Хаммонд, министр труда и пенсий Дамиан Грин и министр юстиции Элизабет Трасс.

Британское общество известно своей жесткой социальной структурой и минимальным числом социальных лифтов, практически недоступных для широкого населения. Британская система образования наглядно отражает эту иерархичность, сохраняя элитизм в свете высшего образования. Диплом об окончании элитного британского университета означает не только качество полученного образования, но и определенную репутацию – многие выпускники строят блестящую политическую карьеру, работая в благотворительных организациях, подведомственных организациях, группах активистов, Всемирном банке, Организации Объединенных Наций. И несмотря на призывы обеспечить доступность получения образования в престижных британских университетах для широких слоев населения, их элитизм сохраняется.

В 2010 г. после пожертвования в 75 млн фунтов стерлингов от Леонарда Блаватника, бизнесмена и мецената украинско-американского происхождения, Оксфорд открыл школу государственного управления имени Блатваника, которая предлагает курсы по

государственной политике для аспирантов, но видит свою миссию более широко: «обучение лидеров» (*The Guardian* 23.02.2017). В этом контексте не потеряло актуальности изречение Сесилия Родса, известного политического деятеля Британской империи колониальной эпохи: «Куда бы вы ни взглянули, везде – за исключением науки – во главе стоит выпускник Оксфорда» (*Wherever you turn your eye – except in science – an Oxford man is at the top of the tree*).

Разумеется, вопросы социального равенства не обошли Великобританию стороной, и как элитные университеты не пытаются сохранить старые традиции, перемены становятся заметными. В 2017 г. университеты Оксфорда и Кембриджа обвинялись в «социальном апартеиде» из-за своей политики зачисления студентов. Десять колледжей Оксфорда и шесть колледжей Кембриджа отказались принимать чернокожих студентов с высшими балами по результатам экзаменов, сданных в рамках A-Level (*The Guardian* 19.10.2017). Однако обзор публикаций британских СМИ и отчетов Оксфордского университета показывает, что журналисты и социальные активисты, несколько сгущают краски. В 2017 г. количество представителей африканского и азиатского происхождения и представителей этнических меньшинств (BAME – black, Asian, minority ethnics), обучавшихся в британских университетах, составило 26,2 %, а в Оксфорде в 2020 г. – 22,1 %, показав рост на 8,6 % за последние пять лет, что совсем не плохо, принимая во внимание закрытость и элитизм университета, а также высокую стоимость обучения (*The Guardian* 23.06.2020). Более того, после активной критики членами парламента и политическими деятелями за то, что университет игнорировал выпускников государственных школ, особенно из африканских или неблагополучных семей, Оксфордский университет пересмотрел свою систему подачи заявок и расширил работу по охвату населения, взяв на себя обязательства увеличить количество студентов из малообеспеченных семей до 25 % в 2023 г. (*Undergraduate admissions statistics 2020*).

Расширение социального и этнического разнообразия среди студентов привело к двум проблемам. Первая – низкая успеваемость студентов BAME и студентов из рабочего класса, что было вполне предсказуемо. Другая – возникновение инцидентов на почве расизма и социальной иерархии. Надо понимать, что иерархичность британского общества является и неотъемлемой частью студенческого общества. Студентам из бедных социальных слоев сложно вписаться

в общество своих гораздо более богатых сверстников, многие из которых принадлежат к аристократическим кругам, не говоря уже о том, что активное участие в социальной студенческой жизни требует определенных финансовых затрат. Межкультурные различия затрудняют социализацию студентов ВAME.

Другим препятствием их успешной социализации стало отсутствие представителей их круга среди профессорского преподавательского состава (*The Guardian* 10.09.2018). Нам, с нашим менталитетом, достаточно сложно представить, что студент из рабочего класса не оценивает возможность обучения в ведущем вузе в качестве социального лифта, а сосредоточивается на своем психологическом состоянии «изгоя», рассматривая преподавателей не как трансляторов знания, а как представителей того или иного социального круга. Такой современный студент не хочет подстраиваться под ситуацию и видеть преимущества для себя, а старается обвинить окружающих в своем дискомфорте. Но данная ситуация нашла отклик среди британских политиков. Крис Скидмор (Chris Skidmore), министр высшего образования Англии, признал проблему расовой дискриминации ВAME персонала вузов и раскритиковал британские высшие учебные заведения за то, что они не нанимали и не продвигали чернокожих и представителей этнических меньшинств после публикации статистики, что из 16 % от общего числа преподавателей в Великобритании, идентифицированных как африканцы, ни один из них не входил в число менеджеров или директоров британских университетов. Согласно данным статистики в 2018/2019 учебном году, 535 сотрудников, занимавших руководящие должности в британских университетах, 475 были определены как белые, 25 – как азиатские, смешанные или другие, этническая принадлежность остальных 35 не была известна (*The Guardian* 23.01.2020).

Еще одним проявлением расистских инцидентов, весьма распространенных в США и теперь перекинувшихся на Великобританию, стала борьба с памятниками и историко-культурным наследием. Первым таким случаем, который привлек внимание широкой публики, стала попытка давления на Оксфордский колледж Ориэл (Oxford's Oriel College) снести памятник Сесилию Родсу, известному империалисту Викторианской эпохи. Это движение стало отголоском борьбы с наследием Родса, поступавшего в поддержку прото-апартеидного законодательства и использования военной власти для расширения Британской империи. Памятник Родсу появился в Оксфорде неслучайно.

Будучи выпускником Ориел колледжа, Родс пожертвовал крупную сумму университету, за что удостоился, по давней оксфордской традиции, памятника. Также стипендия Родса – старейшая и самая престижная международная награда для выпускников вузов, желающих продолжить обучение в аспирантуре в зарубежном университете. Попытки заставить руководство колледжа снести памятник в 2016 г. окончились неудачей, но разгорелись с новой силой вместе с движением «Black Lives Matter». В 2020 г. администрация Ориел колледжа согласилась убрать памятник, хотя это приведет к тому, что колледж потеряет более 100 млн фунтов стерлингов дотаций от фонда Родса (*The Guardian* 29.01.2016).

Следующий инцидент произошел в университете Манчестера, когда группа студентов-активистов выступила против установки памятника Махатма Ганди, как дара благотворительной организации. Обвинения индийского лидера в «анти-черном расизме» спровоцировали движение #GandhiMustFall. Не ограничившись «победой» над идеологом движения за независимость Индии от Великобритании, в 2017 г. студенты университета переключились на Редьярда Киплинга, автора поэмы «Бремя белого человека», содержание которой вызвало глубокое возмущение ВАМЕ студентов, а их кампания привела к тому, что фреска со стихами Киплинга была удалена из холла университета Манчестера. Во главе этих кампаний стояла студентка Сара Хан, представительница местного мусульманского сообщества.

Недовольные культурно-историческим прошлым Великобритании, в частности, и западной цивилизацией в целом, британские студенты, а именно – представители ВАМЕ, пытаются изменить учебную программу и процесс обучения в вузах. Студенты Лондонского университета потребовали убрать из программы ряд философов (Канта, Декарта, Платона и других) из-за их цвета кожи (*The Telegraph*, 08.01.2017). Они заявили, что согласны изучать труды «белых философов» только в случае необходимости и исключительно с позиции критики. Студенческий союз Школы восточных и африканских исследователей начинает поднимать вопрос о предвзятости Европоцентризма и настаивает на включении в программу изучения трудов азиатских и африканских философов. Свою позицию они описывают как «продолжение деколонизации» [Tomlinson 2019]. Таких экзотических и, вместе с тем, радикальных примеров борьбы с прошлым с каждым годом становится всё больше.

Заключение

Обзор научной литературы и статей британских СМИ позволяет сделать вывод, что на данном этапе Британское высшее образование находится на пороге кризиса. Использование рыночных механизмов в сфере образования имеет негативные последствия в виде развития нездоровой конкуренции и снижения качества образования. Экономическая нестабильность, отягощенная выходом Соединенного Королевства из Евросоюза, усиление общественно-массовых конфликтов, опасность использования политкорректности для достижения политических бонусов подрывают устойчивость британских университетов и негативно сказываются на их привлекательности. Вместе с тем престиж британского образования позволяет успешно развивать экспорт образовательных услуг в страны Азии, бывших британских колоний, а также в страны, не входящие в ЕС. После окончательного выхода из ЕС Великобритания будет скорее всего продолжать развивать международное сотрудничество в области высшего образования и научных исследований как с ЕС, так и с другими странами в том или ином формате.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Володин С. Ф., Володина Т. А. Социальная рутина высшего образования: опыт анализа «новых» университетов Великобритании социологом Джейми Хардингом // Университет XXI века: научное измерение. 2019. С. 267–272. [Volodin, S. F., Volodina, T. A. (2019). Social routine of higher education: the experience of the analysis of the «new» universities in Great Britain by sociologist Jamie Harding. *Universitet XXI veka: nauchnoe izmerenie*, 267–272. Tula: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University. (In Russ.)].
- Дьякова Е. Ю. Использование социально-политического феномена Brexit в создании имиджа британских университетов // Вестник ВГУ. 2019. Вып. 2. С. 28–33. [D'jakova, E. Ju. (2019). The use of the socio-political phenomenon Brexit in creating the image of British Universities. *Proceedings of Voronezh State University*, 2, 28–33. (In Russ.)].
- Судибор О. Л. Зарубежный опыт управления процессами интернационализации в высшем образовании: Великобритания // Вестник университета Туран. 2018. Вып. 3 (79). С. 240–245. [Sudibor, O. L. (2018). International experience in managing the process of internationalization in higher education: the case of Great Britain. *Bulletin of the Turan University*, 3 (79), 240–245. (In Russ.)].
- Тарасова О. М. Анализ исследовательских мотивов преподавателей университета // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития.

2018. С. 184–186. [Tarasova, O. M. (2018). The analysis of research motives of university teachers. *Nauka i obrazovanie: opyt, problemy, perspektivy razvitiya*, 184–186. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University. (In Russ.)].
- Чертовских О. В. Британский университет: методы, формы и содержание учебного процесса // *Человеческий капитал*. 2015. Вып. 8 (80). С. 15–20. [Chertovskih, O. V. (2015). British universities: methods, forms and training content. *Human capital*, 8 (80). 15–20. (In Russ.)].
- Antunes, F. Europeanisation and adult education: between political centrality and fragility // *Studies in Continuing Education*. 2019, May 20. DOI: 10.1080/0158037X.2019.1615425 (дата обращения: 01.08.2020).
- Asderaki, F. Researching the European Higher Education Area external effectiveness: regime complexity and interplay // *European Journal of Higher Education*. 2019, January 08. DOI: 10.1080/21568235.2018.1562951 (дата обращения: 01.08.2020).
- Brooks, R. The construction of higher education students within national policy: a cross-European comparison // *Compare: A Journal of Comparative and International Education*. 2019, May 02. DOI: 10.1080/03057925.2019.1604118 (дата обращения: 01.08.2020).
- Deketelaere, K. The labyrinth of EU research, innovation, and education policy // *Places of Engagement: Reflections on Higher Education in 2040 – A Global Approach*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. Pp. 113–118. DOI: 10.2307/j.ctvfjd0xs.20 (дата обращения: 01.08.2020).
- Higher education students statistics. 2020. URL: <https://www.hesa.ac.uk/news/16-01-2020/sb255-higher-education-student-statistics/numbers> (дата обращения: 01.08.2020).
- Tomlinson, S. A dog's breakfast Brexit, 2016–18. Education and Race from Empire to Brexit // *Bristol: Bristol University Press*, 2019. Pp. 201–224. DOI:10.2307/j.ctvdtj4v.14 (дата обращения: 01.08.2020).
- Undergraduate admissions statistics. 2020. URL: <https://www.ox.ac.uk/about/facts-and-figures/admissions-statistics/undergraduate-students?wssl=1> (дата обращения: 01.08.2020).

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 11 (840)

VESTNIK
of Moscow State
Linguistic University
Humanities
Issue 11 (840)

Ответственные за выпуск 11 (840):
кандидат педагогических наук, доцент Д. А. Демина
кандидат филологических наук, доцент Е. А. Попова
кандидат филологических наук Е. А. Попова

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Г. П. Лопатина
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 24.12.2020
Усл. печ. л. 19,25. Формат 60x90/16
Заказ № 115/20

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и/или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Ссылка на издание обязательна